

ДВУРОВЦЫ

А.С. НЕВОЛИН

А.С. НЕВОЛИН

АВРОРОВЦЫ

---

*Издание второе,
дополненное*

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1977

Литературная обработка В. Дружинина

Неволин А. С.

Н40 Авроровцы. Изд. 2-е, дополн. М., Воениздат,
1977.

240 с. с ил.

В книге рассказывается об участии моряков-балтийцев в борьбе за победу Великого Октября и защиту завоеваний трудящихся. Бывший трюмный машинист крейсера «Аврора», член большевистской партии с марта 1917 года А. С. Неволин взволнованно повествует о пережитых исторических событиях, о стойкости, мужестве, верности революционному долгу моряков легендарного корабля. Второе издание дополнено главой о дальнейших судьбах авроровцев.

Книга рассчитана на массового читателя.

Н 10604-137 БЗВ № 7—1977 г. № 1
068(02)-77

9(С)21

© Воениздат, 1977

...Мы живем
приказом
октябрьской воли.
Огонь «Авроры»
у нас во взоре...

В. Маяковский

В городе Ленина, у гранитной набережной Невы, стоит легендарный Краснознаменный крейсер «Аврора». Его исторический выстрел в октябре 1917 года громовым раскатом прокатился по всей планете, возвестив человечеству о рождении первого в мире Советского государства.

Побывать на легендарном корабле, познакомиться с его славной историей — заветная мечта многих людей. Сотни тысяч советских граждан, представители более ста стран мира уже посетили корабль. Они встречаются здесь с ветеранами революции, в том числе и с бывшим матросом крейсера «Аврора», автором этой книги Александром Соломоновичем Невוליным. С волнением слушают экскурсанты рассказ бывшего трюмного машиниста о незабываемых днях Октября.

Жизнь Неволина напоминает суровую повесть. Детство его прошло на Урале, в шахтерском поселке Луньевка. Когда пареньку минуло тринадцать лет, он спустился в шахту. Рабочая среда стала для него школой жизни и борьбы.

В 1913 году молодого шахтера призвали на военную службу. Распрощался он с родным Уралом, уехал с эшелоном новобранцев в Петроград. Его направили матросом на крейсер «Аврора». Тогда я и познакомился с НевOLIным — опытным машинистом, честным, прямым человеком, верным другом.

В дни Февральской революции Неволин вместе с матросами и революционными рабочими Петрограда участвовал в уличных боях, разоружал юнкерское кавалерийское училище, штурмовал Литовский замок и другие бастионы самодержавия. В марте 1917 года вступил в ряды партии большевиков. Как и многим авроровцам, ему не

раз посчастливилось во время революции слушать выступления Владимира Ильича Ленина.

Все выше вздымался девятый вал революции. И вот наступил Великий Октябрь. Когда по приказу Смольного рабочие Петрограда, солдаты, матросы-балтийцы атаковали последнюю вотчину Временного буржуазного правительства — Зимний дворец, Александр Неволин шел во главе отряда авроровцев.

Позднее с оружием в руках защищал он колыбель революции Петроград, участвовал в подавлении контрреволюционных мятежей на фортах Красная Горка и Серая Лошадь. По зову молодой Советской республики, по велению сердца многие балтийцы, в том числе и Александр Неволин, уходили на гражданскую войну.

В годы мирного социалистического строительства Неволин продолжал служить на флоте. Окончил военную академию. Когда грянула Великая Отечественная война, сражался с врагом на Севере. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды.

А теперь о книге. Она мне нравится суровой правдивостью, любовью к людям революционного долга, неприимостью к врагам Родины. Читая ее и видишь перед собой нашу родную «Аврору», боевых друзей, как бы заново переживаешь события, навсегда вошедшие в историю.

Думается, книга полюбится читателям, особенно молодежи, поможет ей лучше понять величие и красоту подвига поколения Великого Октября.

*А. Б е л ы ш е в, комиссар и председатель
судового комитета крейсера «Аврора»
в октябре 1917 года*

(Предисловие написано к первому изданию книги.)

Рассказы машиниста Тихоньчева.

Дружба морская.

Залпы первой мировой войны.

Крейсер в дозоре

В майский штилевой день, разрезая морскую гладь, из Ораниенбаумской гавани вышел буксир. На его палубе толпились матросы учебной стрелковой военно-морской команды. В их числе был и я. По приказу командующего Балтийским флотом мы направлялись для прохождения морской практики на крейсера «Россия», «Аврора», «Диана». Что-то нас ждет на кораблях? Какова-то она, морская судьба? Эти вопросы тревожили каждого.

Мне выпал жребий служить на «Авроре». Матросы крейсера встретили нас по-братски. После учебной команды, где взводные и фельдфебели докучали нудной муштрой, здесь мы вздохнули свободнее. Бывалые моряки вводили нас в курс корабельной жизни. В первые же дни мы узнали, что водоизмещение крейсера — 6731 тонна, длина его корпуса — 123,7 метра, ширина — 16,8 метра, осадка — 6,4 метра, мощность машин — 11 610 лошадиных сил, скорость — 20 узлов, то есть 37,2 километра в час, что штат команды — 570 человек, в том числе 20 офицеров и 550 матросов.

К морю, его суровым законам я привык как-то быстро и чувствовал себя на воде не хуже, чем в горах и таежных дебрях родного Урала. Как и все строевые матросы, лихо драил палубу, нес вахту, участвовал в авральных работах, обслуживал пушку, по тревоге быстро занимал свое место. Словом, постепенно становился заправским матросом.

«Аврора» стала нам вторым домом. Ее богатая история увлекала нас. О ней мы многое знали от машиниста Тихоньчева — матроса с пышными седеющими усами. Он служил на флоте давно и помнил, как спускали крейсер на воду. Тихоньчев рассказывал, что «Аврора» построена

по проекту русских инженеров на верфи Ново-Адмиралтейского завода в Петербурге. 11 мая 1900 года было днем рождения крейсера.

— Я, братцы морячки, своими глазами видел, как спускали корабль со стапелей, а потом не раз ходил на нем в заграничное плавание, — рассказывал нам, повичкам, Тихонычев, поглаживая усы. — Вы только гляньте, какой вымпел у «Авроры» — самый длинный во всем Балтийском флоте. Издавна у нас живет обычай: сходил в заграничное плавание — удлиняй вымпел.

От матроса-ветерана узнали мы о трудном походе «Авроры» на Дальний Восток в канун русско-японской войны в составе 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала Рождественского. Англия и Франция закрыли свои порты для наших судов. Русские корабли прямо в открытом море принимали с транспортов уголь и продукты.

В Цусимском проливе русская эскадра встретилась с японскими кораблями. В этом сражении «Аврора» вместе с крейсером «Олег» вступила в бой с четырьмя вражескими кораблями. Японцы обрушили на крейсер лавину снарядов. Все трубы на «Авроре» были пробиты насквозь и зияли, как решето, снарядом срезало фок-мачту, взрывом фугаса в гармошку скрутило ходовой мостик. На корабле бушевал пожар. На рострах¹ горели шлюпки. Все заволокло едким дымом и гарью.

Положение стало особенно угрожающим, когда из строя вышло рулевое управление. Израненная вражескими снарядами, «Аврора» описывала полукруг, все более отклоняясь от курса. Момент был критический. Минный электрик Подлесный устремился на боевую рубку. Осколки снарядов рвали железо, но матрос не испугался. В считанные минуты он устранил повреждение бронированного кабеля управления рулем. Вскоре удалось потушить и пожар. Крейсер снова стал боеспособным.

Вскоре на помощь японцам подошло еще пять крейсеров. Теперь против «Авроры» и «Олега» сражалось девять вражеских кораблей. Бой разгорелся с новой силой. Русские моряки нанесли ощутимый урон японцам: подожгли и вывели из строя их первоклассный крейсер «Идзуми», повредили и другие корабли. Нашим крейсерам уда-

---

¹ Р о с т р ы — место на верхней палубе, где устанавливаются шлюпки.

лось оторваться от противника. Они взяли курс на Филиппинские острова. В Маниле раненых матросов доставили на берег. Экипаж немедленно приступил к ремонту кораблей.

Оглядываясь по сторонам, машинист Тихонычев рассказывал нам, что на Филиппинских островах моряки впервые узнали о первой русской революции. Это событие взбудоражило людей.

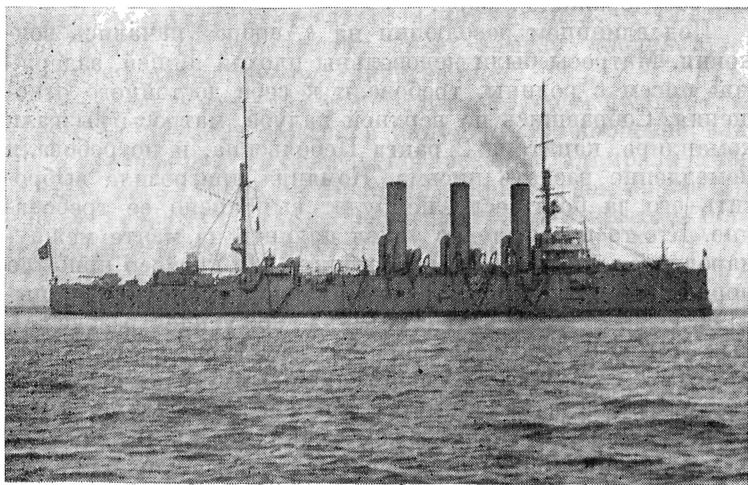
Под влиянием революции на «Авроре» начались волнения. Матросы были недовольны плохой пищей, задержкой писем с родины, требовали к себе достойного отношения. Собравшись на верхней палубе, матросы вызвали командира, капитана 2 ранга Небольсина, и потребовали немедленно раздать письма. Команда пригрозила выбросить его за борт, если не будет выполнено ее требование. Кто-то из офицеров успел поднять на мачте международный сигнал «На корабле бунт». На крейсер прибыло портовое американское начальство. Американцы пытались заступиться за Небольсина, но, увидев разгневанных матросов, посоветовали ему раздать письма. В феврале 1906 года, когда «Аврора» пришла в Либаву, большинство матросов было списано с корабля. Закончивших срок службы этапом отправили по домам, остальных послали на отдаленные батареи и вспомогательные корабли. Так царское правительство «отблагодарило» героев Цусимского боя.

Тихонычев рассказал нам и о том, как в 1907 году за сочувствие большевикам арестовали его друга Романа Карповича, а позже, перед уходом в заграничное плавание, списали с корабля еще нескольких матросов.

Шли дни. Постепенно мы свыкались с трудной и хлопотливой корабельной жизнью. Тяжелую матросскую участь скрашивали друзья. С ними было легче переносить все невзгоды. Моим закадычным другом на корабле стал Василий Круг — сын украинского батрака. Это был худощавый, статный парень с копной черных волос, молодецкими усами. Василий служил вестовым у офицеров в кают-компании. Одни матросы завидовали моему приятелю, другие относились к нему с опаской и недоверием, презирали Василия, говорили едко, без обиняков: «Холуй офицерский...» Но это была напраслина. Просто на его долю выпала такая должность. От Круга мы обычно первыми узнавали новости, услышанные им в кают-компа-

нии. Василий имел доступ к офицерской библиотеке. Он, как и я, любил читать и частенько снабжал нас книгами.

Пришелся мне по душе и эстонец Карл Сепп. Это был смелый, проворный парень. Не скрою, я завидовал его удали, смекалке. До военной службы Сепп плавал на торговых судах, а после окончания плавания, зимой, учился

Крейсер «Аврора»

в мореходном училище. Успешно закончив учебу, получил судоводительский диплом. Однако после призыва на военную службу его тем не менее послали на флот рядовым матросом. Говорил он с заметным акцентом. Плавая за границей, изучил английский язык и хорошо на нем изъяснялся. Карл увлекательно рассказывал нам о заморских странах. В дни, свободные от вахты, мы собирались втроем. Сепп рассказывал об Эстонии, Круг — об Украине, а же вспоминал родной Урал, мою шахтерскую Луньевку...

В первые летние месяцы 1914 года «Аврора» плавала на Балтике. На ее борту стажировались кадеты и гардемарины. В одной эскадре с нами находились крейсеры «Россия», «Диана» и несколько учебных кораблей. Про-

шёл слух, что скоро мы пойдём в заграничное плавание. Василий Круг, пощипывая усы, говорил:

— До берега пидэмо разом... Ты, Карлуша, знаешь порядки в чужих державах — станешь нашим провидником.

— Рад стараться, — весело отвечал Сешп.

Но неожиданно на палубы кораблей стали поднимать шлюпки и катера. Объявили боевую тревогу. Ночью «Россия», «Диана» и «Аврора» снялись с якорей, с потушенными огнями форсированным ходом пошли в Ревель. Там в срочном порядке погрузили уголь и ушли в Кронштадт.

— Что бы это могло означать? — с удивлением спрашивали мы друг у друга.

По кубрикам полз зловещий слух о войне. Тревога и волнение чувствовались и в среде офицеров. Вместе с матросами они находились у пушек. Отбоя боевой тревоги не было до самого Кронштадта. Навигационные огни и маяки на море не действовали. Как-то незаметно потухли шутки и веселые разговоры у фитиля¹. В Ревеле матросов в город не пустили, но Круг, выполняя какое-то поручение на берегу, купил газету, и мы узнали, что в Сербии убит австрийский наследник престола, возможно, Австрия объявит войну Сербии, а Россия будет защищать ее.

— Заваривается, хлопцы, каша, — задумчиво сказал Круг.

К кучке матросов подошел машинист унтер-офицер

Матрос А. С. Неволин. 1916 г.

¹ Ф и т и л ь — специально свитый пеньковый трос. Подожженный с одного конца, он все время тлеет над посудиною, наполненной водой. Служит для прикуривания сигарок.

Петр Иванович Курков — человек на первый взгляд сумрачный, но с добрым, отзывчивым сердцем. Во время разговора его серые глаза внимательно рассматривали собеседника. В машинном отделении на «Авроре» он служил с 1912 года.

— Вот что, ребята, — сказал Курков, — не будьте лежачими, когда офицеры начнут говорить о войне. Кому она пужна? Только буржуйам.

По тому времени это были смелые слова. Они пришлись по душе матросам.

Случалось мне разговаривать с Курковым и раньше. Он, как и я, был рабочим человеком, до службы на флоте трудился на фабрике. Петр Иванович быстро завоевал наше доверие. Я не раз делился с ним своими сокровенными мыслями. Однажды, внимательно выслушав меня, он сказал:

— Да, знаю, жизнь матросская горькая, но на корабле о своих думах, Саша, не всякому рассказывай — ищек тут много, возьмут и донесут.

Придя в Кронштадт, мы припяли на борт боезапас, выгрузили имущество и материалы, опасные в пожарном отношении. Сдали даже шлюпки, оставив только два паровых катера. На берег были списаны кадеты и гардемарины. Занятые изнурительной авральной работой, мы мало что знали о событиях на белом свете, хотя и слышали, что война уже началась.

И вот команду выстроили на шканцах¹. Командир корабля прочитал царский манифест о войне с Германией, произнес напыщенную речь, призывая матросов грудью защищать веру, царя и отечество. После этого приказал поднять Военно-морской флаг, под которым «Аврора» героически сражалась в Цусимском проливе. На флагшток медленно пополз закопченный, пробитый осколками снарядов андреевский флаг. Офицеры, кондукторы и унтер-офицеры зычно крикнули «ура». Лица матросов были угрюмы и растеряны.

Нам приказали грузить уголь. Сваливали его не только в угольные ямы, но и на верхнюю палубу. Не успев после аврала даже прибрать корабль, снялись с якоря

---

¹ Шканцы — средняя часть верхней палубы корабля, где строится команда, производятся смотры и т. д.

и в кильватер¹ «России» в сопровождении миноносцев вышли из Кронштадта. Перед взором раскинулось море — серое, неприветливое. Не видно на горизонте торговых судов, не маячат рыбацьи лайбы². Прошли остров Вульф. К полудню на зюйд-осте показались дымки. Офицеры на мостике засуетились, прильнули к биноклям. Горнист сыграл боевую тревогу. Матросы быстро встали на боевые посты. От орудия к орудию передавалась весть: на горизонте немецкие корабли! Посуровели матросские лица, ожидая команды к бою.

К пушкам подошел плутонговый командир³.

— Ваше благородие, почему не вступаем в бой с врагом? — показывая на дымки, взволнованно спросил комендор Огнев.

— Это же не противник, а наши корабли: минный заградитель «Амур» и миноносцы... К тому же не твоего ума дело — рассуждать! — пренебрежительно сказал офицер и отвернулся от матроса.

Отойдя в сторону, Огнев с обидой заметил:

— Кровь проливать — наше дело, а вот рассуждать — не полагается!

— Вы знаете, зачем мы пришли сюда? — спросил нас пробегавший мимо Круг, оглядываясь, нет ли поблизости офицеров. Мы недоуменно пожали плечами. — «Амур» ставит мины на фарватер к Данцигу, а мы его прикрываем...

И хотя суровы были матросские будни, человеческие души тянулись к свету. Пожалуй, самой большой отрадой были для нас книги. Помню, с какой жадностью, тайно от командования читали «Мать» Горького, радовались за Ниловну, Павла Власова, переживали за их судьбу.

Обращаясь к Куркову, Василий Круг сказал:

— Вот так и нам бы топтать по жизни. А нет ли у тебя еще чего про революцию?

— Ты что, парень, на плавучку «Волхов» захотел? Будешь неосторожным, мигом туда угодишь, — ответил, хмурясь, Петр Иванович.

---

¹ Кильватер — струя позади идущего корабля по линии кила. Идти в кильватер — идти вслед за другим кораблем по одной линии.

² Лайбы — небольшие парусные суда.

³ Плутонг — группа орудий под командованием одного начальника — плутонгового командира.

Мы знали, что «Волхов» превращен в плавучую тюрьму для неблагонадежных матросов. Арестованных содержали там в каторжных условиях.

Когда Вася ушел, Петр Иванович сказал:

— Толковый парень, душа нараспашку, а за язык пропасть может. Был у меня дружок, по фамилии Глушков. Служил вестовым на корабле «Адмирал Корнилов». Понимал, что так жить нельзя, но как изменить жизнь, не знал. Бунтарствовал, спорил с офицерами. Невзлюбил его мичман Понютин. Ну и стал помыкать вестовым да издеваться над ним. А Глушков — гордый парень. Выхватил как-то у него пистолет и уложил буржуйского сынка на месте. И сам потом расстался с жизнью...

Однажды, когда стояли у стенки в Ревеле, на крейсер прибыло пополнение. После работы мы с Сепом спустились в кубрик, где разместились новобранцы. Рядом с Курковым я увидел высокого матроса с сединой на висках, видимо призванного из запаса.

— Знакомьтесь, ребята, это Давыдов, мой закадычный друг и мастер играть на баяне, — сказал Курков, обращаясь к нам.

Позже я узнал, что Петр Иванович и Давыдов до службы на флоте работали на одной фабрике.

...В напряженных хлопотах флотской службы проходили дни и месяцы войны. Крейсеры держали дозор. Время от времени мы заходили в Ревель за углем, пресной водой и продовольствием.

28 сентября «Аврора» вместе с «Россией» вышла в очередной дозор на смену «Громобок» и «Палладе». Время подходило к полудню.

Горнист протрубил сигнал «Команде обедать».

Бери ложку, бери бак,
Нету хлеба — лопай так! —

нараспев декламировал Сеп в тон сигналу матросскую прибаутку. Он схватил бачок и бросился к камбузу, чтобы первым встать в очередь за борщом. Карл дежурил по столу и старался сытнее накормить товарищей. Пользуясь ясной погодой, матросы устраивались на верхней палубе — в тени за орудийными щитами, на швартовых тумбах, а некоторые прямо на палубе. Мы обедали на

полубаке¹. Вдруг увидели на горизонте идущие контр-курсом наши корабли. Под сигнал горниста «Захождение» крейсера разошлись. Не успели они удалиться друг от друга, как раздался сильный взрыв. На месте «Паллады» взметнулся столб дыма и воды, похожий на гигантский гриб. После того как ветер разнес дым, мы увидели на волнах обломки деревянной палубы да несколько матросских фуражек. Это все, что осталось от корабля. Так мы стали свидетелями трагической гибели крейсера, который был атакован немецкой подводной лодкой.

Командование «Авроры», напуганное гибелью «Паллады», завело крейсер в лабиринты Або-Аландских шхер, где он простоял недели две. Потом поступил приказ прорываться к своей базе. Темной штормовой ночью полным ходом пошли на Ревель. К утру крейсер стоял уже на большом Ревельском рейде. Под борт поставили огромную баржу с кардифским брикетом и объявили аврал. От ядовитого топлива матросы задыхались, даже временно слепли. Брикетная пыль въедалась в кожу, ее трудно было отмыть.

Матросы лелеяли надежду, что после погрузки и авральной уборки корабля получат увольнение. Нам не раз приходилось стоять на Ревельском рейде, но побывать в городе так и не удавалось. На этот раз мне повезло. Получил увольнение и Карл Сепп. Высадились в гавани. В порту стояло много пароходов и эстонских лайб, но они не разгружались и не принимали груза. Кругом царил безмолвие. По узким улочкам пошли в старый город. В лабиринтах старого города матросам было вольготней, чем на широких и людных проспектах и площадях Нового Ревеля. Офицеры обычно не появлялись здесь, и нам не угрожало попасть в карцер за неотдание чести или еще за что-нибудь.

В узком переулке увидели большую толпу. Двое верзил-городовых тащили по земле окровавленного человека. Он отбивался, крича что-то по-эстонски. Толпа взволнованно гудела.

— Р-р-разойдись, не то худо будет! — вопил рыжеусый блюстителъ порядка, хватаясь за пашку.

— Что тут произошло? — спросил я у старика.

— Молодчики побили эстонца, видишь, трое пошли.

---

¹ Полубак — палубная надстройка над носом корабля.

Одного из них я знаю — сынок крупного подрядчика. Но полиция его не трогает. Отец пристроил лоботряса на военный транспорт, чтобы не взяли в солдаты. Транспорт стоит в порту, а он по трактирам шляется.

Из-за угла появился конный патруль. Толпа стала расходиться. Молча возвращались мы на «Аврору». На сердце было пасмурно. В матросской среде все чаще вскипала ненависть к царскому самодержавию.

...Основные силы русского Балтийского флота в 1915 году стояли на Гельсингфорском рейде. Большинство кораблей находилось в полной боевой готовности... Однажды исполнявший поручение офицеров Василий Круг вернулся из города чем-то встревоженный. Улучив удобную минутку, я спросил его, в чем дело.

— Гангутцы волнуются, — тихо сказал он, спускаясь в нижнюю палубу.

Через полчаса Круг поднялся наверх и, зайдя за оружейный щит, жестом показал следовать за ним.

— На «Гангуте» матросы отказались есть обед, сваренный с тухлым мясом, — шепнул он, волнуясь. — Идут аресты... На других кораблях тоже беспокойно...

Сменившись с вахты, я сообщил новость Куркову и Давыдову.

— Надо поддержать гангутцев, — сказал Курков. — Друзья-то познаются в беде.

— Верно, Петя, — заметил Давыдов.

Когда командование крейсера, построив на юте¹ матросов верхней команды, выдало им боевые патроны, все уже знали, что их хотят послать на усмирение гангутцев.

— Братцы, что же это такое? Неужто пойдем против своего же брата матроса? — слышались возмущенные голоса.

— Да кто мы — моряки или жандармы?! Пусть нас против немцев посылают, а не против своих! — крикнул матрос Липатов.

— Не пойдем на «Гангут»! — поддержал его комендор Огнев.

Внезапно из-за рубки вынырнул рослый, с русой бородкой боцман Диденко. На голове офицерская фуражка с кокардой. Хотя и отдаленно, но внешностью своей на-

---

¹ Ют — кормовая часть верхней палубы корабля.

поминал он царя Николая, что служило поводом для колких матросских шуток.

— Ну, раскаркались! — громогласно крикнул он.

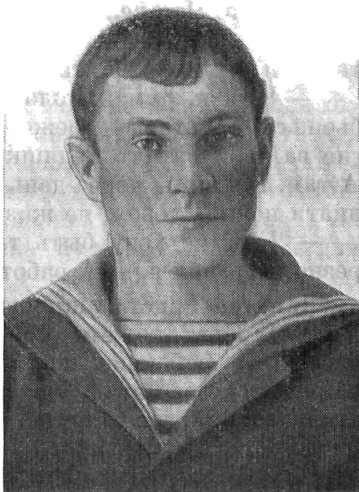
Боцман двинулся вдоль строя, вглядываясь в лица матросов и стараясь угадать бунтовщиков.

Все смолкли. В это время появился вахтенный офицер Муромцев — один из либерально настроенных офицеров на корабле. Боцман подскочил к нему и, волнуясь, что-то вполголоса доложил. Мы видели, как сразу изменилось лицо офицера: добродушие исчезло, появился испуг. Муромцев ринулся по трапу вниз.

Командование «Авроры», боясь опасных последствий, отменило приказ идти на «Гангут». Винтовки было приказано поставить в пирамиды, а боевые патроны сдать.

Мы ожидали расправы. Но все обошлось благополучно. Командир корабля капитан 1 ранга Бутаков — один из представителей «морской династии» Бутаковых¹ — был человек справедливый, с демократическими взглядами. Не желая обострять недовольства матросов, он постарался замять этот случай. Но на «Гангуте» поползли провокационные слухи, что часть команды «Авроры» участвовала в конвоировании их корабля. Это был испытанный метод натравливания одной команды на другую.

В конце 1915 года на корабле заговорили о том, что всем молодым матросам, прибывшим из морской учебно-стрелковой команды, будет устроен экзамен. Кто сдаст его, того произведут в унтер-офицеры. Это заставило меня

Матрос В. Круг

¹ Командир «Авроры» продолжал родословную адмирала А. И. Бутакова — путешественника, участника кругосветного плавания на военном транспорте «Або», и Г. И. Бутакова — создателя тактики парового военно-морского флота, одного из героев Севастопольской обороны 1854 года.

призадуматься. Уж очень не хотелось влезать в шкуру начальства. Что делать? Решил посоветоваться с бывалым матросом Тимофеем Липатовым. Мы уважали его за житейский опыт, чутье, твердый характер.

— Что ж, думай, голова садовая,— сказал он. — Пробьешься в унтеры — реже будешь стоять на вахте, другие за тебя станут медяшку драить и подметать палубу. А там, глядишь, через день увольнение на берег до двенадцати ночи! Словом, не жизнь — малина...

— Нет, не хочу быть таким, как боцман Диденко, — резко возразил я. — А работы я не боюсь...

Липатов пристально посмотрел на меня и сказал:

— Я, брат, тоже не советую тебе лезть в унтеры. Человек ты рабочий, постарайся попасть в машинную команду, в трюмные. Это для тебя куда лучше. А на экзамене прикинься этаким простачком.

Через некоторое время матросам учебной стрелковой команды приказали переодеться в черное обмундирование и предстать перед комиссией, возглавляемой старшим артиллеристом корабля. Комиссия торжественно заседала в церковной палубе. К столу вызывали по одному человеку.

— Неволин! — услышал я свою фамилию.

Я подошел по-уставному, стараясь держаться так, чтобы не заподозрили в том, что увиливаю от производства в унтер-офицеры. На вопросы старшего артиллерийского офицера отвечал явно невпопад, чем рассмешил стоявших вблизи матросов.

— Тиге же вы, болваны! — прикрикнул старший артиллерийский офицер на матросов и, обращаясь к моему ротному командиру лейтенанту Винтеру, с упреком в голосе сказал:— Видите, батенька, как учите людей...

— Да он как будто... Что с тобой сегодня, Неволин?

Я промямлил что-то, но этим еще больше рассердил председателя комиссии.

— Иди прочь, олух!

— Есть, ваше высокоблагородие, — обрадовался я, повернувшись, как требовал устав.

После Тимофеем с укоризной говорил мне:

— Неосторожно ты вел себя...

В следующее воскресенье перед строем прочитали приказ о производстве в унтер-офицеры. Я в этом приказе

не значился. Вскоре меня перевели трюмным машинистом опреснительных аппаратов.

В 1916 году «Аврора» вместе с броненосцем «Слава» курсировала в Рижском заливе. Иногда приходилось отбивать атаки неприятеля, который пытался прорваться в тыл наших войск. Но вот стало известно, что скоро станем на ремонт в Петрограде. Радости нашей не было границ.

Перед уходом из Рижского залива «Аврора» стояла на якоре возле пустынного островка, куда высаживались для прогулки матросы с эсминцев и броненосца «Слава». Однажды в воскресный день отпустили на берег часть команды и с нашего корабля. Тут были Давыдов, Курков, Сепц, Подольский и другие. После обеда два баркаса с матросами направились к берегу пустынного островка, открытого чахлым лесом.

— Иди на мыс, к морю, — незаметно для окружающих шепнул мне Давыдов, когда баркасы ткнулись в песчаный берег.

Я сказал об этом Подольскому и Сепцу. Придя в указанное место, уселись на больших камнях.

— Что это такое? — сказал Подольский, поднимая с земли какой-то листок. — Вроде письмо, на машинке напечатано.

Мы хотели прочесть текст, но на опушке леса показалась группа матросов, в которой были Давыдов и Курков. Давыдов был с гармошкой.

— Это листовка, — тихо проговорил Подольский.

— Покажи ее Давыдову, — предложил я ему.

— А можно?

— Конечно.

— Вы уже здесь, братва! Быстро пришли, можно было еще погулять, — заметил Давыдов, выбирая место, где бы сесть. Подольский подошел к нему и что-то тихо сказал на ухо.

— Листовку, говоришь, нашел? — спросил Давыдов. — А ну, покажи. Сейчас узнаем, что там такое?

И начал читать.

— «Товарищи солдаты и матросы! Уже третий год длится война, и все не видно конца ее, — доносился глуховатый басок. — Как бы ни старались господствующие классы и их прислужники замутить сознание народов ядом зверской вражды — истину им не скрыть! Война ведется не народами, а правительствами и правящими классами,

и ведется не за народные интересы, как кричат продажные писаки в продажных газетах, а за интересы капиталистов-фабрикантов и помещиков всех воюющих стран...

Товарищи! Мы — плоть от плоти и кость от кости народной! Наше место в рядах народа. Вместе с рабочими должны мы готовиться к решительному натиску против шайки насильников, грабящих страну и толкающих все человечество в пропасть. Никакие силы не смогут нас одолеть. Сметая всех насильников и угнетателей, проложим мы дорогу к вечному миру и свободе. Так дружно, товарищи, за дело!

Долой преступную войну!

Долой монархию!

Да здравствует вторая российская революция!»

Внизу стояла подпись: главный коллектив Кронштадтской военной организации РСДРП (б).

Кончив читать, Давыдов посмотрел на слушателей. Мы сидели в раздумье, лица светились суровой решимостью. Голос большевистской подпольной организации взбудоражил сердца.

Показался патруль с офицером во главе. Чтобы не выдать себя, кто-то из нас затаил знакомую всем морскую песню. Подошел патруль. Офицер подозрительно окинул всех взглядом, постоял немного, закурил и пошел дальше.

Когда патруль скрылся в лесу, Давыдов запел запрещенную песню:

Победа за вами осталась, враги,
Борцов за свободу разбили...
Вы в общую яму их трупы свезли
И тайно среди ночи зарыли.
Но знайте: их дух вы убить не могли,
Он в нас, он остался меж нами...

Матросы молча слушали печальную и героическую песню первой революции.

— Шабаш, — вдруг сказал Курков. — За нами наблюдают...

Взволнованные возвратились мы на корабль перед закатом солнца. Скоро поняли, что начальство что-то пронохало. Участились обыски. Через некоторое время загадочно исчез Давыдов. Мы попросили Василия Круга узнать, где он находится, но все попытки оказались тщетными. Давыдов будто в воду канул.

На смену «Авроре» в Рижский залив пришел крейсер «Адмирал Макаров». Перед отходом на «Авроре» сменилось начальство: командиром корабля вместо Бутакова был назначен капитан 1 ранга Никольский. Старший помощник командира корабля Бошняк также ушел с «Авроры», его место занял капитан 2 ранга Огранович. Был списан с корабля и мичман Муромцев. Новое командование вводило свиреные порядки. Мы поняли, что этим нас хотят запугать, сломить всякое сопротивление.

В сентябре 1916 года «Аврора» приняла уголь и взяла курс на Кронштадт. Шли новым фарватером — проливом между островами Моон и берегом. Условия плавания здесь трудные. Несколько раз корабль садился на мель, а у входа в Финский залив попали в жестокий шторм. И сейчас помнятся подробности этого трудного похода. Ночь была темная. Шли с потушенными огнями. Гребни пенистых волн с шумом накатывались на левый борт корабля. Ощущение от качки было такое, будто тебя посадили в гигантские качели и чья-то могучая рука все сильнее и сильнее раскачивает их. Волны, фосфорически светясь, окатывали стоявших у пушек дежурных и вахтенных матросов. С каждой минутой шторм крепчал, порывы ветра становились все сильнее. Заунывный визг, свист в снастях, треск и скрип рангоута¹ — все сливалось в зловещем вое.

Шальной волной окатило боцмана Диденко. Мрачный, злобный, ненавистный всем матросам, он крепко выругался, хотел было на ком-нибудь сорвать досаду, но никого не оказалось рядом. В это время корабль еще сильнее качнуло с одного борта на другой. На рострах, заглушая шум бури, что-то загремело. Вахтенные и часть матросов, дежуривших у пушек, бросились к рострам. Послышалась команда вахтенного офицера:

— Все наверх!

У люков заливались дудки вахтенных:

— Все наверх, все наверх!

Полусонные, усталые моряки бежали на шканцы, строились. Взобравшись на ростры, я увидел, что гребной катер при сильном крене сорвался с блоков и теперь, вися

---

¹ Рангоут — совокупность круглых деревянных или стальных трубчатых частей оборудования судна, предназначенных для постановки парусов, сигнализации, поддержания грузовых стрел и пр.

на таях¹, бился и скрипел, будто стонал. Винить можно было только взбесившийся ветер. Но боцман Диденко жаждал найти виновника. Под руку попался матрос Осипенко.

— Я же велел закрепить катер! Почему не сделал?— И ударил кулаком по лицу ни в чем не повинного матроса.

— Что же это такое, братцы? — слышались из темноты возмущенные голоса.

— За что шкура измывается над нашим братом?!

— Кто дал ему право?!

— Бей боцмана-гада! — зло крикнул кто-то.

Но тут появился помощник командира корабля Огранович. Увидев перепуганное лицо боцмана, он почувствовал что-то неладное. Чтобы разрядить обстановку, резко скомандовал Диденко:

— Закрепить катер! Подвахтенных оставить, остальных распустить!

Случай с Осипенко возмутил всех матросов «Авроры», но кому пожалуешься на свою горькую судьбу. «Крысе на корабле и то лучше живется, чем нашему брату матросу... Но ничего — отольются кошке мышьи слезки», — подумал Тимофей Липатов, сжимая кулаки.

Как-то вскоре он зашел к нам в кубрик и, оглянувшись вокруг — нет ли чужих людей, предложил:

— Споем, друзья, про матросскую жизнь.

И хотя песня, которую он затянул, была не особенно складной, но она выстрадана, написана кровью сердца.

Тебя рано на службу отдали,
Вас два сына всего у отца,
И пошел ты служить со слезами,
Проклиная царя-подлеца...

Послышались шаги. Песня сразу оборвалась. Но тревога оказалась напрасной: в кубрик вошел Круг.

Потом заговорили о войне. Нить разговора держал Тимофей Липатов. До этого мне не часто приходилось слушать его. Оказалось, что говорит он толково, вразумительно, своего мнения не навязывает, но слово его имеет большое влияние. Это заметили и другие.

---

¹ Т а л и — система тросов и блоков, облегчающих подъем тяжестей.

— Понимаешь, Сапа, — сказал мне однажды Карл Сепп, после того как Тимофеем беседовал с нами о чем-то, — этот матрос, мне кажется, с умом человек. И ведь грамоты у него вроде не больше, чем у нас с тобой, а смотри, как толково все объясняет.

— Не в одной грамоте дело, — заметил я Карлу. — Иным она не идет впрок.

— Коли б Липатова командиром поставить, вот бы жизнь была для матросов, — вставил свое слово Василий Круг.

— А ты, Сепп, разве не смог бы командовать кораблем? У тебя же есть судоводительский диплом? — спросил я друга.

— Нет, не смогу... На торговых судах плавал, а здесь — другое дело. Вооружение надо знать, тактику...

Несколько позже Липатов рассказал мне о своей жизни. Едва Тимофею исполнилось десять лет, как пришлось покинуть родное село в Тамбовской губернии. Слишком много бедняков жило в этом селе, слишком много голодных ртов было в семье Липатовых. И ушел Тимоша в Москву. «Куда бы пристроиться? — думал он. — Пойду в какую-нибудь булочную: хоть голодать не придется». Устроился в булочную Севастьянова на Арбатской площади. Хозяйский хлеб оказался горьким, как полынь. Однажды осенью, когда Тимофей переносил булки из пекарни в магазин, тяжелая корзина перевернулась и булки полетели в грязь. Мальчика выгнали из булочной. Стал Липатов работать в столярной мастерской. Парень он был крепкий, сообразительный и ремесло познал быстро. Но вот в 1904 году вспыхнула забастовка на Красной Пресне. Шестнадцатилетний Тимофей распространял большевистские листовки и попал на заметку полиции. Хозяин прогнал его.

С трудом удалось парню устроиться в столярную мастерскую Николаевского женского училища на Солянке. Но и оттуда уволили за связь с «неблагонадежными» людьми. И только призыв на флот положил конец мытарствам. Тимофея направили в Ораниенбаум, в морскую учебную команду. В феврале 1910 года списали на «Аврору». Здесь, на крейсере, началась для Липатова новая жизнь. В 1914 году должен был уйти в запас, но началась война, и остался на корабле.

Как-то незаметно мы сдружились с Тимофеем. Бывало, насмурно станет на душе — пойдешь к другу, он поддержит, дельный совет даст.

Тем временем «Аврора» пришла в Кронштадт, и мы приступили к разгрузке корабля. Нужно было снять боезапасы, шкиперское и другое имущество, чтобы облегчить прохождение корабля в Петроград по недостаточно глубокому морскому каналу.

Во время аврала боцман Диденко, как всегда, покрикивал на матросов. Не обходилось и без зуботычин.

— Я вас научу службе! — шумел он. Его козлиная бородка тряслась от злости.

Особенно издевался он над Осипенко, возненавидев матроса после памятной штормовой ночи. Осипенко отличался не только редкостной выносливостью, но и был на диво безропотен и молчалив. Это еще больше бесило боцмана.

— Так ты, мерзавец, и внимания не обращаешь?!

— На кого? — тихо спрашивал Осипенко.

— На боцмана, на твоего боцмана! — орал Диденко. — Значит, мои слова тебе, что горох об стенку? Ничего, я тебя выучу! Не говоришь, так заплачешь!..

Однажды при погрузке Диденко приказал взвалить на плечи матроса куль, который и двоим не поднять. Кряхтя и сопя, тот направился вверх по трапу. Не выдержав тяжести, качнулся, а затем вместе с пошей свалился вниз. Падая, разбил себе голову и вывихнул руку. Но боцмана это не тронуло. Подбежав к распростертому матросу, он пнул его ногой.

— Что же это такое? — возмутился проходивший мимо Липатов. — Что вы стоите? — бросил он матросам. Его сильные руки сжались в кулаки.

Все бросили работу, подбежали к пострадавшему, подняли его на руки и понесли в корабельный лазарет.

— Мы тоже в долгу не останемся, правда, Саша? — обратился ко мне Липатов. — Придет время — сквитаемся.

И скоро представился случай проучить ненавистного боцмана. «Аврора» из-за малой глубины не могла вплотную подойти к стенке причала. Для сообщения с берегом служил железный баркас, который перетягивался канатом. Когда баркас подтянули к стенке, Диденко хотел было выскочить на берег, но в этот момент баркас резко дернулся, и боцман кувыркком полетел за борт.

— Неволни, быстрее спасательный круг! — слышалась команда.

Я схватил круг и что есть силы бросил его. Конечно, «перестарался» — круг оказался далеко от боцмана.

Диденко беспомощно барахтался в холодной и мутной воде, безуспешно пытался ухватиться то за высокий борт баркаса, то за скользкий причал. Его лицо, испачканное нефтью, исказилось от страха и позора.

Наконец подали боцману отпорный крюк. Диденко судорожно ухватился за него. Подтянув его к борту, мы сделали вид, что не удержали, и отпустили крюк. Боцман грузно полетел в воду. Подали крюк второй раз, снова подтянули, но на этот раз Диденко, обессилев, не удержался сам. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы матросы с подошедшего катера не вытащили нашего боцмана. Мы ожидали всяческих неприятностей, но, к удивлению, Диденко молчал. Боялся, видимо, как бы не случилось самое худшее, дрожал за свою жизнь.

Команда корабля, занятая авральными работами, не бывала на берегу. Но все-таки до нас доходили тревожные вести о тяжелом положении на фронте. Они вызвали глухое брожение в матросской среде. Корабельное начальство чувствовало это и старалось пресечь недовольство.

Как-то Василий Круг отозвал меня в сторону и, волнуясь, сказал:

— Начальство ищет смутьянов.

В кубриках начались обыски. В тот же день пришли и в команду машинистов.

— Выкладывай, выкладывай! — покрикивал фельдфебель Голубев на матросов, стоявших со своими вещами.

Рядом с обмундированием я положил шкатулку, подаренную мне дедом, и стал ждать, когда подойдет Голубев. Фельдфебель долго перебирал и рассматривал вещи. Все оказалось в порядке. Но вот его взгляд скользнул по шкатулке.

— А это что? — строго спросил он.

— Шкатулка, господин фельдфебель!

— Болван, сам вижу, что шкатулка... Что в ней такое? Быстрее открыть!

Я стал искать ключик и, как это часто бывает, когда спешат, никак не мог его найти. Чем дольше искал, тем больше фельдфебель проникался мыслью, что в шкатулке

хранится что-то недозволенное. Прошла минута, другая, а я все копаюсь в карманах.

— На десять часов под винтовку! — не выдержал фельдфебель.

Достав свой нож со свайкой, он засунул его под крышку и, нажав, отколол кусок крышки. В тот момент, когда застонала крышка, я обнаружил затерявшийся в кармане бушлата ключик.

— Вот он, нашелся!

— Ах, все же нашелся... Поздно, голубчик, — процедил сквозь зубы Голубев.

Но содержимое шкатулки разочаровало его: ничего, кроме писем, фотографий и нескольких рисунков, которые я сделал на досуге, в ней не оказалось.

— Я тебе покажу, скотина, как закрывать шкатулку, секреты разводить. Художник! — И раскатисто засмеялся.

Ярость душила меня, хотелось ударить шкатулкой фельдфебеля по голове, но Липатов делал мне знаки успокоиться. С трудом овладев собой, стал собирать разбросанные вещи.

Никакой крамолы в матросских рундучках не нашли.

*«Аврора» приходит в Петроград.
Крепнут связи матросов с рабочими.
Восстание на корабле.
Крушение царского самодержавия*

Ноябрь 1916 года, казалось, ничем не отличался от того же месяца прошлого года. Те же непроницаемые туманы, тот же свинцовый цвет воды, те же холодные ветры... Но настроение у команды «Авроры» было куда лучше. Ведь крейсер шел в устье Невы. Вот показалась Лесная гавань. Сколько в ней пароходов! Немало среди них и трофейных. По правому борту показался в туманной дымке Франко-Русский завод. Здесь будет ремонтироваться наш крейсер.

Мы пришвартовались против цехов завода. Не прошло и недели, как морозы сковали Неву. Для отопления «Авроры» к ее борту поставили пароход. На крейсере появились заводские рабочие. Ремонт опреснителей, в котором участвовали Карл Сепп и я, руководил опытный рабочий Афанасий Силыч Пермяков, скромный, молчаливый человек средних лет. Война, изнурительный труд, хроническое недоедание преждевременно состарили его: в волосах поблескивала седина, у рта залегли глубокие морщины. Но вопреки всему он был полон сил и энергии и не жаловался на судьбу.

На второй или третий день, после того как мы разделили с Афанасием Силычем наш скромный завтрак, он смущенно поблагодарил и, затаившись вонючим самосадам, заговорил:

— Наверное, вы не представляете себе, как нынче тяжело рабочему люду?

— Как не представляем? — отозвался Карл. — Что у нас на глазах пелена, что ли?

— Мы, мужики, кое-как терпим, а вот женщинам и детишкам совсем беда. Вы на берег еще не ходили, как город живет, не видели? А надо бы посмотреть, что происходит сейчас в Петрограде.

— Рассказывали, будто очереди у магазинов чуть ли не на версту? — спросил я мастера.

— Да, это верно. Встанет жена с вечера, а хлеба не привезут. Побежит в другую очередь, простоят весь день — и все напрасно. И ума не приложу, как дальше жить будем.

— Во всех бедах войпа виновата, — задумчиво заметил Карл.

— Но войпа-то не с неба падает, — сказал я. — Кому-то она нужна...

— Только не пам, матросам, и не им, рабочим.

Мимо прошел вездесущий Голубев. Во время ремонта, казалось, мог бы и не усердствовать, по, выслуживаясь перед начальством, фельдфебель не оставлял нас без надзора. Когда блюститель порядка отошел от нас, мы предупредили Пермякова, что в присутствии Голубева и боцмана нужно быть осторожным.

Познакомившись с нами поближе, Афанасий Силыч стал более откровенным. От него мы узнавали о жизни рабочих, о том, что происходит в городе. Однажды Пермяков показал мне листовку Петроградского комитета большевиков, в которой говорилось о надвигавшемся, как страшный призрак, голоде, о необходимости бороться против войны, против царской системы насилия и хищничества.

В другой раз Пермяков припес газету. Мы с Карлом по очереди, скрываясь от постороннего глаза, читали ее. Слова волновали, жгли сердце. Это была большевистская газета «Социал-демократ». Нет, не зря командование «Авроры» так боялось нашего общения с рабочими. На флоте все более копился взрывчатый материал революции.

Недовольство среди матросов росло, усиливалась ненависть к войне. Возмущали тяжелое положение простого парода в Петрограде, драконовские меры против нашего брата матроса. За ремонт корабля нам полагалась плата, но ее получало командование. Закрыли нашу корабельную лавочку, где иногда можно было купить что-нибудь для себя, а чаще для рабочих, ремонтировавших «Аврору».

Однажды Карл пришел в опреснитель в крайне подавленном состоянии.

— Что случилось? — спросил я его.

— Только что получил трое суток карцера, — пробурчал он.

— За какие грехи?

— Фельдфебель обнаружил в рундуке краюшку хлеба. Припас для Афанасия Силыча.

— Ты же знаешь, дружище, на это был запрет.

— Да ведь хлеб-то мой, — возмущался Сешп. — Имею я право распоряжаться им?

— Ну ладно, успокойся, — пытался я утешить друга. — Припомним мучителям и эти трое суток карцера.

Подошло воскресенье. Нам с Карлом удалось получить увольнение на берег. Первое долгожданное увольнение! Медленно ходили мы по улицам, всматривались в облик города. Как изменился Петроград! Улицы и проспекты, некогда шумные и нарядные, стали хмурыми, почти безлюдными. Только у хлебных магазинов толпились очереди. Старики и женщины, укутанные поверх пальто в платки и одеяла, ожидали голодного пайка. Угрюмые, подавленные, они едва держались на ногах. На каждом шагу встречались посиневшие, дрожащие от холода нищие. Среди них было немало инвалидов войны с блестящими на груди Георгиевскими крестами и медалями. При виде их наши сердца закипали ненавистью к врагам трудового народа.

Побродив по улицам столицы, решили навестить Пермякова. Афанасий Силыч встретил нас радушно, как родных. Он сокрушался, что не может угостить друзей по русскому обычаю.

— Что поделаешь, время тяжкое, — как бы извиняясь, говорила жена Пермякова — невысокая худая женщина. — Садитесь, сыночки, садитесь, — ласково упрасивала она. — Рассказывайте, как служится и работается. А то от моего толком ничего не узнаешь.

— А что тебе знать? Работаем, вот и все! — обиделся на жену хозяин.

Узнав о приходе матросов, к Пермяковым потянулись соседи, заполнив до отказа тесную каморку. Завязался дружеский откровенный разговор.

— Может, у вас на «Авроре» знают, когда проклятой войне конец придет? — спросил пожилой рабочий.

Что мы могли ответить на этот вопрос? Отшутились тем, что, мол, нам министр об этом не докладывал.

— А скоро ли наших кормильцев домой отпустят? — встала старушка с беззубым ртом. — Ведь терпеть дальше сил наших нету. Рапьше хоть в деревню поедешь, ка-

кие-нибудь пожитки поменяешь на картошку или крупу. А вот наемдни ездила, еле уговорила одного мужика взять пиджак покойного мужа... А что привезла? И глядеть-то не на что!

— Да, бабушка, плохой из тебя коммерсант. Тебе б у буржуев поучиться, как они торгуют нашей кровью, — сказал Карл.

В комнату несмело вошли две девушки. Одна белокурая, высокая, я сразу же признал в ней дочь Афанасия Силыча Лизу. Вторая — Наташа, ее подруга, с тонким, словно выточенным лицом и слегка вздернутым носиком. Я заметил, что Карлу понравилась Наташа. В разговоре с ней он смущался, краснел. Подруги рассказали, что работают на «Треугольнике», как трудно приходится там женщинам. Когда соседи разошлись, Афанасий Силыч упросил девушек спеть нам. Наташа что-то заиграла на гитаре, а Лиза начала подпевать грудным, приятным голосом.

Вернулись на корабль мы взволнованные всем виденным и слышанным.

Общение с рабочими радовало и воодушевляло. На многое мы стали смотреть другими глазами. Матросы как бы раскрылись, стали откровенными, словоохотливыми. Все чаще собирались в кружок, чтобы потолковать о наболевшем.

В этих беседах участвовал и матрос Александр Бельшев. Он лишь недавно прибыл к нам с партией новобранцев, но полюбился всем за веселый нрав, улыбку, сообразительность. Небольшого роста, худощавый, Бельшев ходил твердой пружинистой походкой, по-матросски широко расставляя ноги. До призыва на Балтийский флот работал токарем на текстильной фабрике под Иваново-Вознесенском, вращался среди революционно настроенных людей. О море, походах, кораблях рабочий паренек имел тогда смутное представление. Попад в флотский экипаж, он быстро убедился, как сурова матросская служба. Вместе с ним пришли молодые рабочие: московские, питерские, нижегородские... Их спаяла одна судьба. Вот почему так быстро сошелся Бельшев и с Курковым. И если вокруг Тимофея Липатова группировались в основном строевые матросы, комендоры, сигнальщики, рулевые, то к Бельшеву, Куркову и Златогорскому больше тянулись машинисты, кочегары.

Василий Круг раньше других понял и оценил Бельшева. Вскоре все мы стали прислушиваться к нему. Каково настроение команды корабля, что происходит в стране — это мой тезка чувствовал лучше нас всех.

Как-то в разговоре с машинистами Бельшев спросил:

— Слышали, рабочие за матросов горой стоят!

И он рассказал нам о том, что недавно судили группу кронштадтских матросов за агитацию против войны. А питерские рабочие в их защиту устроили забастовку. Больше ста тысяч человек вышли на улицы с флагами. И солдаты участвовали в демонстрации.

— Вот это здорово! — восхищенно сказал кто-то. — Жаль, нас там не было.

— Не торопитесь, ребята, и нам доведется помогать рабочим, — ответил Бельшев.

Жизнь на «Авроре» становилась все более напряженной. Командование, обеспокоенное ростом революционного сознания матросов, ограничивало связь с берегом, жестоко карало за малейшее ослушание и вольнодумство. Но все невзгоды забывались, когда мы узнавали что-нибудь новое о событиях в Петрограде.

— На Выборгской стороне бастуют рабочие, — сообщил как-то Круг.

— Молодцы, — отозвался Карл. — Я уверен, их поддержат солдаты. — И рассказал о недавней встрече со своим земляком. Он из команды выздоравливающих. Сообщил о делах фронтовых. Плохо там: снарядов нет, винтовок не хватает, зато икон и крестов, молебнов да попов — хоть отбавляй... Зазря солдаты кровушку проливают...

Я редко видел, чтобы так волновался Сепп; говорил возбужденно, не найдя подходящих русских слов, переходил на эстонский.

О тяжелом положении на фронте рассказал нам и прибывший на «Аврору» новичок Матвей Осин — brave, молодой матрос. Раньше он служил на «Баяне», а потом в Кронштадте, во флотском экипаже. Оттуда и был списан на «Аврору». Новичок подружился с Липатовым, завоевал наше доверие. Однажды, когда разговор зашел о войне, сказал:

— Да, доводилось мне, братва, с пехотинцами встречаться, понял я, русскому солдату давно опостылела война. Повернет он штык против царя и генералов.

Он притушил козыю пожку и, всматриваясь в лица друзей, тихо добавил:

— Гляньте-ка. Только, чур, осторожно.

Осин достал из нагрудного кармана небольшой листок. Это была большевистская листовка. В ней говорилось о все более ухудшающемся положении в России. Партия призывала солдат и матросов кончать войну, подниматься на борьбу с помещиками и капиталистами.

Матвей Осип оказался хорошим агитатором. Любили его и как гармониста. Бывало, в воскресный день после обеда соберемся у фитиля под полубаком. Матвей возьмет в руки трехрядку да как начнет наяривать «Камаринскую»! Лихой наш плясун трюмный машинист Андрей Крючков сразу пускается в пляс. За ним комендор Евдоким Огнев. На голове Евдокима полотенец, в руках платочек. Важно, степенно плывет по кругу, как это делают женщины... Матросня шутками да прибаутками подбадривает плясунов. Музыка, песня согревали сердца людей, скрашивали суровую службу.

С каждым днем друзей на «Авроре» у меня становилось все больше. Особые отношения установились с Сене́й Бурлаченко. Хлопца привел на «Аврору» Афанасий Силыч.

— По работе будет видно, Семен Лукич, — шутливо обратился он к мальчику, — какая у тебя душа. Ежели с ленцой, то ни мастер, ни моряк из тебя не получится, если же ты человек старательный, с соображением, может, и в адмиралы выйдешь, потому как адмирал должен корабельное дело знать назубок. Верно я говорю, моряки?

— Истинную правду, — подхватил Карл.

— А сам-то как думаешь? — допытывал Пермяков Сеню.

— Мы что же, — отвечал басом паренек, смущенно рассматривая свою рукавичку, — мы не против.

— Кто же это «мы»? — улыбнулся Матвей Осип, pokrившая усы. — Мы — Николай Второй?

— Это я, значит, — указал Сеня на себя, еще более смутившись. Видя, что матросы улыбаются, обиженно проговорил: — Что же прежде времени смеяться? Вы меня к работе приставьте, а там и увидите, каков я.

— У его отца были золотые руки, светлая голова, — уже серьезно говорил Афанасий Силыч. — Когда-то он на

Украине на Николаевской верфи работал. Отменный был мастер. А потом судьба в Питер забросила. У нас, на Франко-Русском, работал, женился. А потом фронт... В окопах немецкая пуля-злодейка его и сгубила.

Сеня стоял отвернувшись, ни на кого не глядя.

— А мать-то где? — участливо спросил его Матвей.

— Забрали... — вздохнул Сеня. — Пришли, в квартире все вверх перевернули, доски в стенах и то отрывали. Ну и... увели.

— Куда же? — допытывался Карл.

— Ну да ладно, не будем растревлять рапы, — вмешался Афанасий Силыч. — Увели жандармы. Паренек без дела жить не может, вот и пусть нам помогает. Верно, Семен Лукич?

— Само собой! — оживился Сеня. И, глядя в пол, добавил: — Только прошу вас, дядя Афанасий, не величайте меня Семеном Лукичом, зовите просто Сеней.

— Быть посему, — сказал Матвей и, достав из кармана кусок запыленного сахара, предложил его мальчику в честь первого знакомства.

— Что я, маленький? — обиделся было Сеня, но сахар взял.

Ему едва пошел пятнадцатый год. Оставшись без отца, он взвалил на себя заботы по дому. Мать работала до позднего вечера, а иногда и до утра. Сеня тогда не знал еще, что его тихая, молчаливая мама ведет революционную работу на фабрике и в городе, что она считается активисткой в партийной ячейке. Он не догадывался, что во дворе, в заброшенном сарайчике под трухлявыми колодами, спрятаны листовки и брошюры.

Когда жандармы уводили мать, Сеня с тревогой спросил: «А как же я, мама?» — «Не пропадешь, сынок, добрые люди не дадут тебе пропасть с голоду...» И вот теперь один из этих добрых людей пристроил его на корабль.

От отца унаследовал Сеня старательность и любовь к труду. Его не приходилось понукать: «Подай молоток, дай ключ». Он сам догадывался, что нужно мастерам, как будто всю жизнь работал на ремонте кораблей.

— Не устал, Сеня? — спросил его однажды под вечер Карл.

— С чего бы это? Вот если бы лед колоть — там устанешь. А тут, при машинах...

Мальчик полюбил завод, а еще больше «Аврору», привязался к нам. Как-то приди на крейсер, позвал меня:

— Дядя Саша, идите-ка сюда...

Мы отошли в темный отсек.

— Ну что такое?

— Дядя Саша... Пришла вчера мамина подружка и говорит: «Передай-ка этот листок матросам». «Кому?» — спрашиваю. А она: «Что ж ты такой несмышленный? Людям верным, своим. Только смотри не понадишься...» Вот я и решил вам передать.

— Ну давай посмотрим, что за листок.

— Только вы Афанасию Силычу ничего не говорите.

Он даже строгий.

И Сеня, отогнув толстый слой ваты отцовской куртки, достал вчетверо сложенную бумажку. Это была листовка Петроградского комитета большевиков, в которой партия призывала к всеобщей политической стачке. Запомнились призывы: «Долой царя! Долой войну! Хлеба!»

Я показал листовку Липатову. Он глянул на нее и сказал:

— Уже читал, Саша. Думаешь, только у тебя друзья на берегу? — Потом спросил: — Кто тебе листовку дал? Я рассказал о Сене Бурлаченко.

— Ну как он?

— Парень надежный.

Липатов улыбнулся:

— Молодо, да не зелено, видать, отцовской закваски.

На следующий день я и Карл Сепц получили увольнение на берег. Пошел с нами и Матвей Осин. Вместе решили навестить Пермяковых.

Афанасия Силыча дома не застали. Лиза и ее мать встретили нас радушно, просили подождать хозяина. Узнав, что Осип увлекается музыкой, принесли от соседей гармошку. Матвея долго не пришлось уговаривать. Играл он в тот вечер с особенным увлечением. Спели несколько песен, потащевали. Лиза веселилась от души. Это была задорная, остроумная девушка, она не давала никому скучать. Все были в восторге от нее. И особенно Матвей...

К сожалению, с этого дня увольнения на берег почти прекратились. Корабельное начальство всячески старалось помешать нашему общению с жителями города. Но невозможно было отгородить матросов каменной стеной от рабочих. Мы несколько раз спускались по шторм-тра-

пу на лед и через Неву уходили в город. Побывал на берегу и Осин. Он передавал нам привет от Лизы.

Ремонт «Авроры» затягивался. В один из морозных февральских дней 1917 года рабочие не пришли на корабль. Разнесся слух, что они забастовали. Нас это не удивило: в то время забастовки в Петрограде были обычным явлением. Поразило команду приказание командира корабля: винтовки, стоящие в пирамидах, сложить в артиллерийский погреб, запереть на замок, а к люку погреба поставить часовых.

— Как же так, сами с пистолетами, а команду обезоружили, — недоумевал Карл.

— Боятся нашего брата, — сказал шепотом Бельшев. — Опасаются, как бы мы не протянули руку бастующим рабочим.

— Вот это точно.

От Бельшева мы узнали, что забастовки охватили уже многие заводы Петрограда. Рабочие требуют хлеба, свободы, мира.

— Вот теперь и на Франко-Русском беспокойно. Солдат вызвали на завод для охраны. Как бы и нас, матросов, не погнали против бастующих.

— Ну уж дудки, — твердо сказал Василий Круг.

Вечером 27 февраля свободные от вахты матросы собрались на полубаке. Погода выдалась ясная, морозная. Все мы встревоженно прислушивались к ружейной и пулеметной стрельбе, всматривались в багровые отсветы полыхавших вдали пожаров. Терялись в догадках:

— Что же происходит в городе?

— Может, уличные бои?

— Туда бы скорее!

— Но с чем пойдешь, с кулаками?

На ходовом мостике толпились офицеры. Они озабоченно переговаривались, о чем-то спорили. Раньше в таких случаях с их стороны последовал бы грозный окрик: «Чего собрались? Боцман, разогнать!» Теперь же офицеры словно не замечали нас.

Ко мне подошел Бельшев и вполголоса сказал:

— Иди незаметно под полубак.

Я быстро спустился туда. Там уже было десятка два матросов. Подходили другие.

— Что случилось?

— Подлость, братцы балтийцы, случилась. Гнусная

подлость и свистство, — возмущался Липатов. — Только подумать! Рабочие Петрограда прислали к нам свою делегацию с просьбой поддержать бастующих. А наш дракон (так он назвал командира) арестовал делегатов и упрятал в корабельный карцер.

— Что же выходит? Наша «Аврора» — плавучая тюрьма?

— А мы, словно бараны, сбились в кучу и молчим...

— Спокойнее, матросы! — твердо сказал Белышев. — Есть думка — сегодня же освободить арестованных. — Он сделал знак рукой подойти всем поближе. Полушепотом заговорил: — Когда приведут на вечернюю молитву и заставят петь, надо перерезать электропровода с берега. Сделают это Лукичев и Минаков. А ты, Сенип, как только потухнет свет, бросишься на командира и глуши его кулаком. На молитву стань в первом ряду...

Не успели разойтись, как прибежал матрос, охранявший сходку.

— Арестованных повели на расстрел! — крикнул он охрипшим голосом.

Все, кто был под полубаком, бросились к корабельному трапу. Послышались голоса:

— Пошли, братцы!

— Бей драконов!

Увидев разъяренных матросов, конвоиры в страхе разбежались. Арестованным удалось скрыться. Из-за вахтенной рубки показались командир корабля Никольский и старший помощник Огранович. Позади них в темноте маячили фигуры других офицеров.

— На-зад! — визгливым голосом скомандовал Никольский.

— Бунтовщики, изменники! — вопил Огранович.

Блеснула сталь пистолетов, грохнули выстрелы. Возле меня со стоном упал на палубу Осипенко. Раненный в ногу матрос Власенко ковылял за нами. Снова рванули воздух выстрелы... Кто-то прыгнул с борта на лед и остался там лежать с вывихнутой ногой. Безоружные матросы хлынули назад под полубак и по трапам вниз, в кубрики. Верхняя палуба опустела. Мы с Подольским подпяли на руки смертельно раненого Осипенко и понесли его в нижнюю палубу.

На корабле воцарилась гнетущая тишина. Но вот горнист заиграл «Большой сбор». Построили команду в

разных местах корабля. Я был в роте трюмных машинистов.

— С-мир-но! — прозвучала команда.

Ждем появления командования корабля. С тревогой смотрим в сторону офицерской кают-компании. Томительно тянутся минуты.

Вот показался Никольский, бледный, растерянный. Обвел строй злым, колким взглядом.

— М-м-матросы и унтер-офицеры, — не в состоянии скрыть своего волнения начал он. — Сейчас на «Авроре» произошел случай измены царю и отечеству. Группа изменников сговорилась напасть на офицеров корабля, освободила арестованных бунтовщиков и шпионов. Мы знаем, кто застрельщики бунта...

При этих словах я заметил, как лицо у Липатова окаменело. У меня тревожно забилось сердце. «Вот оно, начинается, — мелькнула мысль. — Хотят расправиться так же, как с потемкинцами...»

Никольский продолжал:

— Я вызвал два батальона солдат, крейсер будет под надежной охраной... Виновные понесут строгое наказание...

Внизу за бортом послышались топот кованых сапог, голоса команд. Солдаты оцепили крейсер. Значит, слова Никольского — не просто угроза.

Почти час продержали нас на палубе, пока не скомандовали разойтись. Вместе с Матвеем Осиным мы вышли на полубак. Густая осенняя ночь стояла над Петроградом. Из города по-прежнему доносились звуки выстрелов.

— Бьются там насмерть... Надо помогать рабочим, — сказал он.

— Да, нельзя медлить, — согласился я.

— Пойдем потолкуем с Липатовым. Кстати, вот он сам идет. Тимофей, что же нам делать дальше? Заварили кашу, надо ее расхлебывать.

— Кашу надо свинцом приправить, братцы. Но сейчас главное — выдержка и спокойствие.

Решительный тон Липатова успокаивающе подействовал на нас.

— Скорее бы кончилась ночь, — сказал Матвей. — Чует мое сердце: не зря нас Никольский в строю держал и всякие кары сулил,

— И я так думаю, — согласился подошедший к нам Сенин. — Боюсь, как бы кого-нибудь ночью не забрали...

— Руки коротки, — решительно заявил Матвей. — Теперь с нами непросто справиться — это не пятый год.

В ту тревожную ночь мы не ложились спать, хотя койки были разобраны и подвешены. Утром не успели позавтракать, как в кубрик вбежал взволнованный Вася Круг:

— Шо вы тут сидите?

— А что случилось?

— Солдаты будто сквозь землю провалились.

Мы выбежали наверх. Солдаты, оцепившие накануне крейсер, куда-то исчезли. Почти вся команда на верхней палубе, все взволнованы, чего-то ждут.

Вдруг из-за угла заводского здания появилась женщина.

— Да здравствуют революционные матросы! — крикнула она.

И, словно по команде, все, кто стоял на палубе, ответили ей раскатистым «ура».

— Друзья, смотрите! — послышался через минуту встревоженный голос Липатова. Он показывал рукой на передний мостик, где у пулемета суетились унтер-офицер Серов и старший офицер Огранович.

— На мостик! — крикнул Тимофей и бросился к трапу.

Не успели Серов и Огранович опомниться, как на них навалилось с десятков матросов. Захватили «максим» и на заднем мостике.

Тут же мы увидели, как распахнулись ворота одного из цехов завода и вооруженная толпа рабочих бросилась к трапу с гулким, все нарастающим криком «ура».

— Да здравствует революция! Привет матросам «Авроры»! — гремело вокруг.

В этот момент мы испытали волнующее чувство подъема, силы. Кажется, у людей выросли крылья.

— Ну что, лед тронулся! — хлопнул меня по плечу Тимофей Липатов.

Стоявшие на палубе матросы побежали навстречу рабочим и смешались в одну бурлящую толпу. Я столкнулся в толпе с Афанасием Сильчем и Сеней. На Пермякове была праздничная белая рубашка, в петлице старенького пальто пламенела ленточка.

— Вот видите, — волнующься, сказал Афанасий Силыч, — наша берет...

— А где Лиза? — не утерпел Матвей.

— Известно где, на улицах Питера. Она — сестра милосердия.

— Молодчина!

— А где офицеры? С кем они? — раздались голоса из толпы.

— Это мы мигом узнаем, — ответил Андрей Подольский тоном, будто встреча с Никольским и Ограновичем сулила ему удовольствие.

Через минуту матросы и рабочие ввалились в каюту командира корабля.

— Вот вам красное знамя, ведите нас против царских деспотов, — передавая Никольскому стяг, торжественно сказал Бельшев.

— Изменники, поддались на уговоры шпионов! — панически крикнул командир, отталкивая знамя.

Окружив Никольского, матросы и рабочие повели его на верхнюю палубу. Послышались возгласы:

— Бей его! Смерть дракону!

— Не оскверняйте, моряки, палубу поганой кровью, на берег его, — предложил Курков, взбравшийся на световой люк.

Как только Никольский вступил на трап, резко щелкнул выстрел. Это машинист Брагин уничтожил ненавистного тирана.

— Это тебе за Осипенко! Собаке — собачья смерть!

Другая группа матросов и рабочих отыскала Ограновича. Дрожь от страха, он клялся, что Осипенко убил Никольский. Старшего офицера потащили к трапу, на берег.

— Говори, ты за кого? — наседали на Ограновича рабочие с револьвером в руке.

— Я?.. Я придерживаюсь нейтралитета. Сдаю оружие...

— Ты этим ученым словечком нам зубы не заговаривай, а прямо отвечай: за нас или против?

— Да что там спрашивать его — в Неву, и амба! — крикнул кто-то из матросов.

Огранович в расстегнутом кителе, заикаясь, дрожащим голосом молил:

— Ради бога, помилуйте!

— Тебя, дракон, миловать? — бросил на ходу машинист Бабин. Он ударил Ограновича японским штыком. Офицер упал. Все решили, что он мертв¹. Толпа отхлынула.

В это время кочегары схватили кондуктора Ордина и выбросили за борт. Но Ордин случайно остался жив и сумел скрыться.

На верхней палубе начался митинг. Выступавшие провозглашали:

— Долой кровавую войну!

— Царя — к дьяволу, к чертовой бабушке!

— Рабочие, мы с вами! — начал свою речь Бельшев. Он забрался на люк, чтобы лучше видеть бурлящую на шканцах толпу. — Мы вместе с пролетарским Питером!

— Да здравствуют матросы «Авроры»! — отвечали рабочие.

— Матросы, товарищи рабочие! — продолжал Бельшев. — У нас одна дорога. Беритесь за оружие!

Взволнованные лица матросов и рабочих светились радостью победы. Всюду слышалось слово «товарищ», его произносили с какой-то особенной теплотой. Ранее запретное, это слово звучало как пароль, как клич к борьбе за большое человеческое счастье.

Митинг закончился. Свободные от вахты матросы открыли артиллерийский погреб, разобрали винтовки. Вместе с рабочими захватили в заводском гараже две автомашины, установили на них пулеметы и поехали в город. Часть матросов отправилась усмирять юнкерское училище.

Не успели авроровцы выйти с территории завода, как кто-то взволнованно крикнул, показывая на «Аврору»:

— Смотрите, товарищи, смотрите!

На фок-мачте крейсера огнем полыхал флаг революции, освещенный скупыми лучами февральского солнца. Это было 28 февраля 1917 года.

Так первый военный корабль Балтийского флота перешел на сторону народа².

---

¹ Огранович остался жив. Впоследствии служил во врангелевском флоте. Перед разгромом Врангеля умер от тифа.

² В Кронштадте события Февральской революции развернулись только 1 марта, а в главной базе Балтийского флота Гельсингфорсе — 3 марта.

На улице к нам подбежали девушки-работницы и стали прикалывать к бушлатам красные банты.

Этот февральский день на всю жизнь остался в памяти. На улицах и площадях Петрограда слышались песни и звуки оркестров. Над головами людей реяли красные знамена, поблескивали трехгранные штыки солдат и матросов.

Матросы «Авроры» на улицах Петрограда в дни Февральской революции

Сквозь сплошной поток людей с красными бантами, отчаянно гудя, пробирались грузовики с вооруженными рабочими и солдатами. Они приблизились к юнкерскому училищу. Из окоп и с крыши по грузовикам хлестнули пулеметные очереди. Люди быстро попрыгали с машин и залегли за укрытиями. Началась перестрелка. Рабочие и солдаты пытались подняться в атаку, но оборонявшиеся плотным огнем вновь прижимали их к земле. В это время и прибыл наш отряд. Сразу же открыли огонь по врагу. Укрывшись за стеной, широко расставив ноги, стреляет по окнам училища Тимофей Липатов. Став на одно колено, целится из винтовки Осип. Рядом строчит

пулеметчик. Свинцовая очередь прошивает окна, карнизы. Сыплется штукатурка.

— Что ж, братва, до вечера тут будем? — горячится разозленный Осин. — Пошли в атаку.

— Ура! Полундра! — матросы бросились к зданию училища, увлекая за собой рабочих и солдат.

Ни пулеметный огонь, ни массивные двери в подъездах и парадных не остановили натиска наступавших. Ворвавшись в здание, мы уже не встретили сопротивления юнкеров. Некоторым из них удалось скрыться, большинство же, бледные и испуганные, стояли у стен с поднятыми руками. Их быстро обезоружили.

Разбившись на группы, мы двинулись дальше по городу. Василий, Карл и я направились по Лермонтовскому проспекту к Обводному каналу. Вдруг из углового дома раздались выстрелы. Проходившие по улице люди шархнулись в стороны. Мы решили захватить стрелявших. Прижимаясь к стенам, добрались до дома, откуда вели огонь.

В окне на третьем этаже я заметил человека в черном драповом пальто и фетровой шляпе. В руке у него дымился паган. Бросились по лестнице вверх. Через несколько минут схватили незнакомца. Когда его пальто распахнулось, мелькнули генеральские лампасы. Схваченного вывели на улицу. Около дома собралась толпа.

— А, ваше превосходительство, попались! — раздался насмешливый голос из толпы.

— Стервятник, — зло бросил матрос.

Опустив голову, генерал дрожал, как нашкодивший мальчишка. К нему уже подбирались с кулаками, но матросы не допустили самосуда, увезли задержанного в Таврический дворец.

В этот день мы участвовали еще в разгроме трактира на Лиговке, где забаррикадировали отряд полицейских, державший под обстрелом перекресток улиц.

На корабль вернулись только к ночи. Большинство команды не спало, оживленно обсуждая события первого дня революции. Андрей Подольский рассказывал, как большая группа авроровцев вместе с солдатами и рабочими разгромила роту царского коновоя. Эта рота охраняла казарму, где были заперты революционно настроенные солдаты. Машинист Минаков говорил о том, как он с группой матросов и солдат штурмовал Литовский замок,

К нам подошел Тимофей Липатов. Послушав друзей, заметил:

— В городе надо ухо держать востро. В матросскую форму часто рядятся темные личности. Иду я мимо Конпогвардейского манежа и вижу: висит на фасаде золоченый орел. Собрались люди, норовят сбросить двуглавого, только достать его нелегко, разве по веревке спуститься с крыши. Зацепил я орла бечевкой и кричу: «Полундра!» Вижу: в толпе юлой вертится какой-то матрос, с виду вроде балтиец. «Не трожь,— кричит,— не наше матросское это дело». Тут я смекнул, что под матроса он нарядился. Крикнул людям: «Держите его!» Но пока спускался, этот тип так драпанул, что только каблук замелькали...

Матросы, не ходившие в город, рассказывали о событиях дня на корабле. Они задумали было расправиться с боцманом Диденко, но ничего не вышло.

— Где же мучитель сейчас? — спросил Сепп.

— Да сбежал, проморгали боцмана, — смущенно оправдывались матросы.

— Какая досада, — сокрушался Липатов.

На «Авроре» утверждалась новая жизнь. Матросы строго соблюдали революционный порядок, четко выполняли свои обязанности. Все же отсутствие твердой командирской руки сказывалось.

1 марта поступил приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В этом приказе предлагалось во всех воинских частях и на кораблях флота избрать комитеты из представителей солдат, матросов, выбрать депутатов в Совет. В приказе указывалось, что во всех политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам. А приказы Государственной думы выполнять только тогда, когда они не противоречат постановлениям Советов. Приказ запрещал выдачу офицерам оружия — оно должно находиться под контролем комитетов. Отменялось титулование офицеров, отдание чести вне службы, запрещалось обращение к солдатам и матросам на «ты».

Приказ всколыхнул всю матросскую массу. Команда собралась в церковной палубе. На середину, размахивая листом бумаги, быстро вышел Курков:

— Товарищи, тише! Только что получен приказ Петроградского Совета. Нам нужно выбрать командира и су-

довой комитет. Хотя в приказе выборы командира не предусмотрены, но во всех воинских частях выбирают командиров — выберем и мы...

Раздались голоса:

— Из кого же выбирать? Из матросов или офицеров?

— Пусть назначают!

— Нет, сами выберем!

Кто-то предложил кандидатуру старшего лейтенанта Никонова, который в ту пору был старшим на корабле. Предлагавший охарактеризовал его как опытного морского офицера.

Но тут же раздались протестующие голоса:

— Не надо дракона!

— Выберем командира из своей братвы!

— А если в море пойдем, кто поведет корабль? — спросил матрос Федоров.

— Без офицеров не обойтись, — осмелился вставить свое слово фельдфебель Голубев.

— Заткнись, буржуйское подпевало, — оборвал его Подольский.

— Выбрать Никонова! — старался перекричать всех Силаев. — Ставить на голосование — и точка.

— Да он нас в первом бою продаст! — не сдавался Подольский.

— Кого же ты предлагаешь?

— У нас есть верные люди, которые могут повести корабль. Вот хотя бы Сепп. Мореходное училище кончил.

— «Аврора» — военный корабль, а не торговая посудина. Офицера надо выбрать! — твердил Федоров.

Долго спорили, но все же решили командиром избрать старшего лейтенанта Никонова. Спросили его мнение. Никонов дал согласие командовать кораблем.

— Теперь предстоит избрать заместителя командира. Есть предложение доверить этот пост Эриксону. Согласны, товарищи?

Большинство матросов подняли руки. Вслед за тем избрали судовой комитет. В его состав, к нашему огорчению, вошли эсеры и меньшевики. В то время влияние большевиков на корабле было еще слабым, не было у них тогда тесной связи с районным комитетом партии. Этим и воспользовались представители соглашательских партий.

2 марта по инициативе большевиков на крейсере состоялось общее собрание команды. Оно было бурным. Вопреки меньшевикам и эсерам собрание вынесло решение о доверии и поддержке Петроградского Совета. Для нас это была важная победа. С этого дня влияние большевиков на корабле быстро ширилось и укреплялось, росли их ряды. Большевистская организация крейсера установила более тесный контакт с флотской партийной организацией Петрограда. Важную роль в развитии революционных событий играли матросы, служившие во флоте в годы первой русской революции.

На другой день на корабле появились два гостя: один с бородкой, в штатском, другой в военной шинели без погон.

— Мы — представители временного комитета Государственной думы, — представились они. — Нам нужно поговорить с матросами по текущему моменту.

По приказанию судового комитета вахтенные собрали команду. Начался митинг. Первыми взяли слово представители думы.

— Gladко чешут краснобаи, — ткнул мне в бок Круг. Подошел Липатов.

— Ну что уши развесили, — недовольно проговорил он.

— Сразу и не уразумешь, что к чему, — уклончиво ответил Васпий.

— Раскусим орешек.

Потом выступали матросы. Они подходили размашистой походкой к столу, покрытому красным флагом, говорили пескладно, но правдиво и от души — о судьбах России, мире, свободе. Нашлись люди, которые считали: раз свобода — так и живи, как кому вздумается. Не в меру суетливый матрос Силаев кричал с трибуны:

— Ремонт корабля остановим! Надо же попалацдаться и отдохнуть матросу!

— Не туда гнешь! — перебил его Липатов. — «Аврору» не бросим. Она должна служить революции! Верно я говорю, товарищи? — обратился он к матросам.

— Верно, Тимофей! — поддержал друга Курков. — Апархии на корабле не будет. Мы же революционные матросы, а не черная сотня какая!

В конце собрания представитель эсеров, пустив в ход все свое красноречие, начал агитировать матросов записаться в их партию. Кос-кто, не разобравшись в звонких

Председатель коллектива большевиков на крейсере «Аврора» старший унтер-офицер А. Н. Златогорский

и пышных фраз, клюнул на эту удочку. В их числе оказались Осини и Подольский.

— Вы что же это, не узнав броду, бросились в воду? — упрекали их потом товарищи.

— А чего же ждать? — оправдывался Подольский. — Земля — крестьянам, государством будет управлять народное правительство. Чего же еще? У них все это в программе записано.

— А ты слышал, что твердят эсеры о войне? Надо, мол, ее продолжать. Так ведь говорят и буржуи!

Мы были уверены, что наши товарищи поймут свою ошибку, разберутся,

на чьей стороне правда, однако тогда разубедить их не смогли. Трудно было разобраться нашему брату в хитрой паутине демагогии, которую плели буржуазные и соглашательские партии.

Но по мере того как на корабле стала складываться большевистская организация, положение изменялось к лучшему. Важную роль в парторганизации с первых дней ее легальной деятельности играл машинист Андрей Златогорский. Вскоре и я навсегда связал свою жизнь с ленинской партией.

2 марта 1917 года — этот день мне особенно дорог и памятен. Утром мы с Василием Кругом собрались на берег. В кубрик вошли Златогорский и Курков.

— В город собираетесь? — спросил Андрей.

— Да, хочется малость подрейфовать, — с хитрецей ответил Круг.

— Доброе дело. Я тоже с вами пойду, побалакать надо.

Через несколько минут мы сошли по трапу на берег.

— Вот какое дело, хлопцы. Я ваше настроение знаю и потому агитировать не стану..

— Нас сама жизнь агитировала, — перебил Круг.

— Истинная правда! — согласился Златогорский. — Раз так, то прямо скажу, что пора вам вступать в партию большевиков. Нам нужно создать крепкую ячейку на корабле... Я уже коммунист, могу дать рекомендацию. Одной дорогой с нами идут Липатов, Бельшев, Курков.

— Хорошо, Андрей, согласен! — ответил я.

— И я готов, — сказал Василий Круг.

— Ну, тогда пошли сразу в райком.

Вскоре подошли к дому, где помещался райком. На втором этаже, в маленькой комнатке, у секретаря комитета — рабочего Франко-Русского завода Пахомова — я и мой друг Василий Круг на всю жизнь породнились с партией большевиков.

Через несколько дней мы собрались для выборов первого председателя коллектива большевиков крейсера «Аврора». Соплились на одном: пусть нашим вожаком будет Андрей Николаевич Златогорский. Все мы, матросы, уважали его. Старший унтер-офицер главных машин корабля всегда держался просто, в любое время мог дать нужный совет, защитить от несправедливости. Мы знали о непримиримости Златогорского к врагам, ценили его как умелого пропагандиста революционных идей. Потому и доверили ему такой пост. И надо прямо сказать, не ошиблись.

В Петрограде обстановка была сложной. После разоружения полиции и разгрома тюрем город наводнили уголовники, которые примкнули к анархистам и начали творить безобразия. Калининский район, где находился Франко-Русский завод, в основном был населен мелкими чиновниками, служащими, торговцами. Царский режим усиленно насаждал здесь публичные дома, трактиры и прочие увеселительные заведения. Их завсегда и составили вместе с тюремниками ядро бандитских шайк, которые врывались в квартиры «бывших», грабили, убивали, насильничали. Грабили людей и на улицах. В темное время люди старались не выходить из квартир. У каждого дома жильцы сторожили подъезды, парадные. За общим порядком в городе следили красногвардейские отряды, но они не всегда могли справиться с вооруженными с ног до головы анархистами. Отряд Франко-Рус-

ского завода не раз обращался в судовой комитет «Авторы» с просьбой помочь в борьбе с бандитами, но засевшие там меньшевики и эсеры отказывали, ссылаясь на то, что команда занята ремонтом, да и вообще, дескать, не дело моряков воевать с анархистами.

Однажды на корабль пришел Пермяков. Он в этот день был в наряде красногвардейцев по охране порядка в районе.

— Вот что, дорогие товарищи, пришел просить морячков помочь нам, — обратился он к меньшевику Федорову — дежурному по судовому комитету. — Мы блокировали большую группу анархистов на Псковской улице, а разоружить силенок не хватает...

— Ну уж это ваше дело, — с неприязнью проговорил Федоров и начал что-то писать, показывая, что разговор окончен.

Находившийся в каюте судового комитета Златогорский возразил:

— Нет, так рассуждать мы не можем. Надо непременно помочь товарищам. Вызвать подвахтенную смену, пусть идут...

— Товарищ Златогорский, не вмешивайтесь не в свое дело! — официальным тоном заявил Федоров. — Вы, паверное, знаете решение комитета нашей партии по этому вопросу. Социалисты-революционеры также присоединились к нам.

— Тогда мы, большевики, поможем красногвардейцам, — решительно сказал Златогорский и вышел вместе с Пермяковым из каюты.

Через несколько минут большая группа авроровцев спустилась по трапу на берег. Тут были и мы с Василием Кругом. Не прошло и получаса, как мы уже были у дома, где засели бандиты. В окне верхнего этажа увидели черное бархатное знамя с изображением человеческого черепа и скрещенных костей.

— Вот она анархия — мать порядка, — зло сказал Василий. — Наведем же тут наш, пролетарский порядок!

С винтовками и японскими карабинами наперевес ворвались мы в квартиры, где забаррикадировались анархисты. Рукопашная схватка была короткой. Столкнувшись лицом к лицу с вооруженными матросами, авантюристы изрядно перетрусили. Мы быстро разоружили их, отобра-

ли пистолеты, пулеметные ленты. Только темным уда-
лось прорваться через заслон и скрыться.

После этого в районе установилось спокойствие, по
улицам можно было безбоязненно ходить в любое время.
Своим бескорыстным и благородным поступком больше-
вики корабля вызвали к себе еще большее уважение
матросов и рабочих Питера.

Встреча вождя на Финляндском вокзале.

В шеренгах первомайской демонстрации.

Отпор соглашателям.

На матросском диспуте выступает М. И. Калинин

Ремонт «Авроры» продолжался. С утра до вечера слышались гулкая дробь пневматических молотков, лязг железа, людской говор.

В конце одного из рабочих дней к ремонтникам прибежал Сеня.

— Царь от престола отрекся! — закричал он во все горло.

Люди недоверчиво посмотрели на парня.

— Ей-богу, правда, — доказывал Сеня.

— Какое там к черту отрекся, дали ему по короне, — заметил Сепц, вытирая ветошью руки.

— Вот прокламация, здесь прямо сказано — отрекся! — и Сеня протянул листовку.

— Амба, кончилась династия Романовых! — пробасил усатый матрос Хаустов.

— А вы толком разберитесь, — возразил Афанасий Силыч. — Тут же написано, что царь отрекся в пользу брата Михаила.

— Ну и этот фрунт долго не усидит, — успокоил нас Бельшев.

Весть об отречении Николая быстро разнеслась по кораблю. Слышались возгласы:

— Николашка загремел...

— Туда же и Михаила!

Через день в газетах появилось сообщение, что Михаил отказался от престола.

Народ праздновал победу. И хотя по-прежнему трудно было с продовольствием, люди жили надеждами на лучшее будущее. Воспрянули духом и мы, балтийцы, ожидая больших перемен в своей матросской судьбе.

Дни быстро прибывали. Во всем чувствовалось приближение весны. Корабль чаще стали посещать агитато-

ры. Однажды, вернувшись с берега, я увидел на полуубаке Липатова, задумчиво сидевшего у фитиля.

— У нас пежданские гости — меньшевики, — сказал он. — Думают создать на корабле комитет во главе с Федоровым. Я же считаю, что нам нужна еще бóльшая связь с пролетарским Питером. Я с Курковым, Златогорским, Бельшевым уже говорил об этом.

— Правильно, Тимофей, — убежденно сказал стоявший рядом Круг. — Спайка нам нужна самая тесная. Об этом вопи и «Правда» пишет.

Тимофей Липатов посмотрел на Василия и продолжал:

— А меня вот Силаев удивил: прошлый раз в эсеры записался, а сегодня к меньшевикам подался. Болтается, как маятник.

«И не только он — на корабле таких немало, — подумалось мне. — А почему? Видимо, потому, что мы, большевики, неумело ведем агитацию». Сказал об этом Липатову. Он согласился со мной.

Нас теперь стали чаще увольнять на берег. Вместе с другими матросами не раз ходил в город и я, бывал и на Невском проспекте, видел стихийно возникавшие митинги и дискуссии.

— Что они митингуют? — спросил как-то Карл Сепп пожилого рабочего, указывая на группу людей в форменных фуражках и котелках.

— А разве не видите, сошлись на сборище буржуи да чиновники, вот и разглагольствуют, о судьбах революции пекутся...

— Когда мы полицию разоружали, их на улицах не было, — заметил Карл, — а теперь ишь как раскаркались.

Член судового комитета «Авроры» матрос Т. И. Липатов

— Давай-ка подойдем поближе, послушаем, — предложил я другу.

В середине большой толпы рослый грузный человек, взгромоздившись на ящик, закашчивал речь. Мы подошли в ту минуту, когда толпа аплодировала оратору. Затем на импровизированную трибуну взобрался очкастый молодой человек в коричневом пальто и мягкой шляпе.

— Господа! Простите, товарищи! Выступавший до меня господин, то есть гражданин, говорил, что Временное правительство требует от нас ведения войны до победного конца. Откровенно говоря, я с этим согласен. Но прошу не забывать, что опасность теперь, откровенно говоря, не столько на фронте, сколько здесь, рядом, в нашем тылу...

— Что за опасность? — последовал вопрос.

— Минуточку, господа, извините, граждане. Одну минуточку. Я поясню свою мысль. Опасность, видите ли, в том, что темные силы подняли голову и если их не сдерживать, то они, откровенно говоря, сметут с лица земли всю цивилизацию...

— Короче, яснее! — послышались голоса.

— Не сбивайте меня, господа... Ведь я вам не мешал...

— Нет, мешал! — возразил чей-то бас. — Всю жизнь мешал. Деду моему мешал, батьке мешал и мне пасолить хочешь. Хватит!..

— Дайте же человеку высказаться, ведь теперь, господа, свобода, — пробовал защитить оратора чиновник с тощей бородкой.

Очкастый не унимался:

— В общем, господа, я предупреждаю, жизнь лучших людей страны, культурные ценности России в опасности. Темные силы, которым сегодня развязали руки, опаснее любого врага на свете...

— Да ты, что же, и меня темной силой считаешь? — заговорил, направляясь к трибуне, рябой солдат с ампутированной выше локтя левой рукой. Размахивая пустым рукавом, он допытывался: — Говори, очкан, считаешь?

Испугавшись противника, тот поспешно соскочил с трибуны и юркнул в толпу. Солдат решительно поднял руку над головой и, сжав пальцы в литой кулак, громко заявил:

— Это, господин буржуйский прихвостень, теперь не

тёмная сила, а светлая — рабочая и солдатская! И бросьте мутить воду. Не выйдет!

— Крепко дал по носу солдат краснобаю. Молодец! — восхищался Василий Круг.

Немного подальше увидели новую толпу. Тут словесная дуэль переросла в рукопашную.

— Что тут происходит? — спросил Василий, когда мы подошли ближе.

— Лазутчика поймали, — ответил мужчина в широкополой черной шляпе.

— Какого?

— Ясно какого — немецкого. Уничтожать таких без суда и следствия!

— А ну, посмотрим! — И мы ринулись в гущу собравшихся.

Толпа подалась. К нашему удивлению, избивали Афанасия Силыча Пермякова. Несколько человек надели на него. Наш знакомый храбро отбивался, но что он мог сделать один? На лице Пермякова адела кровь. Увидев нас, он воспрянул духом. Мы отеснили от него противников.

— Матросы пришли, матросы! — зашумела толпа.

— Да это «жоржики» с Невского. Бей их! — подстрекал долговязый в форме чиповника.

— Полуцра! — крикнул Василий и ринулся на чиповника. Тот пытался увернуться, но тяжелый удар кулака свалил его с ног. Быстро разметали остальных забияк, наседавших на Пермякова. Затем, подхватив Афанасия Силыча, стали выбираться из толпы, окружившей нас плотной стеной. Со всех сторон угрожающе поднимались кулаки, трости и палки.

И тут услышали громкие голоса:

— Братва, наших бьют!

— А ну, расступись, пузатое отродье!

Это подоспела группа матросов-крошадцев. Толпа перед ними быстро рассеялась.

— За что они так расписали тебя, папаша? — участливо спросил Пермякова рослый матрос.

Вытирая кровь с лица, Афанасий Силыч рассказывал:

— Иду это я по Невскому. Вдруг слышу, какой-то лысый черт в драповом пальто орет в толпе во все горло: «Это рабочие и матросы смуту сеют. Обуздать их пора,

на фронт послать!» Ну я и вмешался. «Сам ты,— говорю,— смутьян. Я — рабочий и не позволю клеветать на нашего брата. И с матросами-балтийцами знаком. Они за революцию, за народ!» Буржуйское отродье окрестило шпионом и навалилось на меня.

Афанасий Силыч был сильно избит, но не жаловался.

— Ничего, наша правда возьмет, — успокаивал его Матвей Осип.

Вместе с Матвеем мы отвели пострадавшего домой и уложили в постель. Когда уже собрались уходить, пришли Лиза и Наташа. Они были чем-то взволнованы. Наташа сбросила с головы платок, вытерла вспотевшее лицо. Лиза с жадностью припала к кружке с водой.

— На улицах наслушаешься всего, — заговорила Лиза. — Всякая нечисть воду мутит.

— А морячки тоже хороши, — укоризненно посмотрела в нашу сторону Наташа. — Один из ваших авроровцев распинался сегодня у ворот фабрики: мы, мол, за войну, будем защищать Россию до конца, никому не позволим дурачить себя разной политикой.

«Это, верно, Силаев! — подумалось мне. — Он встречается с работницей этой фабрики. Потому, видимо, и забрел туда. Вот гусь!»

— У нас на «Авроре» водятся и эсеры, и меньшевики, и даже анархисты, — признался я. — Но большинство матросов — с большевиками.

— Чуют, где правда, — вставил Афанасий Силыч.

На «Авроре» жизнь кипела, бурлила, часто разгорались споры: за кем идти, кого слушать? И верно, нелегко было разобраться в лозунгах, брошенных в народ агитаторами и пропагандистами разных партий. Но пробным камнем стало отношение к вопросу о войне и земле. Тут сторонники той или иной партии выдавали себя с головой.

Коммунисты неусташно вели борьбу за умы и сердца людей. Они разоблачали эсеров и меньшевиков, срывали с них позолоту лжи и демагогии. Живо, доходчиво рассказывали матросам, почему Временное правительство не хочет прекращения войны, защищает интересы буржуазии. Материалы для бесед по этим вопросам наши агитаторы черпали в «Правде». Она была весьма популярной среди матросов. Мы получали здесь не только ответы на жгучие вопросы жизни, но и учились бороться, находить

правильную линию поведения. Боевой контакт с большевистской партийной организацией флота, Петрограда умножало наши силы.

Наступил апрель. Все выше поднималось солнце. На Неве появились первые проталины.

2 апреля вернулся на крейсер Пермьяков. Он сообщил волнующую новость: из-за границы приезжает Владимир Ильич Ленин. Об этом же передали и из районного комитета большевиков и сообщили, что Ленина будут встречать рабочие. Мы объявили об этом всем матросам. Решили пойти встречать вождя. Вечером 3 апреля авроровцы строем направились к Финляндскому вокзалу.

Мы с Василием Кругом несли в те часы вахту и вышли позднее. Шли по набережной. Ветер доносил с Невы свежесть и неуловимое дыхание весны. Подойдя к Литейному мосту, увидели, как к вокзалу в колоннах и поодиночке идет много людей. Вот и привокзальная площадь. Она гудела тысячами голосов. Над головами рабочих, красногвардейцев, матросов, солдат пылали факелы.

Когда мы с Василием оказались на площади, Владимир Ильич уже стоял на броневике, произнося речь. Расstalkивая людей, мы пробирались к броневнику. Хотелось своими глазами увидеть, какой он, Ильич. Ленин говорил взволнованно и горячо. Его простые и вместе с тем такие значимые, емкие слова будоражили сердца, окрыляли людей, звали вперед.

— Да здравствует социалистическая революция! — закончил речь Владимир Ильич.

Тысячи людей в едином порыве подхватили его слова. Это была удивительная, незабываемая встреча. Я на всю жизнь запомнил тот вечер на площади Финляндского вокзала, слова Ильича, радостное волнение революционного Петрограда.

Вернувшись на «Аврору», собрались на палубе. Те, кто был поближе к броневнику, кому посчастливилось видеть Ленина, делились впечатлениями.

— И подумать только, — рассказывал Тимофей Липатов, — ведь, кажется, самый обыкновенный человек, а какая сила в его словах!

Бурная политическая жизнь увлекала авроровцев. Мы часто бывали на митингах. В особенности охотно шли на диспуты в цирк «Модерн» на Петроградской стороне, где выступали лидеры большевистской партии.

Златогорский объявил, что на крейсер прибудет представитель Центрального Комитета партии большевиков и состоится диспут с эсерами и меньшевиками о текущем моменте.

На диспут пришло много матросов. Заявился даже кое-кто и из офицеров, державшихся до того в стороне от политических дискуссий. Были и рабочие с завода. Словом, церковная палуба оказалась заполненной до отказа.

Первым выступил эсер. Он ратовал за войну до победного конца, за соблюдение Временным правительством всех договоров, заключенных с союзниками. Под жидкие аплодисменты эсеров и меньшевиков оратор сошел с трибуны. Потом слово взял меньшевик. Он разглагольствовал о том, что-де, если допустить переход власти к Советам рабочих и солдатских депутатов, как предлагает Ленин, революция погибнет. Оратор стремился доказать, что Россия еще не созрела для социалистической революции. Но вот к столу президиума в сопровождении Златогорского и Куркова подошел человек в простом рабочем костюме, косоворотке, высоких сапогах.

— Чую, свой, рабочий человек, — шепнул мне Василий Круг.

Это был представитель партии большевиков. Его речь поразила нас своей ясностью и доходчивостью. Он разъяснил, почему необходимы переход от буржуазно-демократической революции к социалистической, национализация земли и установление контроля над производством и распределением продукции, почему надо взять политическую власть в свои руки. Убедительно говорил он о буржуазных соглашательских партиях.

Рабочие и матросы проводили большевика с трибуны дружными аплодисментами.

— Тимоша, кто это? — спросил я Липатова.

— Михаил Иванович Калинин.

— Как он здорово разделал эсеров и меньшевиков! — заметил Сепп. — Теперь яснее видишь, чья линия правильная.

Это почувствовало большинство участников диспута. Подавляющим числом голосов была принята резолюция, предложешная большевиками. В ней, в частности, говорилось, что команда «Авроры» вполне доверяет рабочему классу в деле борьбы за пародовластие. Рабочий класс всегда может рассчитывать на поддержку революцион-

ного флота в борьбе с врагами внутри и извне. Команда приветствует Совет рабочих и солдатских депутатов за его стремление к скорейшему окончанию братоубийственной войны на основе мира без аннексий и контрибуций и свободного самоопределения всех народов.

Подшел май. Дни установились погожие, солнечные. Первого мая было особенно тепло. Мы надели белые форменные рубашки. Впервые в истории Петрограда рабочие, солдаты и матросы праздновали День международной солидарности, не боясь полицейской расправы.

Команда «Авроры» шла в город на демонстрацию во главе колонны рабочих Нарвской заставы. Над головами развевались алые полотнища с призывами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Долой войну!», «Вся власть Советам!». На большом транспаранте белели слова, сказанные Ильичем на Финляндском вокзале: «Да здравствует социалистическая революция!» Всюду звучали «Варшавянка» и «Марсельеза». Настроение было приподнятое, праздничное, матросы шутили и смеялись.

Но вот из-за угла на улице появилась другая колонна. Над рядами колыхались лозунги: «Война до победного конца!», «Да здравствует Временное правительство!».

— Бачишь, Саша, меньшевики и эсеры идут, — сказал Круг.

— Придется нам еще крепко побороться с ними — к буржуйам тянут, — заметил Сепп.

Возвращаясь с демонстрации, мы встретили Лизу и Наташу.

— Как хорошо сегодня, правда? — спросила Лиза, поздравив нас с праздником и крепко пожав руки.

— Больше бы таких дней, — сказал Осин. — Хотя бы по одному на месяц.

— Мало, не согласна, — запротестовала Лиза.

— Откуда вы? — поинтересовался я.

— С Васильевского острова, с Биржевой площади, — ответила Наташа.

— Какая оказия вас туда занесла?

— На демонстрации были. Потом на митинге. Надолго все это запомнится.

Через неделю на «Авроре» узнали, что на Франко-Русский завод для встречи с рабочими скоро придет Владимир Ильич Ленин.

— Надо, чтобы и наши там побывали, — собрав коммунистов, объявил Златогорский.

Я поговорил с машинистами. Все выразили готовность пойти на завод слушать Ленина. И вот настал день 12 мая. Все свободные от вахты матросы отправились на митинг. Громадный цех был переполнен. Послушать Ленина пришло много рабочих с соседних заводов и фабрик. Сквозь стеклянную крышу цеха пробивались весенние лучи солнца, освещая сколоченную из досок и задрапированную красной материей трибуну.

— Небось у Ленина забот хватает, а на завод приехать время выкроил, — заметил Карл Сепц, усаживаясь на штабеле котельного железа.

Рядом со мной стоял пожилой рабочий с седоватой бородкой.

— Я уже слушал Ильича, — сказал он. — Верить ему, как отцу родному.

Вот у входа в цех началось движение. Люди расступились, и в проходе появился Владимир Ильич. Приветливо здороваясь со всеми, он энергично шагал к трибуне. Аплодисменты волной прокатились по громадному цеху.

Ленин на трибуне. Как только он поднял руку, шум затих. Более часа говорил Ильич, а время промелькнуло незаметно. Он рассказывал о внутреннем и международном положении, разъяснял жгучие вопросы революции. Ленинская мысль, словно луч прожектора, освещала политическую обстановку, помогала народу лучше понять сложные явления политической борьбы, развернувшейся после Февральской революции. Мы слушали вождя, боясь пропустить хотя бы одно слово. Когда он кончил речь, стекла окон, кажется, зазвенели от грохота аплодисментов.

Затем на трибуну поднялся человек, одетый в полувойенную форму, и стал полемизировать с Лениным. С первых же его слов все насторожились. Стало ясно: выступает эсер. Раздались возгласы:

- Хватит болтать, долой!
- Сбросьте его с трибуны!
- Сыты от таких слов!
- Долой!

Оратор с досадой махнул рукой и под возмущенные крики и свист сошел с трибуны.

После митинга рабочие и матросы живой стеной окружили Ленина и сопровождали его до ворот завода.

День этот для многих матросов был решающим. Ленин открыл им глаза на происходящие события. После этого авроровцы перестали ходить на собрания и диспуты эсеров и меньшевиков. Зато побывали на Путиловском и Ново-Адмиралтейском заводах и даже за Невской заставой, где выступали большевики.

Буржуазные газеты «Речь», «Живое слово», «Русская воля» и другие немало изощрились, чтобы внести сумятицу в умы людей. Они нагло клеветали на Владимира Ильича Ленина.

Как-то в воскресный день, после обеда, мы с Кругом вышли на палубу и, потеснив сидевших там матросов, примостились около фитиля. Солнце играло светлыми бликами на невской волне. От прямых лучей палуба нагрелась так, что смола в швах размякла и прилипла к ногам. К сидевшим подошел Липатов.

— Гляньте-ка, товарищи, что пишут эсеры про Ленина, — с этими словами Тимофей развернул газету «Земля и воля».

Василий Круг, обернувшись к Липатову, предложил:

— Надо обсудить на общем собрании, почему эсеры и меньшевики заодно с буржуями травят Ленина.

— Дело говоришь, Вася, — твердо сказал Липатов, — коллектив большевиков потребует от судового комитета созыва собрания. Вот там поговорим с крикунами.

— Правильно! — поддержали Липатова матросы.

Через три дня по сигналу горниста «Большой сбор» авроровцы собрались на верхней палубе, на полубаке. Члены судового комитета во главе с председателем коммендором Федоровым заняли места за столом.

— Зачем нас собрали? — спросил кто-то из матросов.

— Не спеши вперед батьки в пекло, — едко заметил Федоров и, оглядев собравшихся, сказал: — Говорить будет Курков.

Петр Иванович подошел к столу, обвел глазами лица матросов и после небольшой паузы начал:

— Товарищи авроровцы, все вы не один раз слышали выступления Ленина, знаете, что он защищает интересы трудового народа. Царское правительство ссылало его в Сибирь, заточало в тюрьмы... Ленину пришлось уехать за границу. Сейчас Владимир Ильич с нами, ведет к побе-

Член судового комитета «Авроры», депутат Петроградского Совета П. И. Курков

де рабочий класс. Буржуи и их прислужники травят его в своих газетах. Клеветают на него эсеры и меньшевики.

Палуба зашумела. Курков призвал всех к впи-манию и продолжал:

— Большевики корабля резко осуждают всякие нападки на товарища Ленина. Мы подготовили резолюцию, которую сейчас зачитает Бельшев. Призываем всех присоединиться к этой резолюции.

К столу вышел Бельшев. Не торопясь, развернул листок, расправил помятые уголки и начал читать:

— «Матросы команды крейсера «Аврора», зная товарища Ленина как стойкого и твердого борца за свободу, решили поддерживать его во всякую опасную минуту и всегда готовы дать отпор буржуям, которые ведут нападки на товарища Ленина...»

Зачитав текст, Бельшев положил бумагу на стол и отошел в сторону.

— Дайте мне слово! — крикнул один из эсеров. — Товарищи, нам навязывают резолюцию... Мы, социал-демократы и социалисты-революционеры, тоже предлагаем свою резолюцию... Многие еще не понимают, что должны быть сплочены все классы, работодатели и рабочие, владеющие землей и не владеющие. У нас один враг — Германия... Мы должны ее разбить совместно с нашими союзниками, а потом созвать Учредительное собрание, которое и решит все социальные вопросы...

— Буржуйским голосом поешь! — послышались крики.

— По горло сыты войной!

Страсти разгорались. Мы готовы были броситься с кулаками на эсера, который что-то кричал, размахивая листком бумаги, но из-за шума его не было слышно.

Председатель судебного комитета терпеливо ждал, пока стихнет шум. Подняв руку, эсер громко объявил:

— У нас есть резолюция. Поставим ее на голосование? Будем ее зачитывать или нет?

— Не надо, долой!

Авроровцы с негодованием провалили эту резолюцию. Значительным большинством голосов была принята наша, большевистская резолюция.

Так под воздействием коммунистов постепенно созревало революционное сознание матросов.

*Наша верность революции.
Июльская демонстрация.
Провокаторы маневрируют.
Разгром корниловщины*

В борьбе с соглашательскими партиями постепенно обрета́ли политический опыт большевики корабля. Они все увереннее вели за собой людей, готовя их к грядущим боям. Нашу работу направляла военная секция ЦК партии большевиков. На крейсере не один раз выступали Калинин, Володарский, Позерн. Председатель Центробалта Дыбенко уделял «Авроре» особое внимание. Между крейсером и Центробалтом протянулись прочные нити.

Туман политической лжи, пущенной в первые дни после Февральской революции противниками большевиков, постепенно рассеивался.

23 мая команда крейсера собралась, чтобы обсудить проект положения о правах солдат, выработанный комиссией Временного правительства. Проект, по существу, не признавал прав, провозглашенных в приказе № 1 Петроградского Совета. Когда Златогорский доложил об этом, матросы возмутились:

— Буржуи обратно тянут, хотят снова закабалить солдат и матросов!

— Так и царя опять на трон посадят!

— Нет уж, дудки!

Большевики предложили собранию резолюцию, которая содержала следующие пункты:

«1. Три месяца прошло, как царя сбросили, а помещики все еще распоряжаются землей. Надо, чтобы Всероссийский Совет рабочих и крестьянских депутатов взял власть в свои руки и конфисковал землю у помещиков и передал ее крестьянам.

2. Царя Николая Романова надо перевести в Кроунштадт, к матросам.

3. Почему бывший царский военный министр Сухомлинов и другие генералы разгуливают на свободе? Надо арестовать их.

Пусть наши депутаты в Петроградском Совете объявят эту резолюцию на заседании Совета».

Команда «Авроры» поддержала эти требования. Но депутаты в Петроградский Совет — меньшевики и эсеры — стали отказываться, придумывая разные причины. Авроровцы настаивали, заявляя, что, если депутаты не выполнят решение собрания, отзовут их из Петроградского Совета.

Подавляющее большинство команды крейсера уже заявило о своей верности делу социалистической революции. К какому берегу прибиться — об этом стали задумываться и наши офицеры.

Как-то вечером, после рабочего дня, я вышел на верхнюю палубу покурить. Солнце спускалось к горизонту Финского залива, разбрызгивая по воде золотистые лучи. Ко мне подошел Андрей Подольский. Поздоровались. Закурив, Андрей сказал:

— Хочу кое-что рассказать тебе, Саша.

— Слушаю тебя.

— Стоял я на днях в карауле — мой пост был у флага. Вижу: на ют пришли мичман Соколов и твой ротный Буянов. Зашли они за щит кормовой пушки и завели такой разговор. «Знаете что, милейший, — сказал Соколов, — а ведь нам не по пути с офицерами-дворянами. Они боятся за свои поместья, фабрики, а у нас с вами их нет. Думаю, что надо нам ближе держаться к матросам. Интеллигенция должна быть с народом. Другого пути я не вижу». «Но куда идет сам народ? — спросил Буянов. — Где правда? Керенский уверяет, что партия эсеров приведет к счастью. Чхеидзе призывает бороться за народ. Ленин ведет за собой рабочих и крестьян, в своих речах и статьях разоблачает Керенского и Чхеидзе — вот и разберись, кто за народ, кто против народа». «Мне кажется, что правда за Лениным, — ответил Соколов. — Бывая на митингах, я убедился, насколько близки и понятны его мысли и рабочему, и интеллигенту». «Но почему же вы, мичман Соколов, открыто не примкнете к большевикам?» — спросил Буянов.

В этот момент на ют пришел новый командир корабля

Эрикссон¹. «Слышу, вы тоже политикой увлекаетесь, молодые люди? — спросил он. — Не советую. Пусть этим занимаются на полубаке. А вы должны понять: свещенная миссия офицеров — спасти Россию...» «Но позвольте, господин старший лейтенант, мы хотели выяснить...» — пытался объяснить Соколов. «Оставьте, — перебил его Эрикссон. — Учтите, господа, время сейчас бурное, крутое, силы порядка только организуются. Пройдет хаос, и тогда кое-кого спросят: «А как вы себя вели, господа, в трудное для России время?..»

Выслушав Андрея, я заметил, что офицеры колеблются, все еще не знают, к какому им пристать берегу. Некоторые наверняка пойдут с нами, хотя и нелегко им будет менять убеждения. А другие перекрасятся, будут приспособливаться, в душе же останутся прежними господами.

На следующий день, проходя мимо вахтенного, я услышал телефонный звонок. Быстро поднял трубку. Говорили из дворца Кшесинской, где размещался ЦК партии большевиков. Просили срочно позвать председателя коллектива большевиков. Я знал, что у нас установилась прочная связь с ЦК: Златогорский почти ежедневно бывал там. Отправляясь разыскивать председателя, подумал, что он, паверню, нужен по важному делу. Златогорский подошел к телефону и, внимательно выслушав говорившего, твердо ответил:

— Будет сделано. На провокацию ответим по-флотски. Авроровцы не подведут.

Вечером на экстренном матросском собрании выяснилось, о чем шла речь: по телефону нас предупредили о готовящейся демонстрации трудящихся, но ЦК партии большевиков советовал временно воздержаться от выступления, так как момент перехода государственной власти в руки Советов рабочих и солдатских депутатов еще не созрел. Политические события разворачивались быстро. Бурлил, клокотал пролетарский Петроград. Утром 4 июля на Неве показались несколько буксиров и пароходов с кронштадтскими матросами. Проходя мимо крейсера, они кричали:

— Привет авроровцам! Выходите на берег! Идем на демонстрацию! Долой Временное правительство!

¹ Никонов к этому времени был переведен в штаб Балтийского флота.

Многие из наших поднялись на верхнюю налубу и, махая фуражками, отвечали кронштадтцам:

— Сейчас выходим! Ждите!

Курков и Златогорский связались с ЦК партии и получили новое указание: выйти на демонстрацию. Об этом сразу же стало известно всем на корабле.

— А как пойдём, с оружием? — спрашивали матросы.

— Конечно, — отвечал Курков. — От буржуев всего можно ожидать. Но помните: демонстрация мирная, не поддавайтесь на провокации!

С лозунгами «Долой войну!», «Вся власть Советам!» направились через Васильевский остров на Петроградскую сторону. По пути присоединились к кронштадтцам. Шли колонной, четким шагом. Революционных балтийцев приветствовал трудовой народ. А ведь какие небылицы писали про нас буржуазные газеты! Вот колонна подошла к особняку Кшесинской. Здесь выступал Ленин. Прослушав его зажигательную речь, отправились через Марсово поле на Садовую. Демонстрация, в которой приняли участие более ста тысяч человек, была мирной. Но когда подходили к Невскому, раздались выстрелы. Из дома на углу Невского и Садовой, где помещалась редакция газеты «Новое время», застрочил пулемет. Послышались крики и стоны. Демонстранты прижались к стенам домов. На мостовой остались убитые и раненые. Мы — группа матросов и рабочих — проникли в подъезд дома, из которого велась стрельба. Пока поднимались паверх, провокаторы скрылись. В комнатах возле окон валялись дымившиеся гильзы винтовочных и пулеметных патронов.

Подобрав убитых и раненых, демонстранты продолжили шествие по Невскому к Литейному проспекту, а дальше по Кирочной вышли к Таврическому дворцу, где заседало Временное правительство. Улицы у дворца были до предела заполнены рабочими, солдатами, матросами. Слышались громкие выкрики: «Почему в нас стреляли?», «Позор убийцам!». К собравшимся вышел министр земледелия Чернов и стал уговаривать матросов и рабочих разойтись, но его никто не слушал. Несколько человек схватили Чернова и, наверно, изрядно бы поколотили, если бы в это время не появился Троцкий, который начал защищать министра. Чернов тем временем поспешно скрылся во дворец.

Среди матросов «Авроры», участвовавших в демонстрации, ни раненых, ни убитых не было, но мы знали, что другие пострадали. Это вызвало в наших сердцах гнев и возмущение. Матросы, побывавшие в других частях города, рассказывали, что там происходили вооруженные схватки демонстрантов с юнкерами и казаками. Мы узнали, в частности, что юнкера разгромили редакцию «Правды».

Наступили тревожные дни. Временное правительство, стремясь обуздать нараставшее революционное движение, прибегало к репрессиям. Это мы чувствовали и у себя на корабле.

Как-то перед обедом, когда вахтенные передали приказание «Работы закончить», группа матросов собралась на полубаке покурить.

— Да, контра не спит, — заговорил Василий Круг.

Мы недоуменно посмотрели на него. Что он хочет сказать? Оказывается, наших матросов вызывают на берег в Адмиралтейство и там задерживают.

— Куркова и Златогорского уже упрятали в «кресты»¹. Еще пять человек вызывают, наверное, тоже арестуют. А что творится на Невском! Только что вернулся Подольский. Вся форменка порвана, бескозырку потерял. Андрей заступился за парнишку, продававшего «Правду», и был избит. Сейчас в лазарете перевязывают его.

Сидевший поблизости Силаев сказал:

— Этого следовало ожидать: уж очень распоясался кое-кто...

— Снова ты заскулил? — заметил Василий. — На кого намекаешь?

— Сам знаешь на кого. Хорошо, что ваш Бельшев вчера не был в городе, а то и его «пригласили» бы куда следует...

Бельшев был вызван в Гельсингфорс на заседание Центробалта. Действительно, если бы он находился на корабле, то наверняка угодил бы в «кресты». Искали и Липатова, но его вовремя предупредили, и он скрылся.

В те же дни стало известно, что враги хотят арестовать Ленина. Весть об этом распространилась по кораблю. Возмущению матросов не было границ.

---

¹ Петроградская тюрьма.

— Народ не допустит этого, — шумели матросы, собравшиеся на полубаке.

— Кто посмеет арестовать Ленина? За что?

— Да хотя бы за то, что Керенского и его министерскую шайку на чистую воду выводит.

Матвей Осип, внимательно слушавший товарищей, вдруг сказал с досадой:

— Ну и осел же я! С такими людишками якшаюсь, в одной партии состою!

Он вынул из кармана эсеровский билет и ожесточенно стал рвать его.

Так же поступил и Андрей Подольский.

— Правильно сделали, друзья! — одобрил их поступок член судового комитета большевик Фатеев. Затем, обращаясь к собравшимся, спросил: — Ну что, ребята, будем выручать своих товарищей из «крестов»?

В ответ раздалось:

— Обязательно, в беде не оставим!

— Но как это сделать?

— Я, товарищи, обошел все кубрики, — продолжал Фатеев. — Народ волнуется. В судовом же комитете из большевиков, кроме меня, никого не осталось. На судовом комитете я буду настаивать взять на поруки команды корабля Куркова и Златогорского и предлагать вынести этот вопрос на общее собрание. А вы поддержите меня.

— Вот это правильно!

— Обязательно поддержим!

Вскоре произошел случай, доставивший нам много волнений. С берега пришел Подольский. Он был чем-то взволнован. Потрясая над головой газетой, Андрей крикнул:

— Товарищи, слушайте, что нам приписывают!

Он развернул газету и стал читать:

— «Господин Керенский!

Просим вас уйти с вашего поста, даже требуем немедленно исполнить это. Когда-то вы говорили, что ни одной капли крови не прольется даром, но, увы, это были только слова. А на деле вы столько пролили крови невинной... Итак, ты, Керенский, не социалист, ты являешься убийцей русского народа, ты весь пропитан кровью наших солдат и кровью моего брата, который по твоей вине убит во время наступления, ты — тиран, ты лжешь на солдат и приказываешь расформировать полки и обы-

ваешь трусами тех, кто не хочет наступать. Почему ты стал буржуазии хорон, потому что буржуазии нужно больше пролить нашей крови! Итак, убийца Керенский, уйди с поста, срок тебе по 10 июля 1917 года. Иначе ты будешь убит, как собака. Уйди, уйди, ты проданся буржуазии, уйди, убийца русского народа, твои приказы нас не устрашат, прочь твои кровавые руки от нашей молодой свободы, прочь, грязный и запекшийся в крови моего брата и других товарищей. Пусть моя мать и отец лишатся еще одного сына, но я отомщу тебе, убийца, за моего брата, не я один, нас группа. Помни срок — 10 июля 1917 года... Если не уйдешь с поста, будешь убит, как собака!

*Крейсер «Аврора»,
группа матросов».*

Мы с удивлением слушали Андрея, забыв про обед. В кубрике некоторое время царил тишина, а потом поднялся сильный шум. Кто-то крикнул:

— Это же, братцы, провокация!

О письме в газете шли разговоры на верхней палубе, в кубриках. Все понимали, что Керенский ответит на это репрессиями, в первую очередь обрушит удар на активистов. Крейсер заставят уйти из Петрограда. Особенно ясно это было большевикам.

Фатеев предложил коммунистам после ужина собраться в каюте судового комитета и обсудить создавшееся положение.

На собрание пришел секретарь райкома — рабочий Франко-Русского завода Пахомов.

— Товарищи, все пришли? — спросил Фатеев.

— Нет только Гиля, он на вахте.

— Ну, пачнем. Для ведения собрания надо выбрать председателя и секретаря.

— Вот ты и веди собрание, — пробасил машинист Чемерисов, — а секретарем пусть будет Велютин.

— Товарищи, по текущему моменту слово имеет секретарь райкома товарищ Пахомов.

Все мы знали спокойного, рассудительного старого рабочего, он не раз выступал на крейсере. Пахомов обрисовал положение, которое создалось в Петрограде после демонстрации 3—4 июля, подчеркнул, что контрреволюция перешла в наступление. В конце своей речи сказал,

что письмо Керенскому послано в газету провокаторами с целью поставить под удар партийную организацию большевиков, дать предлог Временному правительству удалить крейсер из Петрограда. Партия большевиков считает матросов крейсера «Аврора» боевой силой революции, ее оплотом. Корабль должен остаться на месте. А кто касается письма, то надо найти и разоблачить провокатора.

Слово взял строевой матрос Земзир:

— Я много раздумывал над тем, кто же мог писать Керенскому? А не наш ли Силаев? Ведь он сам хвалился, что до службы на флоте был сыщиком.

— Вызвать Федьку сюда и спросить как следует, — предложил Кузьменко.

Поднялся шум. Кто-то кричал, что этого делать нельзя. Другие возражали. Решили как следует разобраться в этом деле.

На другой день состоялось заседание судового комитета в присутствии представителя Временного правительства присяжного поверенного Чиабарова, прибывшего на корабль по поводу июльских событий и письма Керенскому. Вызвали Силаева. Под напором улик он сознался, что сочинил письмо с целью натравить Керенского на аврорцев. Судовой комитет решил рассказать о провокации Силаева на общем собрании матросов. Надо ли говорить о том, как возмущены были все подлым поступком эсера!

Через несколько дней было опубликовано опровержение, в котором говорилось:

«...В печати появилось сообщение о письме группы матросов крейсера «Аврора». В письме этом, полном брани, неизвестные лица, именуя себя матросами, грозят убить Керенского, если он не покинет своего поста к 10 июля... На общем собрании 11 июля с. г. была вынесена резолюция, из которой очевидно, что команда крейсера «Аврора» всецело солидарна с решением Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...» Далее указывалось, что посылка письма Керенскому является гнусным провокационным актом со стороны темных личностей, прикрывавшихся званием матроса и стремившихся набросить тень на команду крейсера «Аврора»...

Когда волнение, вызванное письмом Силаева, утихло, большевики крейсера стали подготавливать команду решительно выступить в защиту наших матросов, арестован-

ных Временным правительством. Во всех нас жила матросская солидарность, стремление выручать товарищей из беды. И когда большевики в своей резолюции заявили решительный протест по поводу ареста наших товарищей, весь экипаж поддержал их. Временное правительство, боясь обострения отношений с матросами Балтийского флота, вскоре освободило кронштадтцев и авроровцев.

Июльские события, расправа reactionеров с революционными матросами, рабочими и солдатами еще больше сплотили команду крейсера вокруг большевистской партии.

Между тем обстановка все более усложнялась. Буржуазия делает ставку на генерала Корнилова, прочит его в военные диктаторы. Конный корпус Корнилова движется на Петроград. Над силами революции нависла новая опасность.

На корабле объявили, что увольнения на берег прекращены.

— Почему? — с тревогой спрашивали матросы.

— Чтобы защитить Питер от войск Корнилова.

Город принял фронтовой вид. На окраинах появились баррикады, блиндажи, проволочные заграждения. Рабочие готовились защищать столицу от врагов революции. Красная гвардия увеличивалась и вооружалась. Душой обороны стали большевики. Совместно с заводским комитетом матросы разрабатывали план обороны территории Франко-Русского завода. Ночью 29 августа из Кронштадта «Авроре» доставили на барже снаряды и патроны. Комендоры держали пушки в постоянной готовности к открытию огня.

Матросы охраняли Государственный банк, Зимний дворец. Некоторые недоумевали:

— То призываем сбросить Временное правительство, то охраняем его. Не поймешь, что к чему!

— Тут, братцы, охрана не столько Керенского, сколько самой революции, — объяснял Златогорский морякам, отправлявшимся в караул к Зимнему. — Главное, мы не должны допустить, чтобы Керенский сторговался с Корниловым.

Временным правительством было недовольно трудовое население России. Это повлияло и на настроение флота, в частности на настроение команды «Авроры». Моряки говорили открыто, что Временное правительство надо уб-

рать и государственную власть передать в руки Советов рабочих и солдатских депутатов.

Чтобы удержаться, буржуазия и ее опора — меньшевистско-эсеровские вожаки — усилили клевету на рабочий класс и его партию. Не дремали на крейсере меньшевики и эсеры Федоров, Зинкевич и другие.

В воскресный день я зашел в каюту судового комитета. Здесь дежурил Липатов. Я спросил его, разрешил ли судовой комитет повесить афишу, на которой было написано, что 23 сентября на корабле состоится доклад министра внутренних дел Церетели.

— Да нет, такого разрешения мы не давали. А что, висит такое объявление?

— Только сейчас видел, как вахтенный на шканцах вывешивал его.

Оказалось, что эсеры сделали это в обход комитета.

— Мы требуем встретить Церетели как члена правительства! — настаивали они в судовом комитете.

— Вы же знаете, — возражал им Липатов, — команда присоединилась к резолюции Центробалта не признавать Временного правительства. А сейчас будем встречать Церетели с почетом — так это же чепуха на постном масле. Матросы «Авроры» не будут встречать лакеев буржуазии!

Зинкевич, Федоров и другие, хлопнув дверью, вышли из каюты.

— Видишь, куда гнут? Авторитет Церетели поднимают! — с возмущением говорил Липатов.

Через несколько дней стало известно, что состоится собрание команды по текущему моменту. За час до начала собрания на крейсер прибыл заведующий канцелярией министра подготовить встречу Церетели. Судовой комитет собрался, чтобы определить свое отношение к этому вопросу. На требование почетной встречи большинство членов комитета заявили, что ее не будет. Но чиновник из министерской канцелярии настаивал на своем. Спорили, пока в каюту не вошел рассыльный матрос со шканцев.

— Товарищ Бельшев! — обратился он к председателю судового комитета. — На корабль пришли какие-то дв-ва гражданина, просят тебя и командира.

— Хорошо, я сейчас иду. Доложи командиру.

Прервав заседание, все члены комитета вышли на верхнюю палубу.

— Это товарищ Церетели, — сказал заведующий канцелярией и быстро пошел навстречу министру.

Перед Церетели у трапа стоял матрос-часовой с винтовкой наизготовку, угрожающе направив на прибывшего примкнувший японский штык.

— Товарищ Рудковский, пропусти! — сказал Бельшев часовому.

По трапу стал быстро подниматься худощавый, кавказского типа человек. Вступив на палубу, он с явным любопытством оглядел корабль. Бельшев не спеша подошел к министру, назвал себя, представил членов судового комитета Златогорского, Липатова, Ковалевского, Лукичева, Куркова.

— А это командир корабля товарищ Эриксон.

Церетели небрежно поздоровался со всеми.

Все спустились в каюту судового комитета. Вскоре горнист заиграл «Большой сбор». Вахтенные передавали по люкам в кубрики:

— На общее собрание, на шканцы!

Собрание открыл Бельшев. Он предоставил слово Церетели. Министр витиевато говорил о текущем моменте, о созданном парламенте. Он утверждал, что в настоящий момент брать в свои руки государственную власть какой-либо политической партии — безумие. Церетели темпераментно защищал сотрудничество с буржуазией. В конце выступления стал нападать на большевиков, обвиняя их в развале фронта, в крестьянских волнениях. Министр заявил, что Временное правительство не допустит никаких заговоров.

Слово взял Курков. Он сказал, что Временное правительство обманывает народ: обещает провести земельную реформу, а само посылает карательные отряды против крестьян, обещает мир и не кончает войну. Курков сказал далее, что, оскорбляя большевиков, Церетели оскорбляет рабочий класс.

Так же смело и убедительно выступали Златогорский, Липатов, Лукичев. Меньшевики и эсеры раболепски подпевали Церетели.

В конце собрания были предложены две резолюции: одна в поддержку Временного правительства, вторая в защиту большевиков. Несмотря на ораторское искусство, поток словесных обещаний, хитрую демагогию Церетели, значительным большинством была принята больше-

вистская резолюция, предложенная Курковым. В ней говорилось: «Имея обсуждение о текущем моменте, а главным образом об исходе демократического совещания, находим, что, во-первых, резолюция, предложенная гражданином Церетели, имеет политику соглашательства с кадетами и буржуазными элементами на почве выборов предпарламента и правительства. Во-вторых, отмечает, что в своей речи гражданин Церетели допускает ничем не обоснованные обвинения и оскорбления истинно пролетарской и до сего времени энергично защищающей интересы рабочих, солдат и крестьян партии большевиков.

Ввиду этого протестуем против выпада гражданина Церетели и говорим, что желаем иметь власть, опирающуюся на всю пролетарскую революционную демократию и пользующуюся полным доверием народа.

Товарищи всех стран, соединяйтесь дружбой!

Да здравствуют Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и с ними мир всех народов!»

Лес рук дружно взметнулся за эту резолюцию. Увидев это, Церетели побледнел, вскочил с места и, ни с кем не простившись, побежал с палубы корабля.

— Что он, с цепи сорвался?

— Климат ему вреден на «Авроре». Жарко стало!

Министр внутренних дел Временного правительства сбегал по трапу под громкий хохот авроровцев.

*Попытка Временного правительства
вывести «Аврору» с Невы.
Я. М. Свердлов вручает в Смольном
Большеву мандат комиссара.
Орудия крейсера наведены на цель.
Мы атакуем Зимний дворец.
Первое утро новой эпохи*

Тревожное лето сменила бурлящая осень. Буржуазия собирала силы для удара по революции. Рабочий класс под руководством большевиков также готовился к решающей схватке: на заводах и фабриках создавались и вооружались отряды Красной гвардии. Большевистские агитаторы вели работу в воинских частях Петроградского гарнизона, разоблачая Временное правительство, мелкобуржуазные партии соглашателей. В подготовке социалистической революции чувствовалось мудрое, бесстрашное руководство Владимира Ильича Ленина.

22 октября, только что сменившись с вахты, мы с Карлом Сепном встретили Андрея Подольского. Он куда-то спешил.

— Андрюша, куда это ты?

Рассеянно глянув на Сеппа, потом на меня, он озабоченно сказал:

— К портному. Вчера отдал перешить бушлат, а тут такая оказия...

— Что же случилось?

— А вы разве не знаете? Мы же снимаемся, уходим в море.

— Ничего не понимаю, — недоуменно пожал плечами Сепп, — только вчера Курков говорил, что «Аврора» остается у стенки.

— А мне сейчас вахтенный сказал, что получен приказ сниматься со швартовов.

Мы сразу же направились в судовой комитет. Там были Большев, Златогорский, Курков, Липатов, секретарь комитета Душенов и старший лейтенант Эриксон. Они о чем-то спорили. Большев, не скрывая гнева, говорил:

— Пока не проверю, «Аврора» никуда не пойдет!

— Куда же вы будете обращаться, разрешите узнать? — с ехидцей спросил командир корабля.

— В Военно-революционный комитет.

— Но я ему не подчиняюсь. Команда обязана выполнить мое приказание!..

В спор вмешался Курков:

— Разве командиру неведома телеграмма Центробалта, что «Аврора» должна выполнять только приказания Военно-революционного комитета?

— Я знаю об этой телеграмме, — раздраженно ответил Эриксон. — Но я не считаю ее законной: там нет подписи командующего флотом. Напоминаю вам: за невыполнение приказа матросы будут сурово наказаны, и в первую очередь члены судового комитета... — В голосе офицера прозвучали металлические нотки.

— Я еще раз повторяю: судовый комитет не будет выполнять этот приказ до тех пор, пока его не подтвердит Военно-революционный комитет, — не уступал Бельшев.

Гнев и беспомощность отразились на лице Эриксона. Затем он встал и, с грохотом отодвинув стул, быстро вышел из каюты.

— Что тут происходит, Александр? — разом заговорили матросы, вошедшие за мной. — Почему Эриксон так кипит?

— Только нас этим кипятком не ошпаришь, — улыбнулся Бельшев.

— Эриксон получил приказ сниматься с якоря, — сообщил вошедшим Златогорский.

— Когда? Кто приказывает?

— Керенский. В его приказе и курс указан — Гельсингфорс.

Председатель судового комитета
и комиссар «Авроры» матрос
А. В. Бельшев

— Чувствуют, что порохом пахнет, хотя подальше нас сплавить, — заметил Курков.

— Главное, друзья, не поддаваться на провокации, — твердо сказал Бельшев и тоном распоряжения добавил: — Комендорам все время быть наготове — это касается тебя, Огнев, и тебя, Кезля... Пушки держать в боевой готовности.

— Вот только снарядов у нас маловато.

— Об этом судовой комитет уже подумал.

В условиях нарастающей революции Керенский пытался вывести из Петрограда революционно настроенные воинские части, в том числе и крейсер «Аврора». Зная о коварных замыслах Керенского, выполняя директиву военно-партийной организации, руководители большевистской организации крейсера сорвали эти замыслы. Корабль остался в Петрограде.

С берега вернулся машинист Пономарев.

— Гляньте, какие листовки расклеены в городе.

С этими словами он вытащил из кармана листок и стал читать:

— «К населению Петрограда! К сведению рабочих, солдат и всех граждан Петрограда объявляем. В интересах защиты революции и ее завоеваний от покушения со стороны контрреволюции нами назначены комиссары при воинских частях и особо важных пунктах столицы и окрестностей. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждению уполномоченными нами комиссарами...»

— Вот только конец листовки оборван — не знаю, кем подписан...

— Это наверняка воззвание Военно-революционного комитета, — сказал быстрый на слово Бабин. — Чуете, ревком берет власть в свои руки.

— Наверно, и на «Аврору» назначат комиссара, — высказал предположение Алексей Краснов.

— Непременно, — молвил Василий Круг, — это уж как пить дать.

Обращаясь к Златогорскому, Бельшев сказал:

— Эриксон доложил морскому министру Вердеревскому, что судовой комитет противится выходу крейсера из Петрограда.

— Ну а министр что?

— Проглотил пилюлю, и все. Побоялся проявить власть.

Обстановка все более накалялась. В те дни впервые судовая радиостанция «Авроры» была использована для связи штаба революции с вонскими частями и местными Советами.

По распоряжению судового комитета корабельный радист Федор Алонцев послал в эфир радиogramму, в которой передавалось приказание Военно-революционного комитета Петроградского Совета — помешать продвижению к Петрограду контрреволюционных частей, вызванных Керенским.

Меньшевики и эсеры на корабле, не ожидавшие столь быстрого роста революционного сознания матросов, растерялись. Их вожаки Зинкевич и Толстов злобно каркали, что Россия не поддержит большевиков, но их уже мало кто слушал.

24 октября корабельная жизнь, казалось, шла по давно заведенным порядкам. Вдруг для некоторых моряков неожиданность: экстренное собрание команды. Когда люди собрались, Александр Бельшев вынул из кармана листовку и поднял ее над головой.

— Я прочту воззвание Военно-революционного комитета к солдатам, рабочим и всем гражданам, — объявил он и стал читать медленно, с расстановкой:

— «Солдаты, рабочие, граждане!

Враги народа перешли ночью в наступление. Штабные корниловцы пытаются стянуть из окрестностей юнкеров и ударные батальоны... Замышляется предательский удар против Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Газеты «Рабочий путь» и «Солдат» закрыты, типографии опечатаны. Поход контрреволюционных заговорщиков направлен против Всероссийского съезда Советов накануне его открытия... Контрреволюция подняла свою преступную голову. Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов. Дело народа в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены. Никаких колебаний и сомнений. Твердость, стойкость, выдержка, решительность. Да здравствует революция!»

Послышались возбужденные голоса:

— Революция в опасности, а мы загораем?!

— Чего мы ждем? Хватит бездействовать!

— Спокойно, товарищи, — твердо сказал Бельшев. — Спокойствие и выдержка — наше оружие, а сила — в дисциплине и революционном порядке.

Вскоре Бельшев с Лукичевым, имевшие связи с ВРК и военно-партийной организацией, ушли в Смольный. Часа через три они вернулись. По настоянию Эриксона было срочно созвано заседание судового комитета, на которое пришло много матросов. К столу вышел командир крейсера, сумрачный, злой. Он знал, что основная масса матросов доверяла не ему, а судовому комитету, который действовал по велению большевистского центра. Но у него в руках был приказ, которому он внутренне подчинялся. И сейчас он решил еще раз попытаться склонить команду на свою сторону.

После минутного раздумья Эриксон заговорил ровно и тихо, стараясь придать убедительность своему голосу:

— Я прошу понять меня правильно. Как командир корабля, я не могу согласиться с решениями судового комитета. У меня есть строгий приказ.

— Чей приказ?

— Командующего округом.

И Эриксон прочитал приказ, говорящий о том, что все воинские части и команды должны оставаться на местах, что никто не может выступать без специального указания штаба округа. Никакие другие приказы не должны выполняться. Офицеры, нарушившие приказ, подлежат, как мятежники, суду военного трибунала.

Матросы недоумевали: только позавчера по приказу Керенского «Аврора» должна была выйти в море, а сегодня ей уже запрещено сниматься с якоря.

— Почему так часто меняются распоряжения? — зашумели собравшиеся.

Эриксон сделал вид, что не расслышал вопроса.

— Нервничают господа министры, — ответил за него кто-то из матросов.

— Семь пятниц у них на неделе...

В эту минуту к Бельшеву подошел связной и вручил ему пакет. Быстро распечатав конверт и пробежав взглядом текст, Александр стал читать вслух предписание Военно-революционного комитета. В нем говорилось, что предстоит сделать экипажу крейсера «Аврора» в случае нападения на Петроградский гарнизон со стороны контрреволюционных сил.

Закончив чтение, Бельшев повелительно сказал:

— Надо привести корабль в боевую готовность!

— А кому адресовать пакет? — с ухмылкой спросил Федоров.

— Комиссару крейсера.

— Разве есть комиссары на военном корабле?

Прием Я. М. Свердловым представителей команды крейсера «Аврора» 24 октября 1917 г. (С акварели худ. О. Берехтина)

— Да, революционные комиссары — уполномоченные Петроградского Военно-революционного комитета — есть и на кораблях, — ответил Златогорский.

— Кстати, кто у нас этот комиссар? — с деланным любопытством спросил Эрикссон.

— Я, — сказал Бельшев, не торопясь, с достоинством вынул из кармана удостоверение и показал его всем.

Мы знали, что Бельшев и Лукичев ходили в Смольный, что с ними беседовал Яков Михайлович Свердлов, но

то, что Александр назначен комиссаром, многие из нас услышали впервые. Потом узнали, что ему не советовали говорить об этом преждевременно. Назначение Бельшева восприняли как должное. Ведь в нашей матросской семье все знали его как политически зрелого, волевого, решительного человека.

Позже Бельшев рассказывал нам о встрече с товарищем Свердловым:

— По нашим бескозыркам Яков Михайлович узнал, что мы с «Авроры». Он внимательно прочел бумажку, что команда доверяет нам связь со Смольным, и стал расспрашивать о жизни на корабле. Узнав, что на крейсере сорок два большевика, Свердлов заметил: «Главное, не сколько, а какие это люди. Сорок два человека — это же сила! Надо только сплотить вокруг себя остальных, зажечь их верой в победу. Центральный Комитет надеется на «Аврору». Не подведете? Нам известно: дисциплина у вас хорошая, а это, друзья матросы, главное. Вам от Ленина наказ: в любой момент выступить на защиту революции». Мы сказали, что большинство матросов горой стоят за революцию, а вот офицеры еще колеблются. «А что вам офицеры? — улыбнулся Яков Михайлович. — Пойдут с народом — хорошо, не захотят — без них справится. Верных и опытных матросов поставьте на офицерские посты. У вас ведь на корабле действует судовой комитет. По поручению Центрального Комитета вы, товарищ Бельшев, назначаетесь комиссаром крейсера. Никаким приказам Керенского не подчиняйтесь. Отныне вы в распоряжении штаба революции и перед ним будете держать ответ за все действия «Авроры». Ясно? Вот и хорошо. Вполне вероятно, что вам придется войти в фарватер Невы и опробовать машины». — «Только ли машины?» — «Разумеется, нет, у вас ведь боевой корабль. Есть и пушки. И матросы бывалые, обстрелянные».

Этот рассказ о встрече со Свердловым вдохнул в нас новые силы, вызвал стремление оправдать высокое доверие большевистской партии.

Судовой комитет получил распоряжение направить в Смольный группу матросов для связи штаба революции с кораблями. Телефонная станция работала с перебоями, а связь с кораблями сейчас должна была быть особенно надежной.

Белышев вызвал Душенова и приказал:

— Бери четверых орлов, которые побойчее, и шагайте в Смольный. Доложись Свердлову или Подвойскому. Скажи — комиссар Белышев прислал. С пакетами по одному не ходите — юнкера злобствуют. Понял?

— Мотоцикл бы для такого дела, трамвай ведь не ходят.

— Какие, брат, у нас мотоциклы! Если удастся реквизировать в городе для нужд революции — другое дело.

И продолжал наставлять:

— Доложи, Костя, устно, что баржа со снарядами уже на Неве, начинаем погрузку. В донесении, — он передал матросу пакет, — я пишу о командире. Скажи еще от себя, что Эриксон наш пытается играть своей беспартийностью, собирается выполнять приказы только Керенского. Если так будет и дальше финтить — арестуем. Доложи еще, что котлы под парами, настроение у команды боевое. Все, действуй!

В тот же день, 24 октября, вечером Лукичев привез из Смольного новый пакет комиссару. Снова собрался судовой комитет. Белышев ознакомил всех с очередным распоряжением Военно-революционного комитета Петроградского Совета. Судовому комитету поручалось всеми имеющимися в его распоряжении средствами восстановить движение по Николаевскому мосту. Все мосты на Неве, за исключением Николаевского, контролировались отрядами Красной гвардии. И вот теперь ставилась задача овладеть и этим мостом.

Златогорский предложил подойти к Николаевскому мосту, стать на якорь, под прикрытием артиллерии корабля высадить десант авроровцев и отбить мост у юнкеров.

Матрос К. И. Душенов

Члены судебного комитета задумались. Напряженную тишину нарушал лишь доносившийся откуда-то монотонный шум вентилятора. Молчание прервал унтер-офицер Ферябников:

— Без подготовки спяться с якоря мы едва ли сможем... Наверно, киль и винты затянуло илом. Я сомневаюсь, получится ли что...

— Но мы же не институтские барышни, чтобы во всем сомневаться, — оборвал его машинист Ковалевский. — Если надо, можно вызвать водолаза из порта, чтобы осмотреть киль и винты.

— На все это нужно время, а нам мешкать нельзя, — запротестовал Бельшев. — К нам подошли два буксира — они и помогут. Подойдем к мосту и станем на якорь, как предложил Златогорский. Юнкера развели мост, а мы его сведем, восстановим связь с рабочими окраинами...

Молчавший до этого командир крейсера заявил, что фарватер Невы мелок и неизвестен. Офицеры поддержали Эриксона.

Матросы негодовали:

— Контру разводят!

— За борт саботажников! К ракам!

Чтобы пресечь саботаж офицеров, судовой комитет, руководимый коллективом большевиков, решил немедленно арестовать их и содержать при каютах.

Пасмурный день медленно угасал. Сгущались сумерки. Над Невой повисла мелкая сетка дождя. В это время с крейсера спустили на воду шлюпку. Шесть гребцов налегли на весла. Группа матросов под руководством сигнальщика Захарова направлялась на проверку фарватера Невы. Многие из нас с тревогой задавали себе вопрос: возвратятся ли наши товарищи назад. Ведь юнкера, патрулировавшие по набережной, в любую минуту могли обстрелять их с берега.

Тимофей Липатов, Александр Бельшев, Андрей Златогорский молчаливо и сосредоточенно вышагивали по ходовому мостику, пристально всматриваясь в серую туманную мглу. Тревожно и тоскливо тянулось время, каждая минута казалась вечностью. А тут еще холодный, порывистый ветер и крупные капли дождя, словно дробь, стали решетить осенние воды Невы.

Так прошло несколько тягостных часов. Вдруг послышался скрип уключиц, донеслись всплески весел, приглу-

шенные голоса. Василий Круг не удержался и толкнул меня в бок:

— Шлюпка, ей-богу, она!

— Опа, наша родная! — обрадовался кочегар Марушкин, когда шлюпка стала различима на воде.

Промер Невы показал, что «Авроре» можно смело сниматься со швартовов и идти куда приказано. Результаты проверки фарватера сообщили командиру и офицерам, но они снова отказались вести крейсер. Тогда Бельшев, Златогорский, Курков и Липатов сами заняли места на ходовом мостике. У штурвала встал Сергей Захаров.

Прозвучала команда сняться со швартовов. Гулко заработали машины. Задымили вспомогательные буксиры. «Аврора» вздрогнула и медленно вышла в Неву. Казалось, стук ее механизмов сливался с биением матросских сердец. Когда подходили к Николаевскому мосту, на мостике неожиданно появился старший лейтенант Эрикссон и попросил разрешения вступить в командование. Он предупредил, что в политику не вмешивается, но не может допустить аварии или посадки корабля на мель.

У моста стали на якорь. Луч прожектора «Авроры» уперся в набережную. В его полосе было видно, как удирают перепуганные юнкера.

Длинные петроградские осенние ночи. Но та тревожная октябрьская ночь казалась особенно долгой. Мы с Карлом Сеппом стояли на верхней палубе, тихо разговаривали. Подошел Андрей Подольский.

— Задумывался ли ты, Саша, что означает слово «Аврора»? — неожиданно спросил он.

— Нет, как-то об этом не думал, — смутившись, признался я.

Матрос И. Г. Марушкин

— И напрасно, дружище, — слегка пожурил он. — Аврора — богиня утренней зари. Мне учитель рассказывал, была-де такая в римской мифологии. И поднималась она из океана раньше солнца. Поэты воспели ее образ. Помнишь, у Лермонтова в «Демоне»:

На север видны были горы
При блеске утренней Авроры.

Наступило утро 25 октября. Наши матросы быстро свели разведенный мост: красногвардейские отряды и революционные солдаты получили возможность связи с центром города. На Неву пришли из Кронштадта минный заградитель «Амур», тральщик «Хопер» и буксиры с десантом кронштадтских матросов, которые высадились на Васильевском острове. Через Николаевский мост они направились к центру города. В Морском канале стал на якорь броненосец «Заря свободы».

Войска Временного правительства отступали, стягиваясь к Зимнему дворцу.

Днем на крейсер поступали все новые радостные вести: то там, то тут красногвардейцы, революционные солдаты и матросы захватывали правительственные здания и учреждения.

На «Аврору», ставшую запасным штабом Военно-революционного комитета и державшую связь непосредственно со Смольным, в сопровождении двух вооруженных красногвардейцев прибыл стройный, энергичный, похожий на семинариста человек в пенсне. Это был секретарь Военно-революционного комитета Петроградского Совета Антонов-Овсеенко. Возник краткий митинг. В своем выступлении перед матросами гость сообщил, что Временное буржуазное правительство Керенского, окруженное в Зимнем дворце революционными бойцами, не сдастся.

— А чего с ними канителиться, — не удержался кто-то. — Дадим по Зимнему залп, и крышка!

— Но мы же, товарищи, всерьез и надолго берем власть в свои руки. А Зимний дворец — историческое достояние России, которое мы должны беречь. Верно?

— Правильно!

Над Петроградом опускались сумерки. На площади около Зимнего слышалась ружейно-пулеметная стрельба. Из главной базы Балтийского флота — Гельсингфорса прибыли с десантами эсминцы «Самсон», «Забияка», учебное

судно «Верный», сторожевой корабль «Ястреб».

На «Авроре» давно уже были сделаны все приготовления к открытию артиллерийского огня. Ждали сигнала из Петропавловской крепости. Все были сосредоточены и серьезны, понимая важность момента.

Белышев приказал мне с отрядом матросов-десантников разведать Английскую набережную и другие улицы, чтобы обезопасить корабль от возможного обстрела с берега.

— Если же противника там не будет, двигайтесь к Зимнему и вместе с красногвардейцами штурмуйте его,— поставил задачу комиссар.

В отряд были назначены Круг, Сепп, Барашков, Овчаренко, Баранчук, Башмаков, Подольский, Молотягин, Душенов и другие матросы.

Когда стали спускаться по трапу для посадки на шлюпки, ко мне подошел Златогорский. Пожимая руку, сказал:

— Драться вам придется наверняка. Верю, что авроовцы не сдрейфят. Но очертя голову под пули не лезь, ясно?

— Ясно, Андрей Николаевич!

По совести говоря, я изрядно волновался, ведь мне впервые предстояло командовать, да еще в такой ответственный момент. Заметив это, Андрей Подольский ободряюще сказал:

— Не робей, Саша. Не боги горшки обжигают...

Высадившись на берег, послал вперед разведчиков с заданием — задерживать всех подозрительных.

Медленно движемся по опустевшим улицам, прислушиваясь к своим шагам. Шальной ветер завывает в водо-

Участник штурма Зимнего дворца матрос П. М. Молотягин

сточных трубах, раскачивает в скверах голые деревья. В громадах каменных домов не видно ни огонька.

На улицах, прилегающих к Николаевскому мосту, не обнаружили юнкеров. Вышли к Конногвардейскому бульвару. Здесь все чаще и чаще встречались группы солдат и рабочих, направлявшихся к Дворцовой площади. Узнав, что мы с «Авроры», дружески приветствовали нас.

Перестрелка у Зимнего дворца то разгоралась, то затихала. Подойдя к Александровскому саду, встретили раненых матросов-кронштадтцев. Они шли, поддерживая друг друга.

К нам подошел матросский патруль.

— Кто такие?

— Мы с «Авроры».

Высокий матрос, перехлестнутый пулеметными лентами, строго сказал:

— Приказ Смольного — всем на Дворцовую площадь. Быстрее пробирайтесь, братки, через Александровский сад. Наши уже очищают Адмиралтейство.

Окруженная громадами зданий и гранитной набережной Невы Дворцовая площадь уже недалеко. Перебегая от одного дома к другому, приближаемся к ней. Пронзительно свистят пули, рикошетят, ударяясь о камни мостовой, кирпичные стены. В ночной мгле, как гигантский корабль на рейде, маячит Зимний дворец. Он кругом опоясан баррикадами.

— Кто ваш командир? — услышал я встревоженный голос.

— А вы кто?

— Я связной командира матросских отрядов товарища Железнякова из Кронштадта.

— А мы с «Авроры».

Связной передал приказание — после пушечного выстрела с «Авроры» идти в атаку на Зимний.

— Передайте Железнякову: авроровцы не подведут. Только подбросьте нам ручных гранат.

Тем временем матросы нашего отряда вели залповый огонь по баррикадам. За ними укрылись юнкера, вояки женского «батальона смерти». Дворцовая площадь шумела тысячами голосов, гремела выстрелами, лязгала оружием. Со стороны Зимнего огрызались пулеметы.

С волнением ждали мы сигнала с родного корабля. Я часто посматривал в сторону Невы, но массивное зда-

ние Адмиралтейства заслонило от нас часть реки, где у Николаевского моста стоял крейсер.

— Долго ли ждать? — нетерпеливо спросил Карл, лежащий слева от меня. — Почему медлят?

— Не горячись, — пытался я успокоить его, хотя и самому хотелось быстрее ринуться в атаку.

Разгоряченные предчувствием решительной схватки, красногвардейцы и матросы волновались, рвались в бой. Но прошло два часа, а мы все лежали и ждали сигнала.

— Ерунда какая-то, — не унимался Василий. — Лежим да постреливаем, ждем у моря погоды...

— Спокойно, друзья, ждать сигнала, — передал я по цепи.

И вот яркая, как зарница, вспышка на миг осветила хмурое небо. Вслед за ней гулко прозвучал орудийный выстрел. Это стреляла наша «Аврора». И сразу же, как морской прибой, прокатилось тысячеголосое «ура». В атаку на баррикады бросились красногвардейцы, солдаты, матросы. Грозной лавиной обрушились они на последний оплот Временного правительства. Вновь прозвучал артиллерийский выстрел. Видно было, как снаряд ударил по карнизу дворца, сбив статую. Второй снаряд угодил в стену. Это стреляли с Петропавловской крепости.

— Ур-ра! Ур-ра! — доносилось все громче и громче со стороны Генерального штаба и Невского.

В едином порыве солдаты революции шли на врага. Метрах в тридцати от баррикад неожиданно преградил нам дорогу вражеский пулемет, молчавший до последней минуты. Отряду авроровцев пришлось залечь. Продвинуться вперед было невозможно, пули звенели о мостовую совсем рядом.

— Гра-а-на-ту! — крикнул Карл.

Но гранат у нас не было. Схватив метровое полено, Сепп изо всех сил швырнул его в пулеметный расчет.

— За мной! — крикнул я товарищам.

Матросы вскочили и с криком «ура» бросились на баррикаду, разбросали ее штыками. В это время красногвардейцы и солдаты, атаковавшие дворец со стороны Генерального штаба и Миллионной улицы, вели рукопашный бой с юнкерами. Мы бросились на помощь им.

Не выдержав стремительного натиска, юнкера в панике отступали к дворцу. За ними устремились красногвардейцы, матросы и солдаты. Здоровенный юнкер, схватив вин-

Участник штурма Зимнего дворца матрос И. П. Башмаков

товку за ствол, высоко занес ее над моей головой. Я мгновенно подставил свою, и винтовка врага с треском разлетелась на куски. Подоспевший Василий Круг пронзил юнкера штыком.

Ворвались во дворец. В сумрачном коридоре пахло порохом и сухой известковой пылью. Пыль щекотала горло, слепила глаза, неприятно хрустела на зубах. Разгоряченные люди бежали по коридору мимо мраморных комнат, золоченых залов, огромных зеркал. Из-за бархатных портьер глухо звучали одиночные выстрелы. То вела огонь охрана дворца. Быстро разоружи-

ли ее. А какой подняли переполох вояки из женского «батальона смерти»! При виде штыков и клинков дотопле спесивые защитницы Временного правительства в истерике бросали оружие и поднимали руки, моля о пощаде. Но были и такие, которые дрались отчаянно, не хуже юнкеров.

По лабиринту коридоров и комнат движемся дальше. В темных углах, под диванами, за драпировками вылавливаем перепуганных безусых мальчишек в юнкерских мундирах и фуражках.

В одном из коридоров повстречали Антонова-Овсеевко с группой красногвардейцев и матросов. Узнав авроровцев, он крикнул:

— Быстрее сюда, товарищи!

Под его командой отправились на розыски засевших министров Временного правительства. Найти их было не так-то легко — ведь в Зимнем дворце насчитывается 1050 комнат и залов. Однако быстро нашли. Около массивной позолоченной двери с винтовками наперевес стояли на посту юнкера. Солдаты и матросы смяли их, раз-

бросали в разные стороны. В зал, где укрывались министры, первым ворвался Антонов-Овсенко. Он громко и твердо произнес:

— Именем Военно-революционного комитета Петроградского Совета объявляю Временное правительство низвергнутым. Вы арестованы!

Матросы, в числе которых были и наши авроровцы, конвоировали министров в Петропавловскую крепость. Слышались крики: «А где Керенский?» Потом мы узнали, что глава «временных», опасаясь за свою шкуру, еще днем удрал из дворца на американской дипломатической машине. Когда министров вели по Дворцовому мосту, их обстреляли из пулемета с броневика. Конвоиры повалили министров на землю, чтобы уберечь их от пуль. Перепуганный министр иностранных дел Терещенко возмущался: «Я же вам, господа, не мешок с песком».

Буржуазное Временное правительство волей революционного народа было свергнуто. Тринадцать министров попали в Петропавловскую крепость.

Отряд авроровцев по приказанию Железнякова возвращался на свой корабль. Возбужденные, взволнованные только что пережитыми событиями, шагали мы по улицам Петрограда, с песнями плыли на шлюпках по Неве. Несмотря на поздний час, на «Авроре» никто не спал. На палубе, в кубриках толпились матросы, связные от частей и отрядов. Пожилой матрос подшучивал над комендором Огневым:

— Ну, Евдоким, и попадет же тебе, не завидую!

— За что это мне попадет? — недоумевал Огнев. — Все было сделано точно по приказу.

— А вот увидишь: прибегут хозяйки квартир со всей округи да как поднимут крик: почему, мол, все стекла выбил — ведь на дворе уже зима.

— Ничего, — отвечал наш артиллерист, — тут же дворцы. А свежий ветерок им очень полезен: проветрит помещение, дух буржуйский выгонит.

— А из какой же пушечки стрелял? Шуму много, а взрыва что-то не видно было, — спросил матрос с «Амура».

— Стрелял из крупнокалиберной, да только холостым.

— Для устрашения, что ли?

— Конечно. А главное, как сигнал для атаки Зимнего.

— Ну а как все это было, расскажи же нам, — допытывался Карл Сепп.

Огнев повернулся к нему, высокий, с могучей грудью, сдвинул фуражку на затылок и начал:

— Вы занимались своим делом, а мы на вахте — своим. Приказ Смольного старались в точности выполнить. Пришлось долго ждать. Тем временем кораблей вокруг «Авроры» собралось много. И морячков наших не счесть, все стремились скорее доконать Керенского и всю его камарилью министерскую. Но день миновал, а мы все молчим. Стою, жду, и вся прислуга пушки ждет. Ребята подходят, сообщают, что там творится на берегу. Сам я, конечно, глаз с прицела не спускаю. А пушка моя, ясное дело, сквозь дождевую завесу на одну точку направлена. Вот уже и темнеть стало. Комиссара нашего Бельшева вызвали на миноносец «Прозорливый». Сел он в шлюпку — и туда. Вернулся быстро. Там они распределили, какой корабль какую позицию занимает. Наш должен на месте стоять и Зимний с прицела не спускать. Договорились насчет сигналов, которые будет давать наша «Аврора» остальным кораблям: белый и красный — переговоры, только белый — Керенскому гроб с музыкой, а если один красный с Петропавловки, значит, слово предоставляется Евдокиму Огневу, то есть мне. Ну, задачу свою я понял, стою, жду. А погодка, сами видели — муть, прямо сказать, дрянь погодка.

— Ты про погоду помолчи, — перебил Андрей Подольский. — Тебя дождем поливало, а нас еще и из юнкерских пулеметов.

— Что же ты равняешь, ты же в деле был, а я — стой и жди. Нет хуже комендору, чем вот так стоять. Где-то далеко стреляют — по воде доносится. А кто стреляет, чья берет — понять невозможно. Но вот прибыла шлюпка. Связной передал приказ Военно-революционного комитета: ровно в девять часов вечера Керенский должен сдать власть. Если он это не сделает, Петропавловская крепость дает световой сигнал, а уж потом дело за нами. Смотрю я на часы — скоро девять. И вот подходит Бельшев: «Ну, как твоя шестидюймовая? Только ты ее сперва холостым заряди...» Зарядил. Опять жду. Сотый раз смотрю на часы — остановились они, что ли? Нет, идут. Уже девять, уже четверть десятого, уже половина... «Сколько же ждать?» — спрашиваю комиссара. «Спокойно, Евдоким,

выдержка!» — отвечает он. И вдруг кто-то радостно крикнул: «Смотри, огонек!» Тут же комиссар подал команду. Рывкнула моя шестидюймовка — по Неве гул пошел. Потом зарядили боевым. Стою у пушки, жду приказа. Сколько ждал, не знаю. Подошел ко мне комиссар и говорит: «Ну, Евдоким, молодец. На сегодня хватит. Остальное там без нас закончат...»

— Верно, остальное мы закончили, — сказал Сепп. — Ночка, доложу тебе, боевая была, век не забудется!..

Слушал я рассказ Огнева и завидовал ему. Большой чести удостоился Евдоким — простой русский парень. Сам он с Дона, из станицы Великокняжеской. Но казак не настоящий. Родился в семье иногородних пришельцев на казачью землю из центральных районов России. Его отец и сам Евдоким батрачили у местных богатеев. Семья ютилась в тесной землянке, нужда никогда не оставляла ее. Ну, а потом действительная, «Аврора». Здесь после выучки стал комендором. И не плохим. Вот кому довелось дать сигнал к октябрьскому штурму!

— Неволин, к Бельшеву, — прервал мои мысли голос вахтенного, и я поспешил к комиссару.

Не успел закончить свой доклад о действиях отряда при штурме Зимнего, как послышались возгласы:

— Липатов пришел! Липатов из Смольного вернулся!

Матросы расступились. К столу подошел возбужденный Тимофей.

— Ну, рассказывай, Тимоша, как там в Смольном? Довольны ли нами? Не подкачали?

— Все в порядке, ребята, — широко улыбнулся Липатов и добавил: — Эту ночь никто из нас не забудет. И про нашу «Аврорушку» будут помнить. Ведь те воззвания, которые были переданы по радио с нашего крейсера, большое дело сделали.

— Какие воззвания?

— Разве вы не знаете? А я думал, что вы все уже в курсе дела. Вчера это было. Военно-революционный комитет решил обратиться с воззванием к солдатам и красногвардейцам. С частями, которые на месте, в городе, дело проще: разослал им воззвание — и все. А вот как быстро передать его частям, которые за городом находятся, да еще в подчинении у Керенского? Военно-революционный комитет послал воззвание к нам, чтобы передать его через радиостанцию «Авроры». В результате во многих городах

были задержаны воинские части, которые Керенский затребовал в Петроград, чтобы, значит, большевиков задушить. К примеру, в Ревеле и в Выборге. В Петергофе разоружили школу прапорщиков. А позднее, когда министры Керенского были арестованы, через радиостанцию «Авроры» понеслись в эфир слова исторического обращения «К гражданам России», написанного Лениным. В нем говорится, что Временное правительство низложено, государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, — это дело обеспечено. Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян! — такими словами заканчивается обращение.

— Вот это здорово! — зашумели матросы.

Никто и не заметил, как прошла та богатая историческими событиями ночь. А днем на корабле получили декреты о мире и о земле, принятые II Всероссийским съездом Советов. Радиостанция «Авроры» передала в эфир предложения молодой Советской страны заключить мир со всеми воюющими государствами. Все эти исторические документы послал в эфир старший радист крейсера Федор Алонцев.

Василий Круг зачитал нам декреты. Читал торжественно, с чувством. Потом заговорил:

— Чуете, друзья, слова-то какие: землю всю, как есть, — нашему брату бедняку, без выкупа!

— Так тебе и отдадут землю-то, чего захотел! Еще посмотрят, чья это земля, — раздраженно выкрикнул фельдфебель Голубев.

— Да, уж тебе этот декрет, как кость в горле. Знаем, сколько отец твой земли имеет, — слышался голос всегда тихого и смиренного Гиля — земляка Голубева.

— Видели, кто заговорил? Гиль! Разве это хозяин? Ни кола ни двора, а голос подает...

— А вот и подаю. Не боюсь я тебя и не буду молчать!

— Так его, Гиль, крой! Мы теперь — власть!

Мятеж юнкеров.

Бой за телефонную станцию.

На помощь революционной Москве.

Захват белогвардейского бронепоезда.

Прощай, друг!

Еще не улеглось радостное волнение, вызванное победой Великой Октябрьской социалистической революции, как пришла тревожная весть, что Керенский вместе с казачьим генералом Красновым, под командованием которого находился конный корпус, идет на Петроград. Войска Краснова захватили Гатчину и Царское Село.

Город социалистической революции под руководством Центрального Комитета партии большевиков готовился к обороне, разгрому врага. Балтийский флот послал на помощь красногвардейским отрядам и революционным солдатам еще несколько боевых кораблей. На Неве сосредоточилась солидная эскадра, в которую входили крейсер «Аврора», минополовецкий заградитель «Амур», эсминцы «Забияка», «Самсон», «Меткий», «Деятельный», «Победитель», сторожевик «Ястреб», учебный корабль «Верный», плавающий госпиталь «Зарница» и другие. В Морском канале стояли броненосец «Заря свободы» и крейсер «Олег».

На «Авроре» срочно сформировали отряд, и он отправился под Пулковку громить казаков Краснова. Я в это время стоял на вахте и в отряд не попал. Но и мне нашлась работа. Утром 29 октября меня вызвал в судовой комитет Бельшев. Вид у него был усталый, от бессонных ночей покраснели глаза.

— Собирай-ка, Неволин, свой отряд, — распорядился он, — и разведай район Невского — там идет какая-то стрельба. Держи связь с кораблем...

Люди, с которыми я штурмовал Зимний дворец, явились быстро. В отряде у нас был и Тимофей Липатов. Вскоре мы шагали по безлюдным улицам Петрограда. Звуки стрельбы вели по направлению к Морской улице, где помещалась Центральная телефонная станция. Про-

ходя Конногвардейским бульваром, услышали пулеметную стрельбу на соседней Лагерной улице.

— Пойду с хлопцами узнаю, кто там стреляет? — деловито сказал Липатов, досылая патрон в ствол винтовки.

Я разрешил. С Тимофеем пошли Круг, Векшин и еще пять матросов. Остальные направились на Морскую. Оказывается, во Владимирском училище восстали юнкера и 29 октября на рассвете захватили Центральную телефонную станцию. Выстрелы привлекли внимание Красной гвардии. К станции прибыли отряды революционных солдат. К одиннадцати часам она была окружена. Этот мятеж был организован кадетами при содействии эсеров, меньшевиков и других врагов Советской власти. Мятежники должны были оказать помощь наступавшим на Петроград войскам Керенского — Краснова.

Липатов со своей группой подоспел сюда раньше нас. По улицам около Центрального телеграфа сновал броневик с юнкерами и вел беспорядочный огонь короткими очередями.

— «Ахтырец», — прочитал вслух Василий Круг на башне броневика. — Старый знакомый! Он был около Зимнего. Мы его тогда здорово покалечили.

— Да не добили, — заметил Липатов.

Матросы разделились на две группы и засели за укрытиями.

— По колесам да смотровой щели стреляйте, братки, — наставлял Тимофей.

Захлопали выстрелы. Броневик стал разворачиваться и остановился.

— Вперед! — крикнул Липатов, выскакивая из-за укрытия.

Броневик огрызнулся пулеметной огненной струей. Два матроса упали. В это мгновение Василий Круг, вскочив на броневик, приставил дуло винтовки к смотровой щели и несколько раз выстрелил внутрь машины. Стрельба прекратилась.

Распахнулся люк, из него показался юнкер с пистолетом в руке. Но он не успел выстрелить: Векшин из винтовки уложил его.

Водитель броневика был ранен. За руль сел Векшин.

— Нам броневичок пригодится, — с хозяйской деловитостью сказал Липатов.

Тем временем к Центральной телефонной станций подошла остальная часть нашего отряда. Дружно атаковав с разных сторон здание телефонной станции, мы захватили его.

Были разгромлены восставшие юнкера и в других районах города.

Наступила четвертая ночь после выстрела «Авроры» по Зимнему дворцу. Мы с Осиным стояли на верхней палубе крейсера. Перед нами раскинулся ночной Петроград с редкими тусклыми огоньками в окнах домов. Кажется, внешне ничего не изменилось, и небо и Нева такие же. Но жизнь стала ярче, светлее.

— Ты бы что-нибудь спел, — попросил я друга.

— Но что же?

— Помнишь, у Пермяковых пел...

И Матвей тихо запел:

Нелюдимо наше море,
День и почь шумит оно...

Легкая вороненая волна ударялась о левый борт крейсера. Матвей пел вполголоса, от этого песня становилась еще более задушевной...

Внезапно прозвучала дудка вахтенного. Матвей как-то сразу смолк и побежал на вызов. Я отправился вслед за ним. У трапа стояли Наташа и Сеня. Глаза у них были заплаканные.

— Что случилось? Говорите же, ну? — волнуясь, спрашивали мы.

— Беда случилась... Беда... — еле вымолвила Наташа сквозь слезы.

— С Лизой, — тихо сказал Сеня. И он отвернулся, чтобы скрыть волнение.

— Были мы с ней у Зимнего... — начала было Наташа.

— Какая нелегкая вас туда понесла? — перебил Матвей.

— Да перевязывали раненых. Вместе мы, обе... Только ее ранило.

— Где же сейчас она?

— В больнице.

— Где же вы попали в перестрелку?

— Недалеко от Зимнего... Мы с Афанасием Силычем были вместе. Разве можно в такое время усидеть дома?..

— Как себя чувствует Лиза? Куда ее ранило?

— Чуть выше сердца. Она в тяжелом состоянии, — печально сказала Наташа. — С утра без сознания лежала, а к вечеру немного полегчало, просила вам сообщить.

Осип, Наташа и Сеня немедленно отправились в больницу. Молча сошли они с трапа, и темная, холодная почва поглотила их.

Утром следующего дня Матвей со слезами на глазах рассказывал нам, как Лиза в последние минуты жизни потянулась к нему и пересохшими губами прошептала: «Спасибо, дорогой, что пришел...» — и замолкла навсегда.

— Как же теперь будет Наташа? — старался я отвлечь друга.

— Вместе с Афанасием Сильчем уезжает из Петрограда. С горя Пермьяков места себе не находит... Мария Савельевна, к счастью, в деревне, но, как узнает, боюсь, не выдержит жестокого удара.

— А Сеня? Куда же ему деваться?

— Надо бы его на «Аврору» определить, воспитанником, хотя бы пока мы здесь, — предложил Сепп.

На том и порешили: просить судовой комитет зачислить Семена Бурлаченко в команду «Авроры» юнгой.

Каждый день новой жизни приносил столько волнений, что, казалось, сутки не межевались на день и ночь. Матросы почти не ложились спать. Как ни старались придерживаться внутреннего распорядка, ничего не выходило. То один придет с берега с новостями, то другой.

Особенно много разговоров на корабле было о провале эсеров и меньшевиков. Представитель «Авроры» на II съезде Советов, вернувшись на корабль, рассказывал, как проходил съезд. Эсеры и меньшевики бесились, покидали заседание и снова возвращались. На них делегаты смотрели с презрением, как на предателей. Поутихли сторонники этих партий и на «Авроре».

Вскоре на крейсере стало известно, что в Москве юнкера не признают Советской власти, захватили Кремль и укрепились в нем. Враги предполагали при содействии Керенского и контрреволюционного руководства ставки захватить Москву, восстановить Временное буржуазное правительство и ликвидировать Советскую власть.

— Туда бы наших балтийцев — справились бы с юнкерами в два счета, — заметил кто-то из моряков.

— Сковырнули бы наверняка, как и здесь, в Петрограде, — согласился Осип. — Я бы с контрой расплатился за себя и за Лизу.

В это время к беседующим подошел Липатов. Спросил, о чем разговор.

— Сон, как говорится, в руку, — улыбаясь сказал Липатов. — По приказу из Смольного и Центробалта формируется отряд для борьбы с врагами революции в Москве. Может, кого записать?

Я внимательно оглядел друзей: они согласно кивнули. Почти все участники штурма Зимнего записались в отряд, направлявшийся в Москву.

Меня вызвал председатель судебного комитета Бельшев. Поздоровавшись, сказал:

— Мы тут мозгуем, кого старшим отряда назначить. Решили тебя, Александр. Только помни, дело очень серьезное, можно сказать, государственное. Так что с умом действуй...

— Есть, — ответил я по-уставному. — За революцию жизни не пожалею.

— Желаю успеха.

— А ежели случится какая заминка, на «Аврору» сообщай, мы тут по-флотски провернем, что нужно, — сказал Златогорский.

У каюты судебного комитета меня поджидал Сеня. Отцовская куртка на нем была туго подпоясана флотским ремнем. Вместо шапки нахлобучена солдатская фуражка не по размеру.

— А мы чего здесь находимся? — спросил я, сдерживая улыбку.

— Мы... — не нашелся сразу ответить Сеня. — Мы, я то есть, хочу вместе с вами.

— Куда?

— Куда вы, туда и я. У меня теперь, кроме вас, никого нет, сами знаете.

— Что с ним делать? — озабоченно глядя на друзей, спросил я. — Просится в отряд. Брать или не брать?

— Конечно, взять. Он от нас все равно не отстанет, — посоветовал Карл.

Поздним вечером, после митинга, авроровцы погрузились в вагоны.

— В добрый путь!

— Да поскорее возвращайтесь! — напутствовали нас оставшиеся на корабле.

Три эшелона с матросами и красногвардейцами уезжали на помощь революционной Москве, хотя в Петрограде было еще не совсем спокойно. Люди не скрывали тревоги за родной город.

— Может, не время нам уезжать? — с беспокойством говорили одни.

— Но ведь Москва-то — родная сестра Питера, откуда же ей ждать помощи, как не от нас, — рассуждали другие.

Кто-то затянул любимую матросскую песню «Раскинулось море широко». Бородач с эсминца «Самсон», приложив руку к щеке, поддержал басом:

В Москву мы, товарищи, едем,
Оставив свои корабли...

— Не дури, борода! Не порти песни. Нету в ней таких слов.

— Но, сынок, тут суцая правда: едем в Москву, а корабли — оставили.

Чтобы помирить спорщиков, Матвей запел под гармошку низким голосом:

Товарищ, я вахту не в силах стоять, —
Сказал кочегар кочегару...

Его дружно поддержали матросы:

Огни в моей топке совсем не горят,
В котлах не сдержат больше пару...

Зло хлестал по крыше ледяной дождь. Казалось, ветер подгонял эшелон — скорее, скорее! Дневальные притащили дров и растопили печку-буржуйку, согрели чай в котелках. Перед рассветом, устав от дорожных забот и разговоров, все уснули. Но я бодрствовал. Ко мне подсел Сеня Бурлаченко.

— Дядя Саша, вы не спите?

— Как видишь. А почему матрос Бурлаченко не спит, может, холодно?

— С непривычки, — признался Сеня, вздохнув. — Думаете, я боюсь? Нисколечко. Правда, в теплушках не приходилось ездить.

— Да, тебе много чего еще не приходилось, Сеня. Но главное — не унывать, — сказал я, стараясь попасть ему в тон. — Революцию защищаем с тобой, авроровец Семен Бурлаченко!

— Авроровец! — повторил с гордостью Сеня. — Даже не верится, что все это в самом деле...

— Ты вот что, поди-ка усни. Запомни старое правило: невыспавшийся матрос что птица без крыльев.

— Ясно, сейчас пойду, вы только мне одно скажите: что потом будет?

— Как это понять «потом»?

— Ну, победим мы в Москве контру, как и в Питере, а дальше?

— Что дальше? Новую жизнь своими руками будем строить.

В мечтах и разговорах о будущем не заметили, как подъехали к станции Любань. Я вышел из вагона и направился к вокзалу. У паровоза стоял комиссар эшелона член Военно-революционного комитета Петроградского Совета Еремеев. К нему быстро подошел высокий матрос с обветренным лицом. Вихрастый чуб свисал на широкий лоб. Темные глаза глядели весело и решительно.

— Почему, товарищ комиссар, стоим? — спросил он, поправляя бескозырку, на ленточке которой сверкала надпись «Нарова». — Ведь время — золото!

— Забываешь, что тут не морской простор, товарищ Железняков. Навстречу нам по приказу Керенского движется бронепоезд, укомплектованный офицерами и юнкерами.

— Бронепоезд? Откуда он взялся? Кто сказал?

Не дожидаясь ответа, Железняков побежал к начальнику станции.

— Узнаю, где находится бронепоезд! — крикнул он на ходу.

— Бедовый моряк, — сказал Еремеев окружавшим его матросам.

«Железняков. Так вот он какой! Командовал отрядом моряков во время штурма Зимнего... Это от него приходил ко мне связной, когда мы обстреливали баррикады...» — думал я, глядя ему вслед. Он производил впечатление бывалого, напористого человека, презиравшего опасность.

Вскоре Железняков вернулся и доложил о том, что ему удалось выяснить.

— Надо немедленно послать разведку на следующую станцию, — тоном приказа сказал Еремеев. — Жаль, далеко от нас бронепоезд путиловцев. Придется кликнуть добровольцев.

— Идея! — загорелся Железняков. — Мы сейчас это дело сварганим в два счета!

— Что ж, действуйте, — согласился Еремеев.

На запасном пути отыскивали две платформы. По бортам положили шпалы и мешки с песком. На каждую платформу поставили по три пулемета. Прицепили две теплушки для людей и доложили Еремееву, что все готово.

— Молодцы, желаю удачи! Мы поедем следом за вами. В случае чего поддержим.

Узнав, что нашему поезду придется вступать в бой, машинисты отказались вести состав.

— Зачем же лезть к черту на рога, на верную смерть, — говорил пожилой машинист. — Я хочу жить, у меня семья, дети...

— Меня тоже оставьте в покое, не поеду, — вторил ему другой.

Ко мне подошел Сеня.

— А знаете, что я вам скажу?

— Говори, да поскорее, не до тебя сейчас!

— Да я во втором эшелоне заметил рабочего с Путиловского завода. Он водил заводские паровозы... Приходил к Афанасию Силычу...

— Правда?

— Истинная!

Мы разыскали красногвардейца-машиниста, объяснили задачу.

— Идем на опасное и рискованное дело, товарищ, — сказал Железняков. — Но другого выхода нет. Понятно?

— Чего же тут непонятного.

Осин вызвался быть помощником машиниста. В число добровольцев вошла большая группа авроровцев. А всего в команде было шестьдесят человек. Комиссар эшелона Еремеев поручил возглавить ее Железнякову.

И вот пап паровоз мчится навстречу офицерскому бронепоезду. Доехав до станции Чудово, мы узнали, что бронепоезд ушел в сторону Москвы. Донесли на станцию, где формировалась паша разведка. По приказу Еремеева

оттуда переехали по линии: из Петрограда в Москву движется несколько бронепоездов с матросами. И горе тому, кто встретится им на пути. Напуганные этим сообщением, офицеры с бронепоезда постарались оторваться от нас.

— Вот что, дорогой товарищ, — просил Железняков машиниста-путиловца, — нам надо во что бы то ни стало догнать бронепоезд. Разведи-ка пары да пажми на все педали.

— Будьте спокойны, — уверенно ответил машинист, — они такой скорости, как мы, не могут дать, у них ведь состав тяжелый — броня. Матвей, подбрось уголька!

После этого помчались с такой скоростью, что трудно было устоять в вагоне.

— Вот это ход! — восхищался Сеня.

Наступила ночь. Поезд продолжал свой бег. Вдруг ощутили сильный толчок. От неожиданности многие даже попадали. Мигом выскочили из вагонов. На путях стоял старик с красным фонарем в руке. Он был так напуган, что несколько минут не мог произнести ни слова.

— В чем дело? — подходя к нему, строго и озабоченно спросил Железняков.

— Путь взорван... А вы мчитесь на всех парах.

Это был путевой обходчик. Он повел нас по насыпи. Всюду виднелись скрюченные рельсы. Офицеры, опасаясь бронепоездов, о которых шла молва по линии, взорвали за собой путь и пригрозили обходчику расстрелом, если он посмеет предупредить нас об опасности. Но старик оказался честным русским человеком.

Починив путь, мы снова помчались вдогонку за бронепоездом. Вдруг снова толчок, снова остановка. От местных жителей узнали, что в нескольких километрах впереди взорван путь, а перед станцией Куженкино стоит офицерский бронепоезд.

— Ну-ка, авроровцы, побыстрее разведайте обстановку, — сказал Железняков.

В разведку нас ушло десять человек. Свернув в лес, осторожно пошли вдоль железнодорожного полотна, прислушиваясь к каждому шороху. Вдруг впереди послышался треск сучьев. Мы залегли. Треск повторился, но уже ближе. Всмотревшись, заметили среди деревьев людей в военных мундирах с оружием.

— Юнкера с бронепоезда, — тихо предупредил я моряков, — пустим их в расход.

Когда юнкера поравнялись с нами, матросы бросились на них. Лес ожил, загревели выстрелы. В ночной рукопашной схватке уничтожили врага. У нас погиб матрос.

Двинулись дальше. Вскоре впереди послышалось пыхтение паровоза, стук молотков, лопат. Приблизившись, увидели бронепоезд белых. К паровозу было прицеплено около десяти вагонов. Высланные дозорные сообщили, что впереди бронепоезда путь разобран на довольно большом расстоянии. Я немедленно послал донесение Железнякову. Вскоре подошел и наш поезд...

По лесу потянулись цепи матросов. Ими командовал член Военно-революционного комитета редактор нашей флотской газеты Ильин-Женевский. После жестокого скоротечного боя матросы завладели крепостью на колесах. Тут же была сформирована команда захваченного бронепоезда.

Ко мне подошел матрос, посланный для розыска пропавшего товарища во время рукопашной схватки в лесу.

— Нашли, — печально доложил он.

— Кто же он?

— С вашего корабля, с «Авроры». Подольский.

— Андрей, Андрей Подольский!

— Он самый. Тяжело ранен в живот осколками гранаты.

Раненого принесли на носилках к поезду. Он был без сознания. Бережно его положили в вагоне на нарах. Рядом стоял, держа бескозырку в руках, Осин. Слезы катились по его сумрачному лицу. Вот так же плакал он, когда узнал о смерти Лизы Пермяковой.

В тот же день Андрея Подольского не стало.

— В последнюю минуту жизни просил, чтобы похоронили его в Москве, — с грустью рассказывал Осин. — И матери наказывал сообщить, пусть, мол, знает, что ее сын погиб в борьбе с контрой так же, как и его отец... Бушлат и бескозырку велел отдать Сепе...

На захваченном бронепоезде приехали в Москву. На Петроградском вокзале нам стало известно, что юнкера в Кремле сдались, не выдержав натиска революционных сил.

В тот же день с воинскими почестями мы хоронили погибшего в бою матроса. Оркестр играл похоронный марш. Траурная колонна привлекла внимание тысяч москвичей.

— Кого хоронят?

— Балтийского моряка...

Люди присоединялись к колонне, она все увеличивалась. Мать Андрея приехала, когда представитель Московского комитета большевиков заканчивал речь о войне революции, отдавшем жизнь за победу Октября. Она тихо склонилась над телом погибшего сына, целовала его лицо, повторяя «солнышко мое». Мы долго не смели прервать это последнее прощание...

Я подошел к матери Андрея и сказал, волнуясь:

— Мы потеряли брата.

Она поднялась и, опираясь на мою руку, отошла в сторону. Под троекратный салют пятидесяти винтовок гроб с телом авроровца опустили в московскую землю...

Часть матросов из нашего эшелона отправилась на Украину, а авроровцы получили приказ вернуться на крейсер.

Борьба за упрочение Советской власти продолжалась.

*С Крыленко едем в ставку.
Разоружение царских офицеров и генералов.
Гибель Духонина.
Домой*

С утра день выдался холодным. Шел дождь вперемешку со снегом. На палубе «Авроры», пришвартованной за время нашего отсутствия к Английской набережной, было безлюдно. Команда укрылась от непогоды в кубриках. Наверху оставались только вахтенные. Зюйдвестки и промасленные олифой штормовые куртки грели плохо, и люди прижимались к надстройкам корабля.

Матросов волновали последние события. Особенно горячо обсуждался вопрос, почему верховный главнокомандующий генерал Духонин не хочет признавать указаний Совета Народных Комиссаров и отказывается пачать переговоры с немцами о перемирии.

— Это ж контра, хлопцы! — бросил в сердцах Василий Круг.

Звонкими голосами дудки вахтенных возвестили о сборе. Прошло несколько минут, и все были в назначенном месте. На середину вышел председатель судебного комитета Александр Бельшев, за ним — Златогорский и Курков. Подняв руку, Бельшев подал знак — внимание.

Когда люди уgomонились, комиссар начал речь. Он кратко обрисовал обстановку. Начальник штаба ставки верховного главнокомандующего генерал Духонин после бегства Керенского объявил себя главковерхом. Его многочисленный штаб состоял из монархически настроенных генералов и офицеров. Охраняли ставку верные Духонину части, занимавшие привилегированное положение. Сюда, в Могилев, где еще не было Советской власти и верховодила контрреволюция, под крылышко ставки слетались главари разгромленных буржуазных организаций и соглашательских партий, ярые белогвардейцы. «Ставка кишмя кишела разного рода бывшими, будущими и жажду-

щими быть... государственными деятелями», — писал один из очевидцев. Здесь находились и военные представители иностранных миссий, через которых империалисты Антанты диктовали ставке свои планы удушения Советской власти.

В штабе Духонина шла открытая подготовка вооруженного выступления против завоеваний Октябрьской революции. К Могилеву стягивались войска.

Ставка всячески противилась переговорам о перемирии с немцами, не признавала Советского правительства, игнорировала его распоряжения. Реакционеры решили противопоставить Совету Народных Комиссаров свое «правительство» во главе с лидером партии эсеров Черновым. Необходимы были срочные меры для ликвидации контрреволюционного гнезда в ставке. И такие меры были приняты нашей партией, В. И. Лениным. После того как Духонин отказался начать переговоры о перемирии, он был смещен с поста и главнокомандующим назначен коммунист прапорщик Крыленко. Партия призвала солдат и матросов взять дело борьбы за мир в свои руки. Одновременно были приняты меры к созданию боевых отрядов для разгрома контрреволюционной ставки. В Петрограде по распоряжению Ленина формировались сводный отряд из Литовского полка, команды моряков-балтийцев, рабочих-красногвардейцев. Авроровцы собрались на палубе, чтобы решить вопрос о посылке отряда моряков.

— Военно-революционный комитет дал нам предписание послать восемьдесят матросов для личной охраны нового верховного Главнокомандующего товарища Крыленко, — говорил Бельшев. — Судовой комитет решил выделить два взвода. Командиром первого взвода назначен Мочалов, второго — Неволин. Отряд с «Авроры» вступит в подчинение коменданта поезда главковерха.

— А кого выделили в отряд? — послышался нетерпеливый возглас.

— Список будет вывешен у каюты судового комитета, — пояснил Бельшев и добавил: — Кто едет, привести себя в порядок: пуговицы почистить, оружие чтобы блестело... Нам оказывают большое доверие — охранять первого советского верховного Главнокомандующего вооруженными силами. Это вам не фунт изюму!

— Почему добровольцев не посылают? — раздался голоса.

Белышев поднял руку:

— Кто хочет схватить добровольно, зайдите в судовой комитет.

В конце дня два взвода авроровцев, вооруженных винтовками и гранатами, четким шагом прошли по улицам Петрограда, направляясь на Варшавский вокзал. Несмотря на ночь, вокзал походил на растревоженный муравейник. Нагруженные узлами, корзинами, мешками, люди куда-то спешили, толкали друг друга, бранились.

Поезд Главковерха, состоявший из нескольких вагонов, находился на запасном пути. Разместились быстро и ночью тронулись в туманную, дождливую даль. Впереди нас шел эшелон с матросами, прибывшими из Гельсингфорса и Кронштадта, за нами — красногвардейцы петроградских заводов и фабрик. Эшелоны двигались медленно: в то время на железных дорогах царила неразбериха. Много вреда причиняли меньшевики, засевшие в управлениях дорог.

Утром поезд подходил к станции Луга. Комендант поезда сообщил, что здесь состоится митинг, на котором выступит товарищ Крыленко, и приказал усилить охрану. Эшелон медленно подполз к вокзалу. Толпа людей с мешками, чемоданами, узлами бросилась к вагонам. Крики, ругань оглушили нас.

— Комиссары едут...

— Им можно ездить, а нам топай пешком.

На площадку вагона вышел Крыленко. Адъютант потребовал спокойствия. Потом объявил:

— Будет говорить Главком!

До этого мне не приходилось видеть Николая Васильевича Крыленко. Это был человек среднего роста, худощавый, подтянутый. Офицерская шинель ладно сидела на нем.

— Товарищи, — начал Крыленко. — Совет Народных Комиссаров назначил меня Главнокомандующим вместо изменника, врага революции генерала Духонина...

— Ты скажи, когда война кончится? — перебил оратора бородатый солдат в старой, подпаленной шинели.

— Как раз с этого и начну.

Крыленко объяснил, что Советская власть предложила Англии, Франции и другим государствам прекратить войну, но правители этих стран на наше предложение даже не ответили. Совет Народных Комиссаров приказал

генералу Духонину начать мирные переговоры с немцами, а он отказался выполнять приказ Советской власти.

Толпа притихла. В нее вливались новые слушатели. Они спрашивали, что тут происходит, о чем говорит военный. На них сердито шикали.

— Солдаты! — продолжал Крыленко. — Дело мира в ваших руках. Не дадим контрреволюционным генералам сорвать мир. Сохраняйте строжайший революционный порядок! Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают уполномоченных для переговоров о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает право на это. О каждом шаге переговоров извещайте меня. Подписать окончательный договор о перемирии вправе только Совет Народных Комиссаров. Во имя революции и свободы призываю вас к революционной сплоченности и дисциплине... Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!

Тишину будто прорвало. Люди зашевелились, зашумели, закричали «ура». Потом кто-то завопил визгливым голосом:

— Когда отпустят домой?!

— Дадут ли землю солдатам, когда вернемся домой?

Когда Крыленко ответил на все вопросы, поезду дали отправление. Громыхая колесами на стыках рельсов, эшелон шел по своему маршруту. Солнце несмело заглядывало в окна вагонов. Матросы оживленно обсуждали выступление Главкома.

— Видно, братцы, башковитый человек, знает что к чему. Вот только одно сомнение — бывший офицер, — озабоченно проговорил матрос-авроровец Башмаков.

— Ну и что же? — возражал Василий Круг. — Этот за революцию. Ленин знает, кого назначить на такой пост!

24 ноября поезд Главкома прибыл в Псков. В штаб командующего Северным фронтом Крыленко сопровождали четыре авроровца: Сепп, Круг, Башмаков и Молотягин. Старшим был Сепп. Потом он рассказывал:

— Ну и трягнули мы здешнюю контру! Арестовали генерала Черемисова и комиссара Временного правительства — Шубин, кажется, его фамилия. В Двинске сняли за саботаж генерала Болдырева. Крыленко требовал их для доклада, а они в ответ: «Не знаем мы никакого Главкомандующего Крыленко... Подумаешь, какой-то прапорщик требует к себе генералов!»

Наш поезд приближался к месту своего назначения. Проехали Оршу, Витебск. На многих станциях Крыленко выступал перед народом. В Витебске какой-то офицер-фанатик пытался выстрелить в Главкома, но солдаты обезоружили его и пустили в ход кулаки. По приказанию Крыленко матросы с трудом отбили его.

— Вот гад, контра! Чуть не угробил нашего Главкома, — возмущался Василий Круг, пришивая к шинели оторванные в свалке пуговицы.

В Могилеве мы с Сепном и Кругом вышли на перрон. Было пасмурно, зябко. Резкий восточный ветер гнал рыхлые пепельные тучи, срывал с деревьев последние листья. К нашему удивлению, вокзал оказался безлюдным. Крыленко с группой матросов поехал в город. Мы же пошли на пристанционный базар купить что-нибудь из продуктов, добавить к своему скудному пайку. На базаре двести женщины торговали семечками.

— Хозяюшка, почему на станции народу так мало? — спросил я торговку.

— Народ поховался, говорят, жуткий бой будет. Матросы приедут, — тараторя, ответила она, подозрительно оглядывая нас с ног до головы.

Женщина не признала в нас матросов, так как с настулением холодов нам в Витебске выдали вместо фуражек косматые кавказские папахи, вместо шинелей — короткие дубленые полушубки. Только разве якорь на медной пряжке пояса напоминал о нашей принадлежности к флоту.

Свободные от караула, мы бродили потом по захлапленному вокзалу. К нам подошел солдат, обросший рыжей щетиной, в фуражке с козырьком, лихо заломленной назад. За плечами у него болтался котелок да висел тощий вещевой мешок.

— Братцы, дайте махры закурить, — стал просить он. — Прожился совсем... Не могу выбраться из этой дыры... Домой пробираюсь. В госпитале рану залечивал.

Сепп вытащил кисет с табаком, оторвал клочок газеты и протянул солдату. Тот, не торопясь, стал свертывать козью ножку.

— Из какой части, служивые? — выпуская колечки дыма, поинтересовался солдат.

— Мы — моряки, с Главкомом товарищем Крыленко приехали, — пояснил Круг.

— Вот вы кто такие! — с удивлением заметил солдат. — Значит, здешнюю контру будете изничтожать?

От солдата мы узнали, что по городу распространяются слухи о бесчинствах, якобы творимых матросами, едущими в Могилев.

— Это буржуйское отродье нас чернит, — возмущенно сказал Круг.

Матросы, занявшие ставку

Вдруг оттуда, где стоял наш поезд, послышались истошные крики. Стремглав побежали туда. За нами, неловко подпрыгивая, спешил солдат. Штабной вагон нашего поезда окружила возбужденная пестрая толпа. Были тут и солдаты. В толпе сновали подозрительные личности. С площадки вагона комендант поезда что-то кричал, пытаясь навести порядок, но из-за рева толпы его слов не было слышно. Около коменданта стояли матросы-авроровцы, с беспокойством поглядывая на возбужденных людей. Из толпы неслись крики:

— Давай сюда Духонина!

— Пошто прячешь гидру?!

Мы стали проталкиваться к вагону. В это время на площадке показался генерал. Духонин был вызван в штаб Главкома Крыленко. Не успели конвоировавшие ге-

перала матросы опомниться, как его за ноги сдернули с площадки и потащили в толпу. Замелькали кулаки, послышались вопли. Я успел только заметить блеснувшее позолотой пенсне, бледное холеное лицо, на котором темные усики казались будто приклеенными.

Стреляя в воздух, мы врзались в толпу, чтобы предотвратить расправу. Народ отхлынул от места происшествия, но Духонин был уже мертв. Мы подняли Духонина и положили в стоявший напротив вагон. Китель генерала был разодран в клочья, аксельбанты сорваны. Этот случай оставил на душе неприятный осадок.

Наши мысли выразил вслух Карл Сепп:

— Да это же работа уголовников и анархистов!

Только Осин стал было оправдывать самосуд над Духониным, но его никто не поддержал. По опыту революции мы знали, что анархия — отравленное оружие авантюристов и маньяков. Что касается большевиков, то они за законность, пусть суровую, но справедливую.

Наступившая ночь была тревожной. Караулы пришлось усилить, часовых чаще проверять.

На другой день после расправы над Духониным несколько наших матросов пошли в город, на базар. Он пустовал. Улицы же, наоборот, были оживлены. Больше всех волновалось еврейское население. Люди бегали с мешками, чемоданами, собирались группами и что-то с тревогой обсуждали. Я подозвал пробежавшего мимо мальчугана и спросил, почему на базаре никого нет.

— А кто же будет торговать, если собираются бить евреев? — ответил он. — Ночью матросы уже вырезали одну семью.

— Что ты мелешь чушь, хлопчик, верно, не выспался? — рассердился Круг.

— Спросите у других. — Мальчуган, обидевшись, повернулся и, не оглядываясь, побежал дальше.

Несколько встреченных нами граждан подтвердили слова паренька.

Встревоженные, мы поспешили на вокзал, к своему поезду. О слухах в городе доложили в штабе.

— Гнусная провокация, жалкая попытка восстановить местное население против нас, — с возмущением сказал Крыленко. — Ниточка наверняка приведет в штаб Духонина.

Доложили и о трагическом случае, происшедшем накануне. Ночью провокаторы проникли в квартиру большой еврейской семьи и зверски растерзали спящих, не пожалев стариков и детей. Лишь одному из десяти человек, бывших в квартире, — мальчику — удалось спастись. Укрывшись в закутке, он видел преступников и среди них узнал соседа. До рассвета мальчик просидел в убежище, боясь выйти на улицу. Только утром выбрался, поднял тревогу. Соседа арестовали, и он выдал своих сообщников. А враги Советской власти стали приписывать это злодеяние матросам.

Чтобы успокоить перепуганное население, Совет рабочих депутатов назначил на Театральной площади митинг. Приехал сюда и Крыленко, взявший с собой нас, авроровцев. Тысячи людей внимательно слушали выступление Крыленко. Его гневные слова о кровавой провокации, о происках врагов революции сыграли свою роль: митинг внес успокоение, привлек население города на нашу сторону. Люди во всем стали оказывать нам поддержку.

Однажды утром я получил приказание вместе с группой матросов сделать обыск на квартире у одного враждебно настроенного к нам офицера из штаба Духонина с целью изъятия оружия. Вместе с Сепном, Кругом, Осинным отправились по указанному адресу. Постучали в дверь особняка, расположенного в саду. Нам открыла служанка. Навстречу вышел офицер. Из-за его плеча выглядывала миловидная женщина — жена этого офицера. Мы предъявили приказ о производстве обыска и изъятии оружия.

— Ну что ж, возьмите, — дрогнувшим голосом сказал офицер и, вытащив из кобуры револьвер, протянул его нам.

— Круг, посмотри у него в карманах, нет ли еще оружия, — приказал я.

Василий быстро сделал это, но ничего не обнаружил.

Вошли в комнаты, осмотрели их.

— Гражданин Михайлов, — назвал я офицера по фамилии, — по-честному скажите, есть ли у вас еще оружие?

— У меня больше ничего нет. Да, есть пистолет, — вспомнил он, — у жены. Нина, принеси.

Женщина вышла в соседнюю комнату и вскоре вернулась с маленьким бельгийским пистолетом и искусно ин-

крустированной шкатулкой. Я открыл шкатулку и увидел массу драгоценностей — браслеты, серьги, кольца. Я впервые в жизни видел такие красивые и дорогие украшения. После некоторой паузы строго спросил хозяйку:

— Зачем вы принесли это?

— Вы же все равно отберете, — всхлипывая, ответила женщина.

Василий стукнул о пол прикладом винтовки:

— Как вы смеете оскорблять солдат революции!

— Контра, за шкуру свою боится, браслетиками хочет задобрить, — зло отрезал Осин.

— Спокойно, матросы! — прикрикнул я на раскалившихся друзей и обратился к женщине: — Мы обезоруживаем врагов Советской власти, но не грабим их. А это возьмите. — И протянул ей шкатулку.

Женщина схватила ее и крепко прижала к груди. Видимо, наше поведение тронуло ее, потому что она быстро выбежала в другую комнату, принесла охотничье ружье и зазубренный кинжал без пожен.

Внимательно произведя обыск, мы больше ничего не нашли. Когда в штабе доложили о драгоценностях, нас похвалили. «Вы поступили правильно», — сказал комендант.

Разоружение офицеров ставки Духонина, борьба с провокаторами, авантюристами, анархистствующими молодчиками многому научили нас. Главное, мы глубже поняли свою высокую миссию — ведь мы были солдатами молодой Советской республики, утверждавшими на земле самые справедливые и гуманные порядки.

Когда боевая задача была выполнена, Николай Васильевич Крыленко поблагодарил нас за помощь и откомандировал на свои корабли. Мы возвращались в Петроград, в родную флотскую семью, храня в сердцах теплые воспоминания о первом Главкоме Республики.

*Поход в Гельсингфорс.
Ледовый плен. В карауле.
Разгон учредилки.
Адская машина на корабле*

Как в родной дом, вернулись мы на «Аврору». Сколько было дружеских встреч, рассказов, воспоминаний! Команда жила в те дни предстоящим выходом в море, только что закончившимся съездом военных моряков. Это было в поябре 1917 года.

— Наш съезд горячо поддержал Советскую власть, — возбужденно жестикулируя, рассказывал делегат съезда Лукичев. — А как Ленина встретили!

Лукичев вытащил из кармана записную книжку, полистал ее и прочел нам ленинские слова о том, что флот показал себя как передовой борец за раскрепощение трудящихся классов. «Во флоте, — говорил В. И. Ленин на первом Всероссийском съезде военного флота, — мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс, в этом отношении флот показал себя как передовой отряд...»

— Вот, братцы, как высоко оценил Ленин роль флота в революции! — закончил Лукичев. — Как тут не гордиться!

Наконец получен долгожданный приказ Центробалта о походе «Авроры» в Гельсингфорс для опробования машин и других механизмов после капитального ремонта. 1 декабря, в студеный зимний день, «Аврора», миновав Кронштадт, вышла в открытое море. Балтика встретила нас неприветливо. Погода еще больше испортилась, небо покрылось клочковатыми облаками, горизонт закрыло мглой. Однако уже на следующий день крейсер вошел на Гельсингфорсский рейд. Экипажи кораблей Балтийского флота, стоявших на якорях, торжественно встречали прославленный крейсер. На палубах линейных кораблей «Петропавловск», «Гангут», «Полтава», «Севастополь» и

других звучали оркестры, исполнявшие «Интернационал», слышалось дружное матросское «ура». Авроровцы, выстроившись на палубе, громко отвечали на приветствия.

Все были взволнованы торжественной и искренней встречей.

— Вот оно, флотское братство, — сказал Круг.

После погрузки угля свободные от вахты матросы пошли на берег. Я вместе с Кругом, Осиным и Сепом также отправился в город. Осмотрели Эспланаду, Соборную площадь и другие достопримечательности Гельсингфорса.

В Финляндии пробыли только пять дней. Был получен приказ: «Авроре» вместе с крейсерами «Россия», «Громобой» и «Диана» следовать в Кронштадт. Холодным утром корабли кильватерным строем вышли за ледоколом в море и взяли курс на восток.

Над Балтикой хмурое небо. По просторам моря гуляет колючий норд. Крутые волны крушат лед. Восточнее острова Гогланд море заковано в белоснежную броню. С разбегу пробивая лед, крейсера медленно продвигаются вперед. Но вот льдины берут нас в плен. Снег покрывает палубу, мостики. Вахтенные не успевают очищать палубу. На помощь вызвали подвахтенную смену. Корабли растянулись, потеряли друг друга из виду. На горизонте вдруг поднимается гигантский столб дыма, воды и льда, а затем доносится глухой раскат взрыва. Стало ясно: корабли попали на минное поле.

Ночь, угрюмо-темная и бушующая, надвинулась рано. Не участвующие в работах матросы собрались под полубаком. Не слышно шуток и смеха, лица пасмурны. Неожиданно раздается глухой взрыв. Будто живое существо, вздрагивает «Аврора». Нервы у всех напряжены до предела. Под полубак вбегает матрос и кричит:

— Ребята, чего сидите?! Офицеры нарочно завели корабль на мины в ледяные торосы, погубят нас!

— Верно, Силаев! — ответил простуженный голос.

— Надо уходить с корабля по льду на остров! — предложил кто-то.

— Куда судовой комитет смотрит? Ждут, когда взлетим на воздух!

— Надо офицеров на дно! — кричит Силаев.

Сепп хватает его за грудь и возмущенно спрашивает:

— Ах ты, гад ползучий, провокатор, чего парод мутьешь?

В это время появляется Липатов.

— Товарищи, — обращается он ко всем, подняв сжатую в кулак руку, — не слушайте трусов, не поддавайтесь на провокацию! Председатель судебного комитета днем и ночью находится на мостике. Измены никакой нет...

— А почему завели корабль в торосы? Надо было повернуть обратно!

— Мы получили приказ от Центробалта — идти в поход... А Центробалт имеет связь с товарищем Лениным. Стихия во всем виновата!

Ночью к нам на помощь пришел ледокол «Ермак». На рассвете «Аврора» вошла в Неву и пришвартовалась к стенке Ново-Адмиралтейского завода.

...Вот уже несколько дней стоит ясная холодная погода. Деревья покрылись шапками инея. Спустившись по трапу с корабля, мы, группа авроровцев, отправляемся в караул. Шагаем быстро, стараясь согреться. Под ногами поскрипывает снежок. Кивнув в сторону Зимнего дворца, Сепп говорит:

— Недавно его штурмовали, а теперь идем охранять. Вот какие бывают дела...

Заходим в караульное помещение. Несколько солдат спят на нарах, двое сидят у стола, клюют носами. Всюду валяются пустые винные бутылки. Один из караульных тщетно старается свернуть папиросу. Пальцы не слушаются, табак рассыпается.

— Слушай-ка, пехота, когда у царя Николашки служил, разве ты так напивался? А теперь, когда охраняешь народное добро, нализался, как свинья, — начал стыдить солдата Осин.

Тот долго смотрит на него мутными глазами, а потом бормочет:

— Ты меня, матрос, не брани за то, что котелок опорожнил. Я, браток, этот дворец от Керенского отбивал...

Сепп подошел к солдату, молча взял из его рук бумагу и табак, свернул самокрутку. Отдавая ее, укоризненно сказал:

— Иди проспись, да подумай, что вы натворили. Кому это на пользу — революции или контре?

— Виноваты, браток, — смущенно ответил солдат и припаялся будить товарищей.

Поддерживая друг друга, они вышли из помещения.

— Я думаю, дело тут не простое, — умозаклучил Осип. — Их наверняка кто-то спшил. Может, и к нам за-
явятся.

— Пусть попробуют, — бросил Сепп, проверяя затвор
винтовки.

Двенадцатый час ночи. Тишина. Вдруг невдалеке резко прозвучал выстрел. Выбегаем из караульного помещения, занимаем позиции по обороне дворца. Вскоре узнаем причину тревоги. Стоя на посту у главных ворот, Круг увидел, как из-под арки Главного штаба показалась группа людей и направилась к Миллионной улице. Затем двое отделились, шмыгнули к главным воротам дворца. Увидев часового, они в замешательстве остановились. Пошептавшись, подошли к Василию.

— Матрос, открой калитку, мы здесь работаем, вот наши пропуска, — заговорил один из них, небрежно показывая какую-то бумажку.

— Не подходи, стрелять буду! — предупредил Круг, вскидывая винтовку.

— Брось шутить! — испугался неизвестный. Он вытащил из кармана бутылку вина. — Возьми-ка лучше, согрейся...

Василий выстрелил в воздух. Бутылка выпала из рук незнакомца. Выругавшись, двое бросились к группе людей, стоявших на Миллионной.

— За бутылку вина хотели купить, гады, — показывая на неизвестных, возмущался Круг.

Опасения Осипа подтвердились. Неизвестные хотели пропикнуть в подвалы дворца с целью грабежа. Бдительность часового спутала карты бандитов.

О таких же происшествиях рассказывал нам на корабле Костя Душенов, исполнявший в первые дни после захвата Зимнего обязанности начальника охраны и коменданта дворца. На этот пост его поставил Антонов-Овсеенко, сразу же как только Зимний был взят, и строго предупредил, чтобы огромные ценности Эрмитажа и всего дворца были сохранены как народное достояние. Тут со временем, сказал он, будет открыт народный музей.

— Задачку перед охраной поставили пелегкую, — рассказывал Костя. — Трудности начались с выдворения из дворца «лишних». Во время штурма, а особенно после, туда пропикло немало любителей пожить чужим добром. Кое-кто из них даже пытался сопротивляться с ору-

жем. Одного подлеца, который ранил нашего матроса, пришлось пристрелить самому. По порядок навели.

Днем караульный доложил: пришли какие-то два иностранца, просят принять их. Заходят — такие лощеные, важные. Когда остались наедине, один из них вкрадчиво заговорил: «Цивилизованный мир очень беспокоится за сохранность картин в Эрмитаже. Мировые шедевры — Рубенс, Мурильо, Ван-Дейк, Гойя, Рафаэль... При очередной схватке с применением артиллерии все может быть разрушено. Не продадите ли нам несколько картин — мы назовем, какие именно. За ценой не постоим, в любой валюте. Понимаем, что потом вам оставаться здесь опасно, комиссары не простят такое, но обещаем вам паспорт подданного нашего государства, переправим за границу. Выдадим чек — хватит вам и вашим детям».

— Хотелось сразу пристрелить гадов, — гневно говорил Костя, — но нам строго наказали не трогать иностранцев. И я сказал им, чтобы катились из дворца и больше не пытались «спасать» наши ценности. Будьте довольны, что наши морячки не знают, за чем пожаловали «гости», а то запросто отравили бы на тот свет, не спрашивая фамилий и не заглядывая в заграничные паспорта. «Дипломаты» поспешили быстро ретироваться.

— Молодец, Костя, правильно отбрил коммерсантов, — одобряли его действия матросы.

Незаметно подошел новый, 1918 год. В новогоднюю ночь я нес на корабле вахту. Вспомнился родной Урал, далекая таежная Луньевка, родные, друзья. Как-то они встречают праздник?

В помещение опреснителей вошел Карл, который должен был сменить меня. Лицо его мертвенно-зеленое, глаза блуждают, губы дрожат.

— Карлуша, что с тобой? Иди в лазарет, а я еще постою.

— Ничего... Я сам как-нибудь отстою вахту... С обеда меня мутит.

«Надо доложить старшине», — подумал я. Разыскав его, сообщил о неважном самочувствии Сеппа. Но оказывается, плохо было не одному Карлу: корабельный лазарет уже переполнен.

Врач и санитары мечутся между больными, оказывают им помощь. Несколько человек отравили в морской

госпиталь. Там установили, что произошло отравление пищей.

— Силаев по камбузу дежурил, а разве ему можно доверять? — роптали матросы.

В судовой комитет вызваны Силаев и вахтенный офицер.

— Почему отравлена пища? — сурово спрашивает Златогорский.

— Откуда я знаю? — нагло отвечает Силаев, усаживаясь на стуле.

— А вы как расцениваете такой случай? — обращается представитель судового комитета к вахтенному офицеру.

— За камбуз я не отвечаю — это дело внутренней службы, — сухо чеканит офицер.

— Вахтенный офицер отвечает за весь корабль, — возражает Златогорский. — О случае с отравлением придется сообщить в морскую коллегияю. А о тебе, Силаев, разговор будет особый. Сдашь дежурство — явишься сюда.

Прошло с полчаса, но Силаев не прибыл. Председатель судового комитета вызвал рассыльного со шканцев:

— Разыскать Силаева и привести сюда!

Минут через двадцать вахтенный доложил:

— Нигде не нашли Силаева... Весь корабль обошли. Вахтенный на баке видел его: шел на ют. Там штормтрап кто-то спустил с кормы на лед. Видимо, по нему и ушел Силаев...¹

Короток зимний день. Вот уже в зданиях на берегу зажглись тусклые электрические огни. В люках неожиданно послышались дудки вахтенных: на собрание в церковную палубу!

За столом, покрытым красным сигнальным флагом, сидят члены судового комитета. Поправив форменную рубашку и оглядев матросов, Липатов читает обращение Центробалта:

— «Революционные моряки Красной Балтики! Настал последний и решительный момент в ходе и развитии великой русской революции. Будьте готовы. В Петрограде зревают грозные события, от исхода которых зависит все будущее России, будущее всего мира... В связи с

---

¹ Впоследствии Силаев был расстрелян за участие в вооруженном выступлении против Советской власти.

предстоящим открытием Учредительного собрания буржуазия и ее верные соратники — эсеры, меньшевики — усилили провокации. Была произведена попытка захватить оружие в одном из арсеналов. Открыт контрреволюционный заговор. Они бросили яд в пищу команды крейсера «Аврора», результатом чего сто товарищей матросов выбыли из строя...»

Подобно штормовому ветру, проносится шум по рядам команды. Один за другим выступают Бельшев, Курков, Златогорский... Они по-матросски, крепкими словами клеймят врагов революции, призывают к бдительности.

Утром раздается команда:

— Подвахтенной смене выстроиться на батарейной палубе!

Через полчаса авроровцы, вооруженные винтовками и гранатами, шагают по заснеженным улицам Петрограда... Несмотря на холодную погоду, на улицах оживленно. На Литейном проспекте группа вооруженных гимназистов, чиновников и офицеров несет плакат с лозунгом: «Да здравствует Учредительное собрание!»

Бросив исподлобья взгляд на демонстрантов, Сепп ворчит:

— Даже соплякам винтовки дали... Пугнуть бы их...

В Таврическом дворце мы присоединились к отряду матросов с броненосца «Республика». Отрядом командовал Анатолий Железняков. Теперь он — комендант Таврического.

Пока другие располагались в караульном помещении, мы с Осиным, Сеппом и Кругом решили посмотреть на делегатов съезда.

— Э, да тут больше господ, чем рабочих, — сразу заметил Сепп.

— И зачем только разрешили собраться этой публике? — с досадой спросил незнакомый матрос.

Круг повернулся к нему, ответил:

— Нехай народ узнает, за кого господ из учредилки.

Вернулись в караульное помещение. Вскоре сюда зашел Железняков. Обведя взглядом присутствующих, сказал:

— Надо быть начеку. На заседание Учредительного собрания приедут Ленин и Свердлов... Возможны провокации врагов революции.

— Не беспокойся, Толя, не подведем!

Железняков добродушно улыбается, сдвигает фуражку на затылок так, что черные волосы спадают на лоб.

Часовые уходят на посты. Вторая смена в караульном помещении в разговорах коротает время. Рыжеусый матрос с «Республики», заметив шрам на щеке Василия Круга, спрашивает:

— Где это тебя угостили?

— Память о генерале Духонине.

— Расскажи, как дело было? — допытывается рыжеусый.

Василий рассказывает о поездке авроровцев с Главкомом Крыленко в Могилев. Все внимательно слушают его.

Ночью с Ладожского озера подул пронизывающий колючий ветер со снегом. Часовые заоченели от холода. Согреться пегде. Я отправился к Железнякову доложить об этом. Анатолий сидел за столом, устало подперев голову рукой, погруженный в какие-то думы.

— Знаю, — ответил мне Железняков, — но придется потерпеть, пока не закончат заседание.

Вопли матросы, патрулировавшие на ближних улицах. Один из них — высокий, остроглазый, видимо друг Железнякова, спросил без обиняков:

— Толя, скажи, долго нам стынуть? Я, кажется, обморозил ноги, завернул в газеты, а толку мало.

Вбегает запыхавшийся матрос, ругаясь, басит:

— Учредилка отказалась утвердить декреты, изданные Советской властью. Вот фрукты!

Железняков поднялся и направился в зал. Мы за ним. Подошел к столу президиума, высокий, статный. Громко объявил:

— Как комендант дворца, я получил указание...

— Мы не подчиняемся большевистским комиссарам! — перебил председательствующий.

— Прошу немедленно освободить зал! — решительно заявил Железняков.

— Поторапливайтесь, граждане! — постукивая прикладом, вторит чернобровый балтиец. — Пока честью просим...

Через полчаса Таврический дворец был пуст. Железняков доложил по телефону во ВЦИК: «Учредительное собрание разошлось, особых происшествий не было».

На следующий день на заводах и фабриках, на воен-

ных кораблях Балтийского флота состоялись митинги. Они одобрили постановление ВЦИК о роспуске Учредительного собрания.

Надвигались грозные события. В стране все более разгорались очаги контрреволюции, гражданской войны. Росла угроза военной интервенции. Борьба за выход из первой мировой войны и заключение пакта паталкивалась на противодействие стран Антанты, не желавших признавать молодую Советскую республику. Они игнорировали все предложения Советского правительства о мире. Кайзеровская Германия и ее союзники затягивали переговоры о перемирии. Их цель была ясна: при малейшей возможности уничтожить советский строй.

В этой сложной обстановке Центральный Комитет партии во главе с В. И. Лениным, Советское правительство принимают решительные меры для защиты революции. 1 января 1918 года в Петрограде состоялись торжественные проводы на фронт первых эшелонов социалистической армии. Перед бойцами с речью выступил В. И. Ленин. 29 января 1918 года Совнарком вынес постановление об организации социалистического рабоче-крестьянского Красного Флота. 22 февраля в газетах был опубликован декрет Совета Народных Комиссаров «Социалистическое Отечество в опасности». Петроград был объявлен на военном положении, войска и Балтийский флот приведены в боевую готовность. Немецкие войска, несмотря на героическое сопротивление первых полков Красной Армии, отрядов Красной гвардии, заняли Псков, угрожали Петрограду. Мы, моряки-балтийцы, знали, что гидра контрреволюции поднимает голову и в Петрограде. За плотно закрытыми портьерами бывших барских и генеральских особняков и квартир собирались таинственные личности. Под штатскими пальто и серыми солдатскими шинелями маскировались генеральские лампасы и голубые жандармские мундиры. Над городом революции, над молодой республикой рабочих и крестьян нависала черная туча.

В эти тревожные дни «Аврора» оставалась крепостью большевистской партии. И враг поставил своей целью подорвать эту крепость.

...В каюте судового комитета людно. Матросы сгрудились около стола, заваленного газетами, бумагами. Слышатся нетерпеливые голоса:

— Для чего собрали? Что тянут?

Но вот встал председатель судебного комитета Бельшев, заговорил:

— Получили мы вот эту бумажку, слушайте, прочту. «Вчера, четвертого января, в зале Калашниковой биржи на общем собрании была предложена премия за уничтожение крейсера «Аврора» в сумме ста тысяч рублей. Причем пятьдесят тысяч рублей сразу, а остальные после взрыва. Это предложено шоферу, который присутствовал на собрании и сообщил мне. Просим быть на страже, а то будет плохо, если найдется негодяй, который согласится свою шкуру продать и всю трудовую массу...»

— Вот гады, пора уничтожить контру! — раздался голоса.

Бельшев предупредил:

— Это письмо анонимное, в нем многое неясно. Что это было за собрание, да еще на Калашниковой бирже? Что за шофер? Может быть, письму и не стоило придавать значения, но у нас есть сигнал об этом и из политотдела флота.

Вот что сообщает он: «В судовой комитет крейсера «Аврора». Политотдел предупреждает, что бюро по борьбе с контрреволюцией задержало тайное письмо, составленное в Калашниковой бирже. Из письма видно, что на ваш корабль неизвестные люди собираются сделать покушение за крупную сумму денег. Ввиду этого примите самые строгие меры для бдительной охраны вашего корабля. Подписал начальник политотдела: В. Мясников».

Слух о готовящемся взрыве крейсера взбудоражил команду. Об этом говорили в кубриках, за обедом, на вахте. Матросы твердо решили уберечь родной корабль от происков контрреволюции.

— Пусть только сунутся, — говорили авроровцы.

...Незаметно зима пошла под уклон. Но холода не спадали.

— Март, а мороз даже лютый, — ворчал как-то ночью вахтенный на шканцах Федор Найчук, переступая с ноги на ногу и пряча лицо в воротник тулупа.

— Да, поджимает, — послышался чей-то голос.

— Это ты, Тимофей? — стараясь разглядеть сквозь туман говорившего, спросил Найчук.

— Может, думаешь, контра забралась на крейсер? — с насмешкой ответил рассыльный на шканцах Тимофей Семенов.

— А ты не смейся. В такой туман всякое может быть.
— Три месяца только и говорят об одном. Зря папикуем.

— Ждет вражья сила, момент ловит, — убежденно сказал Найчук. — Вот когда такие, как ты, уши развесят, тогда она и покажет себя. Ступай-ка лучше огляди палубу.

Немного обиженный, Семенов отправился на ют. Найчук же, подойдя к трапу, ведущему на берег, стал прислушиваться. Где-то вдали, на набережной, тарахтел автомобиль. Незаметно наступил рассвет. Туман медленно, казалось, неохотно отступал к устью Невы. На набережных все отчетливее вырисовывались силуэты зданий. Издали едва слышно разноголосыми трелями донесся бой курантов Петропавловской крепости.

Приближалось время, когда надо было свистеть смену. Вдруг вблизи от крейсера закрипел снег под чьими-то шагами. Спрятавшись за орудийный щит, Найчук стал наблюдать. Он увидел около носа крейсера человека. Неизвестный держал в руках сверток, похожий на большую книгу. Задрав вверх голову, он внимательно оглядывал громаду крейсера, потом направился к трапу, но на половине дороги остановился, перешительно потоптался на месте и, повернувшись, снова пошел к носу корабля. Найчук, не выдержав, крикнул:

— Кто идет?!

Незнакомец вздрогнул, сделал неуклюжее движение, словно хотел бежать, но сдержался и ответил нарочито спокойно:

— Товарищ моряк, можно к тебе подняться?

— Чего тебе надо?

— Да вот, штуковину хочу передать.

— Ну лезь, коли надо.

Незнакомец стал подниматься, осторожно ступая по качающемуся трапу. Найчук внимательно рассматривал человека, одетого в ветхую солдатскую шинелишку и гризную потрепанную папаху.

Солдат подошел к Найчуку и тихо сказал:

— Здравствуйте, товарищ. Дело у меня к вам такое... Проходил я вчера по льду — вон по той дорожке. Увидел этот сверток возле вашего корабля. Взял его домой, думал, может, в хозяйстве пригодится, Смотрю — аппарат

какой-то. Не с вашего ли корабля? Посмотрите, а я тороплюсь на работу.

Пока Найчук и подошедший Семенов распаковывали сверток, солдат продолжал:

— Я вчера обрадовался, думаю, находку бог послал, гостинец с неба. А когда развернул, вижу, вещь из казенного имущества, вот я к вам и принес...

Развернув упаковку, матросы увидели жестяную коробку продолговатой формы. Крышка ее легко снялась. Коробка была наполнена пластинами желтоватого вещества, сверху лежал медный кружок.

А солдат все неумолчно тараторил:

— Видно, кто-то из ваших морячков обронил. Взгреют еще беднягу за потерю казенного имущества. Вы уж спрячьте эту штуковину.

— Добре, солдат, — решительно сказал Найчук, — я ее в кубрик снесу.

Вахтенный взял коробку и, скрипя валенками по снежной палубе, спустился в люк. Через пять минут он выскочил обратно, испуганный, с блуждающими глазами.

— А где солдат?! — крикнул Найчук.

— Чего орешь? — удивился Семенов. — Солдат ушел — на работу спешил...

— Эх ты, растяпа, упустил злодея. Он нам адскую машину подбросил. Беги, задержи его!

Семенов быстро спустился по трапу на берег и стал искать незнакомца, но того уже и след простыл...

Весть об адской машине быстро облетела корабль. Матросы побежали на лед, тщательно осмотрели около крейсера каждую трещину и бугорок под снегом. Пополз зловещий слух, будто где-то спрятаны и другие адские машины. Кое-кто поддался панике. Меньшевики и эсеры, воспользовавшись моментом, начали сеять страх и раздор в матросской среде.

Возле вахтенных Найчука и Семенова собралась толпа матросов. Вахтенных обвиняли в ротозействе. Особенно наседали на них эсер Зоткевич.

— Заставить их искать другие адские машины. Не найдут — голову свернуть! — кричал он.

Вахтенные, похурив головы, молчали.

Подошел Златогорский, бывший в тот день дежурным по судовому комитету. Обращаясь к Найчуку и Семенову, сказал:

— Сдавайте вахту и идите под арест. Остальным соблюдать порядок и спокойствие. С кораблем пичего не случится, раз адская машина попала в наши руки.

Все перешли в каюту судового комитета. Машинный кондуктор Карпов принес жестяную коробку:

— Вот она. В ней что-то чикало, а потом, когда я повернул, перестало...

— Чикало, повертел, перестало! — раздраженно проговорил Златогорский. — Ну-ка, Круг, быстро слетай за Винтером. А вот он и сам, — обрадовался дежурный, увидев вошедшего старшего артиллериста.

— Товарищ Винтер, поглядите-ка, что за «игрушку» нам на корабль принесли.

Артиллерист взял в руки жестянку, повертел в руках:

— Да это же и впрямь адская машина. И часовой механизм в ней...

Винтер осторожно снял с верхнего пласта медный кружок. Под ним оказалась латунная гильза, которую он вывинтил. Все, затаив дыхание, с напряженным вниманием следили за движениями артиллериста.

— Ну-с, теперь как будто бы все в порядке, — облегченно вздохнул Винтер.

Люди оживились, заговорили, радуясь, что смертельная опасность миновала.

— А это детонатор, — подняв гильзу над головой, продолжал Винтер. — Товарищ Кезля, отнесите эту штучковину в артиллерийский погреб. Она сейчас безопасна...

— Что случилось? — спросил, входя в каюту, командир крейсера Эриксон. — Мне дежурный по кораблю доложил, что принесли какую-то коробку.

Старший артиллерист показал командиру корабля разряженную адскую машину.

— Как быть с взрывателем? — спросил его Винтер.

— По уставу за неимением особого помещения он должен храниться у командира корабля, — ответил Эриксон.

— Разрешите мне для ознакомления взять к себе в каюту? — попросил артиллерист.

— Хорошо. Только будьте осторожны.

Встревоженные матросы теснились на верхней палубе, на шканцах.

— Минутку внимания! — крикнул машинист Лукичев, появляясь на палубе. — Адская машина разряжена, на ней обнаружен английский штамп...

— Вот какой «подарочек» подбросила нам заморская контра! — язвительно заметил Курков.

Матросы «Авроры» признали, что старший на вахте Федор Найчук повинен в нарушении революционной бдительности. И его, как несознательного матроса, держать на крейсере нельзя.

Федора Найчука привели на палубу.

— Вот что, матрос, — сурово заговорил Златогорский, — признавайся начистоту: сознательно или нет упустил злодея?

— Поверьте: не сообразил, прошляпил, — виновато бормотал Найчук.

— Ну раз несознательно, ограничимся списанием тебя с корабля.

Лицо Найчука покрылось росинками пота.

— Провинился я, братцы, знаю, — растерянно твердил он. — Но прошу не выдворять с «Авроры». Уж лучше прикончите меня... — В его карих глазах блестели слезы.

— Может, простим его по морской дружбе? — предложил кто-то из матросов.

— Правильно, простить надо Федора, — одобрительно зашумели вокруг.

— Только запомни, в другой раз не пожалеем, — предупредил Златогорский.

Найчук выпрямился, благодарно сказал:

— Спасибо, братцы. В жизнь этого не забуду.

Но на этом история с адской машиной не кончилась. После обеда к Эриксону приехал командир крейсера «Россия» Гинтер, известный морякам как опытный артиллерист. Эриксон хотел показать ему взрыватель адской машины, но тот, не дождавшись, пока принесут взрыватель, куда-то вышел. Придя со взрывателем, Винтер вновь стал с любопытством осматривать его. Напротив за столом сидел Эриксон, поодаль — старший механик корабля Малышевич.

— Однако тонкая штука, могут же за границей так чисто делать, — восхищался Винтер и начал пояснять: — Это часовой механизм с ударником, на него навинчен капсуль...

— Да бросьте вы, Борис Францевич, возиться с этой чертовщиной, — сказал с беспокойством Эриксон. — Еще взорвется.

— Не беспокойтесь, часовой механизм я остановил, теперь эта штука не опасна, — спокойно ответил Винтер.

В эту секунду грохнул взрыв. Эрикссон мгновенно закрыл лицо руками. С них капала кровь. Винтер медленно сполз со стула и упал на пол. На кителе его алели пятна крови. В тяжелом состоянии его отправили в госпиталь. Эрикссон отделался легкими ранениями лица.

*Восстание эсеров в минной дивизии.
Отряды балтийцев на сухопутье.
Первый бой с интервентами.
Разгром американской колонны*

Пришла весна 1918 года, первая весна революции... Как-то внезапно нахлынула теплынь, и Нева взломала свой панцирь. Сверкающие на солнце глыбы льда, с шумом разламываясь на осколки, медленно плыли мимо опустевших дворцов.

Но весна не радовала нас. «Аврора» становилась на консервацию из-за отсутствия топлива, а команду по группам переводили на другие корабли.

Из ковша Ново-Адмиралтейского завода вышел паровой катер с баркасом на буксире. На нем находилось десять матросов-авроровцев, списанных для прохождения дальнейшей службы на канонерскую лодку «Хивинец». В их число попали я, Василий Круг, Матвей Осин, Карл Сешп и Сеня Бурлаченко. Разрезая волны, катер уносил нас все дальше и дальше от корабля. Товарищи долго махали нам фуражками.

— Прощай, «Аврорушка», вовек не забудем тебя, — с сердечной теплотой говорил Круг, печально глядя на удаляющийся крейсер.

— Ей-богу, словно с родным домом расстался, — признался Карл.

Мы могли бы демобилизоваться и уехать по домам, как это сделали многие. Но в нас, авроровцах, жило большое и беспокойное чувство долга — защищать революцию. Да и к морской службе прикипели душой.

Вот наш катер подошел к канонерской лодке «Хивинец».

— Эй, вахтенный на палубе, разрешите пристать! — обратился старшина.

На площадке показался матрос с дудкой на груди. Увидев подходивший катер, крикнул:

— Добро!

— Вскинув чемоданы на плечи, стали подниматься по качающемуся трапу на шканцы корабля. В эту минуту на палубе появился коренастый чернявый матрос.

— Товарищ Калмыков, — обратился к нему вахтенный, — к нам прибыло пополнение с «Авроры».

Председатель судового комитета Калмыков, оглядев нас приветливым взглядом, сказал:

— Добро пожаловать, ребята, в нашу матросскую семью!

Команда «Хивинца» пользовалась авторитетом на Балтийском флоте. Корабль вместе с броненосцем «Слава» геройски сражался в Рижском заливе, отбивая атаки германского флота, пытавшегося прорваться в тыл русским армиям на побережье Балтийского моря. Когда «Слава» попала в беду в жестоком и неравном бою, хивинцы спасали матросов с гибнущего корабля. Мы были рады, что будем служить на героической канонерской лодке. Встретили нас радушно, с сердечным вниманием. Сепи и я были назначены трюмными машинистами, а Круг, Осин и Бурлаченко попали в строевую команду.

Недалеко от «Хивинца», выше по Неве, у Обуховского завода, стояли эсминцы «Капитан Изыльметьев», «Изяслав», «Свобода» и «Гавриил». С матросами этих кораблей мы стали часто встречаться во время увольнений на берег. Однажды в воскресенье мы с Кругом шли по улицам Невской заставы. Нежданно-негаданно из проулка вынырнул среднего роста, с веснушками на лице бойкий матрос. Увидев Круга, удивился:

— Вася, Круг, кого я вижу?

Лицо матроса осветила радостная улыбка.

— Гаврилюк, Петро?

— Я самый.

— Как ты сюда попал?

— Да уже два года служу на эсминце «Капитан Изыльметьев».

Я с любопытством наблюдал эту встречу. Как потом выяснилось, они односельчане, только Круг был немного старше Гаврилюка и на военную службу ушел раньше.

— Как жизнь молодая, флотская? — расспрашивал его Василий.

Гаврилюк с опаской глянул на меня. Круг кивнул: не бойся, мол, свой хлопец.

— Скажу тебе по совести, земляк, погапые у нас дела.

— А шо такое? — допытывался Василий.

Гаврилюк затынулся махорочной самокруткой, сказал в сердцах:

— Хитрец и краснобай у нас командир корабля Лисаевич. На словах за Советы, а на деле с меньшевиками и эсерами якшается. Судовой комитет в свой кулак зажал.

— А вы куда смотрите? — не вытерпел Круг. — Тоже, балтийцы! — Он насмешливо посмотрел на Гаврилюка.

— Да постой ты, постой, Вася, не горячись, — бросив окурок, с досадой сказал Петро. — Много вредят «жоржики с Лиговки», которые попали на корабль с пополнением и внушают матросам: «Власть-то у нас народная, а рабочий получает восьмунку хлеба да хвост селедки» или «разве простой люд — кухарки и копохи — может управлять государством?». Каркает буржуазное отродье, что скоро в Петрограде будет военно-морская диктатура.

— А что матросы?

— Сбивают их с курса. Вот и топчутся на перепутье.

Через несколько дней на «Хивинце» стало известно об аресте Чрезвычайной комиссией начальника морских сил Щастного. Говорили, будто минная дивизия подняла контрреволюционное восстание. Матросы волновались. Учитывая это, судовой комитет решил провести собрание, чтобы разъяснить людям обстановку.

Вахтенный просигналил сбор. Собрались на юте. Кто уселся на палубе, кто на фальшборте. На корабль прибыл комиссар Балтийского флота Фрунтов — среднего роста матрос, быстрый, подвижный, одетый в кожаную тулупку. Открыв собрание, Калмыков предоставил слово Фрунтову.

— Революционные моряки! — обратился он к нам. — Славу Балтийского флота — верного защитника Советской власти — уронили минная дивизия, экипажи эсминцев «Изяслав», «Свобода» и «Гавриил». Они не выполнили приказа, спялись со швартовов и пошли вверх по Неве в Ладожское озеро...

— Позор! Изменники! — гудели голоса.

Комиссар спокойно ожидал, пока прекратится шум. Потом продолжал:

— Крошпгадтские моряки дерутся за Советскую

власть. Команде «Хивинца» надо сняться с якоря и пойти им на подмогу. А если нужно будет — открыть артиллерийский огонь по врагам революции...

— Поддержим кронштадтцев! — раздалися дружные голоса...

— Есть опасение, что изменники уйдут к финским берегам. Не дадим им проскочить в Ладожское озеро. Принудим выдать врагов Советской власти: на «Изяславе» — командира корабля Иванова, на «Свободе» — Михайлова, на «Гаврииле» — Берга. На эсминце «Капитан Изыльметьев» команда обезоружена, арестованы три офицера и пять матросов. Командир эсминца Лисаневич, воспользовавшись суматохой, переделся в матросскую форму и скрылся...

— Проворонили, шляпы! — недовольно бросил кто-то из матросов.

Судовой комитет «Хивинца», чувствуя боевое настроение команды, призвал ее немедленно сняться с якоря и заставить мятежников под угрозой оружия выдать зачинщиков восстания. Резолюция об этом была принята большинством голосов.

Команда стала готовить корабль к походу. Задымили трубы, комендоры засуетились около якорного каната. Через три часа канонерская лодка «Хивинец» уже шла вверх по реке вслед за эсминцами.

Пройдя от Обуховского завода пятнадцать километров, приняли с берега семафор: «Эсминцы стали на якорь у Ивановских порогов». Осадка у кораблей оказалась больше, чем уровень воды в фарватере. Кронштадтцы вели переговоры с матросами восставших кораблей, требуя выдачи зачинщиков.

Наша канонерская лодка, не дойдя несколько километров до эсминцев, бросила якорь, навела пушки на мятежников. Ждали приказа. Но к вечеру стало известно, что команды эсминцев выдали зачинщиков и на общем собрании дали обещание боевыми делами искупить вину перед Советской властью.

Эти события всколыхнули Балтийский флот. Матросы клеймили позором предателей и требовали сурового их наказания.

Обстановка в стране осложнялась. Против Советской власти выступили внутренние враги, а потом в союзе с

ними — внешние, раздувая пламя гражданской войны и иностранной интервенции.

Партия большевиков и Советское правительство призывали балтийцев на защиту молодой Республики Советов. И моряки делом ответили на этот призыв. Матросские отряды один за другим шли на Дон против генерала Каледина, на Урал против атамана Дутова, на Волгу против корпуса белочехов.

На общем собрании команды нашего корабля было объявлено о наборе добровольцев в матросский отряд, который отправлялся на Урал. Все были рады этому. Морская душа рвалась на морские просторы, но корабль держали в Петрограде. И многие матросы решили пойти на фронт. В отряд записались Сепп, Круг, Осин, я и Сеня Бурлаченко.

— Эх, хлопцы, надо бы проститься с городом, — предложил Василий Круг.

Мы знали, что ему хочется повидать свою знакомую Полину, которую он любил нежно, горячо, и согласились.

Наш внезапный приход удивил и напугал девушку.

— В море уходите? — с тревогой спросила она.

— Нет, Поля, по сухопутью, в далекие края, — ответил Василий, — едем на Урал атамана Дутова бить.

Тепло распрощавшись с девушкой, мы отправились к Афанасию Силычу Пермякову, который недавно вернулся из деревни. У Пермяковых вспоминали пережитое, огневые питерские дни, товарищей. Уже собрались уходить, как в комнату, запыхавшись, вошла Наташа.

— Дядя Афанасий, тетя Маша, как я соскучилась по вас! — сказала она, бросаясь на шею Марии Савельевне.

— А мы, Наташа, завтра уезжаем, — сообщил Сепп, — и пришли попрощаться с вами.

— А девушек на фронт берут? — спросила она.

— Не знаю, вряд ли...

— Я вас очень прошу — узнайте.

Мы обещали выполнить ее просьбу.

Грустным было наше расставание. Боль разлуки щемила сердце.

На другой день Василий Круг, побывав на берегу, принес много новостей. На «Авроре» большие перемены: Липатова назначили командиром продовольственного отряда, и он уехал хлеб у куркулей отбирать. В Волжскую флотилию назначены Душенов, Лукичев, Таратынов, Хабен-

рев. Демобилизовался и уехал в родные края Бельшев. На корабле намного меньше стало бывалых моряков...

И хотя мы знали, что «Аврору» рано или поздно отведут в тихую гавань, сообщение Василия опечалило нас. Ведь с крейсером были связаны многие походы, боевая матросская страда, бескорыстная дружба. Самое главное — здесь нами пережиты две революции грозного 1917 года.

Через три дня мы были направлены во 2-й Балтийский флотский экипаж, где собирались добровольцы-матросы с кораблей, стоящих в Петрограде. Ждали кронштадтцев. С их прибытием был сформирован отряд из двух рот численностью в пятьсот человек. Каждая рота получила по два пулемета «максим», винтовки. Добровольцы с «Хивинца» составили взвод второй роты. Здесь же оказались мой земляк Миша Попов с линкора «Гангут» и Петро Гаврилюк — знакомый Круга. Командиром взвода назначили меня. Часть получила название: 2-й Экспедиционный отряд моряков Балтийского флота. «Прощай, Петроград, прощайте, суровые матросские годы», — думал каждый из нас.

Погрузились в товарные вагоны на Николаевском вокзале и тронулись в дальний путь. Поезд увозил нас на восток. Забравшись на верхние полки, в который уже раз мы вспоминали в вагонных сумерках «Аврору», свою службу.

— Как-то сейчас поживают хлопцы на корабле? — с грустью спрашивал Сепп, взглядываясь в окна вагона, за которыми проплывали синие леса.

— Ребята, должно быть, уже попили чайку, расселись у фитиля, покуривают или в кубрике собрались, — заметил Круг.

Разговор перешел на другое.

— Вот уничтожим контру, заживем тогда! — размечтался Сеня Бурлаченко.

— Гарно, Сеня, заживем, — поддержал его Круг. — Потому теперь земля, лес и заводы — все народное.

— Вот бы только разруху одолеть, — заметил Попов. — А то у нас на Урале, как пишут родные, многие домны потушены, кое-где паровозы в туниках стоят. В цехах не машины, а зажигалки мастерят...

Понемногу говор в вагоне стих. Сквозь стук колес слы-

шался теперь богатырский храп да сонное бормотание матросов.

Утром, когда эшелон только тронулся, из соседнего вагона к нам зашел какой-то матрос. Одет он в кожаную тужурку. Через плечо на ремнях маузер, сумка с планшетом, на голове лихо заломленная матросская фуражка с ленточкой «Аврора». Он выглядел утомленным, на висках серебрилась седина. Большие, умные глаза вошедшего устало рассматривали нас.

«Да это же Давыдов, Алексей Иванович!» — осенило меня.

— Любезный, откуда ты?

Попрыгав с верхних полок, авроровцы окружили Давыдова. А мы с ним, взволнованные и счастливые, тискались друг друга.

— Дайте же мне побачить его, — расталкивал столпившихся матросов Василий Круг.

— Вот так встреча, братцы, — сказал обрадованно Алексей Иванович. — Не думал, что увижу вас на сухопутье.

— Но как ты к нам попал? — спросил я, когда волнение от радостной встречи несколько улеглось.

— Меня в ваш отряд назначили комиссаром. Вот на ходу знакомлюсь с личным составом. Пестрый народ, в случае чего — помогайте.

— В беде не оставим, — заверил Карл Сепп.

Незаметно разглядывая постаревшего Давыдова, я вспоминал последние дни пребывания его на «Авроре». Когда он внезапно и надолго исчез, мы решили, что его нет уже в живых. И вот человек словно воскрес из мертвых, да еще стал комиссаром нашего отряда.

Рассевшись по скамейкам, мы с интересом слушали рассказ Давыдова. Попыхивая трубкой, он неторопливо говорил:

— Посадили меня в плавучую тюрьму «Волхов». В ней редко кто выживал, но я все перенес. Перед Февральской революцией отправили во Владивосток. Там попал на крейсер «Аскольд» — тот самый, что японцы захватили во время Цусимского боя, а после продали России. Месяц назад крейсер пришел в Мурманск. Там сейчас хозяйничают англичане и американцы. С большими муками вырвался я оттуда. Скитался по таежным лесам, шел по болотам, умирал и воскресал. Только неделю назад попал в

Петроград. Не успел оглядеться, как направили в ваш Экспедиционный отряд.

Вспоминали былое, походы, когда вместе плавали на «Авроре».

— Вот так нежданно-пегаданно мы и познакомились с комиссаром, — заметил в конце разговора рябоватый, широколицый Попов, аппетитно жуя черный хлеб, посыпанный солью. — А вот командира в лицо не видели, не ведаем, кто он.

— В Вологде познакомимся, — сказал Давыдов, присматриваясь к Попову.

Алексей Иванович достал коробку папирос, предложил закурить. Со всех сторон к коробке потянулись руки.

— А ты, орел, не куришь? — улыбаясь, спросил Давыдов Сеню Бурлаченко.

Юнга глянул на комиссара, смущенно ответил:

— Не по душе мне чадить.

— Ну и правильно, ничего в этом хорошего нет.

Давыдов, пристально осмотрев Сеню, добродушно спросил:

— Как же тебя зовут, сынок?

Мальчик приложил руку к бескозырке, четко доложил:

— Семен Бурлаченко, строевой матрос канонерской лодки «Хивинец», бывший юнга «Авроры».

— Да ты, я вижу, уже прошел морскую терку. А мне как раз нужен ординарец. Хочешь пойти?

— Не знаю, что они скажут, — кивнул Сеня на матросов.

— Это наш питомец, — сообщил Василий Круг.

— Ну как, отцы, советуете Семену идти в штаб? — спросил, улыбаясь, комиссар.

Мы переглянулись. Видимо, каждый мысленно решил, что Сене в штабе будет лучше.

— Нехай идет, — ответил за всех Василий. — Только нашу марку держи!

Эшелон прибыл в Вологду. Его поставили на запасный путь. К вечеру подошел поезд из Перми, набитый народом, что мешок горохом. Люди всюду: на крышах, тортовых площадках, даже на буферах.

Станционная комиссия по борьбе со спекуляцией попросила матросов проверить и очистить поезд от мародеров, мешочников. Командир роты приказал мне выде-

лить из взвода десяток матросов и возглавить их. Давыдов предупредил:

— Смотрите, балтийцы, действуйте справедливо, по-революционному. Если рабочий или крестьянин — не обижайте. А спекулянтов и всякую буржуазную шваль вытряхивайте из вагонов смелее.

Разбившись на группы, пошли по составу. В одном из вагонов меня разыскал Сеня.

— В последнем вагоне какие-то люди везут здоровенную кладь, — запыхавшись, сказал он.

Заглянув в полуоткрытую дверь вагона, я увидел мешки с мукой, крупой и другими продуктами. На стене вагона висело несколько шапок и винтовок. В углу какой-то человек, стоя на коленях, торопливо укладывал в мешок пласты сала. Василий Круг ловко вскочил в вагон, тряхнул за плечо незнакомца. Тот, судорожно прижав руками мешок к себе, обернулся.

— Стоп на баке! — изумленно произнес Василий. — Це ж наш старый знакомый, боцман Диденко. Вот так встреча!

Да, Круг не ошибся. На нас смотрели колючие, злые глаза Диденко. Та же русая бородка, те же морской китель и фуражка, только заметно потрепанные. Боцман скрылся с корабля в первый день Февральской революции, боясь расправы за лютое обращение с командой. И вот повстречался на нашем пути.

— Морячки, полундра, боцман Диденко дрейфует туточки! — слышался из вагона бас Василия Круга.

— Тащи его, гада, сюда! — гневно кричали авроровцы, толпившиеся около вагона.

Голоса становились все более угрожающими. Наиболее темпераментные матросы лезли в вагон, чтобы расправиться с Диденко. Страсти так накалились, что, казалось, на его голову обрушится самосуд. Но в этот момент подошел комиссар Давыдов. Он властно скомандовал:

— Никакой анархии, балтийцы! А боцмана — в чрезвычайку!

Силой оружия разогнав разбушевавшуюся толпу, мы окружили Диденко и повели по перрону. Вслед неслись угрозы, ругательства:

— Бей его!

— К стенке дракона!

Бодман испуганно втянул голову в плечи, брел, тяжело волоча ноги. Приклад винтовки Сеппа подгонял его.

Вагон с продовольствием, где ехал Диденко, отцепили и опечатали. Немало было отобрано у спекулянтов кулей и узлов с мукой, сухарями, крупой и в других вагонах. Все реквизированное было сдано в продотдел.

Вечером по эшелону разнеслась весть: отряд направляются вовсе не на Урал, а на север, к Архангельску. Это известие передавалось из одного вагона в другой, внося сумятицу и недовольство. Перемена курса была вызвана тем, что в Архангельске внезапно высадились американские, английские и французские войска. Белогвардейцы с помощью иностранных штыков подняли мятеж, свергли Советскую власть и создали марионеточное буржуазное правительство Севера России во главе с политическим авантюристом Чайковским.

Из Архангельска американские и английские войска стали продвигаться на юг: по Северной Двине — к Котласу и по железной дороге — на Вологду. Командование союзников ставило целью вторгнуться в глубь России, захватить Вятку, соединиться с колчаковской армией, которая действовала на Восточном фронте, а потом прорваться к сердцу страны — Москве.

Осенью 1918 года враг насчитывал на Севере более 30 тысяч вооруженных солдат и офицеров, из которых большинство составляли иностранные интервенты.

На северном направлении, к Архангельску, наших войск почти не было. Только в Вологде оказался 2-й Экспедиционный отряд моряков Балтийского флота. На него и надеялось наше командование. Направляя нас на север, оно рассчитывало задержать продвижение интервентов, не допустить их до Вологды. Не всем это было ясно, и многие матросы считали себя обманутыми, возмущенно кричали:

— Даешь Урал! Не хотим ехать в тундру!

Проходя с Василием Кругом мимо вагона, где было особенно шумно, мы остановились. Потом зашли в вагон.

— Шо тут за буза, хлопцы? — спросил Круг, но, смекнув в чем дело, резко сказал: — Кто мы с вами, солдаты революции чи анархистска банда? Разве вы не разумеете, что в Архангельске тот же лютый враг, як и на Украине и Урале? Не допустим чужеземцев пановать над нами.

Матрос с «Изяслава», мордастый, усатый, в офицерской фуражке, озлобленно кричал, размахивая руками:

— Что ты нам баланду про иностранцев заливаешь? Не поедем в тундру — и баста!

Эти слова подлили масла в огонь.

— Одурачивают нас, не поедем...

В компании крикунов я с удивлением заметил авроровца Василия Жукова. Это был скромный, тихий парень. Поддавшись общему настроению, он горланил:

— Вертайте эшелон на Урал!

В вагон вошел Давыдов. Кивнув на мордастого матроса с «Изяслава», комиссар громко сказал:

— Этого типа я задержал недавно за спекуляцию. Сегодня он торгует сапогами и башлатами, а завтра за медные пятаки продаст Советскую власть. Нельзя ему доверять оружие, защиту революции. — Потом стал разъяснять обстановку: — На Севере сегодня жарко от огня интервентов. Товарищ Ленин приказал нам задержать продвижение врага и вышвырнуть его с русской земли. И мы это сделаем. А кто не хочет защищать революцию — пусть не болтается под ногами.

Комиссар отряда, коммунисты разошлись по вагонам, беседовали по душам с матросами. Недовольство постепенно стихло, но кое-где баламуты и ворчуны еще мутили воду.

Командиром нашего отряда назначили бывшего офицера царской армии Шиманского. Был он одет в форму морского офицера — не хватало только погон и кокарды на фуражке. Матросы относились к нему подозрительно, с недоверием. Шиманский это чувствовал, нервничал, командирскую строгость иногда подменял мелкими придириками.

И вот эшелон двинулся на север. На станции Плесецкая беженцы сообщили, что интервенты заняли Холмогоры и ближайшую от нас железнодорожную станцию. Эти вести озадачили нас.

Разделившись поротно, отряд по обочинам железной дороги двинулся навстречу врагу. Клочковые серые тучи ползли над лесом. Временами выглядывало блеклое солнце, по скоро скрывалось, моросил дождь. Сурова природа Севера: леса, болота с трясинами, поросшие ржавой осой, тучи лютых комаров и мошкар. Кажется, нет от них спасения.

Взвод авроровцев и хивинцев шел дозором. Ступали по кочкам, пробирались через зыбкие болота, чахлый лес, колючий кустарник. Мне, уроженцу Северного Урала, все это было привычным, но большинству матросов приходилось тяжело. Они спотыкались о корневища деревьев, застревали в трясинах.

Вот, проходя через болото, увяз в грязи Круг. Подоспевший Сепп вытащил его.

— Вот бисова дыра, — ворчал он, счищая с сапог болотную грязь.

— Ты сейчас, Вася, похож на болотного черта, — подтрунивал Карл.

В лесу послышался треск. Притаившись, залегли. Вдали на поляне появился неизвестный человек, за ним еще четверо, одетые в порванную матросскую форму. Люди шли медленно, с трудом передвигая ноги. Как только группа приблизилась, кто-то из наших властно скомандовал:

— Стой, руки вверх!

Увидев матросов, люди радостно закричали, перебивая друг друга:

— Браточки, да мы же свои, из Архангельска бежим, на «Святогоре» служили. Неделю по болотам скитаемся. От голодухи гибнем.

Мы молча развязали вещевые мешки, достали сухари, селедку. Беглецы с жадностью набросились на еду.

— Рассказывайте, где контра? — спросил я их.

— Видели на соседней станции, — ответил скуластый, обросший рыжей щетиной матрос. — Там у них под парами бронепоезд стоял... Хотели было мы мост на железке спалить, да спичек не было.

Выслушав беглецов, под охраной Осина и Гаврилюка отправили их к комиссару. Взвод же двинулся дальше по направлению к мосту. Через полчаса добрались до речки с заболоченными берегами. Увидели и деревянный мост. Набросали под мост сушняку, сухой березовой коры. С нетерпением ждем решения командира отряда, как быть с мостом.

Вдали послышался гул приближающегося поезда. Что же делать? Шум поезда все ближе и ближе. Решаем поджигать. Как порох, вспыхнула березовая кора, загорелся сушняк. Языки пламени поползли по стропилам. Над мостом взметнулся дым.

Бронепоезд, не дойдя до моста, остановился. Угрожающе задвигались стволы пушек и пулеметов. Постояв немного, бронепоезд дал задний ход.

Было ясно, что близка встреча с врагом. Стали быстро окапываться. На противоположном берегу реки появился противник. В это же время подошел бронепоезд и открыл артиллерийский огонь. Из-за леса показались самолеты с английскими знаками и начали сбрасывать бомбы на наши позиции, поливать их пулеметным дождем. Лес стонал от глухих взрывов. Мы залегли в окопах. Не стреляли. Так приказал командир отряда.

— Не для охоты ли на зайцев Шиманский бережет патроны? — с обидой проворчал Сепп.

Василий Круг едко заметил:

— Эти царские офицеры в печенках у меня сидят... Не верю я Шиманскому... Бачили, яким фёртом он выглядел в Вологде?

На противоположном берегу маячили люди в зеленых шинелях. Перебегая от дерева к дереву, англичане и американцы с опаской приближались к реке. В это время к нам подоспело подкрепление во главе с комиссаром.

— Приготовиться к открытию огня, — пошло по цепи распоряжение Давыдова.

Подпустив врага к заболоченному берегу, открыли по нему дружный залповый огонь. Зеленые шинели шарахнулись, поползли.

Три дня и три ночи интервенты атаковали наши позиции. Матросы стояли в болоте по колено в воде и грязи, их терзали усталость, голод, комары. Не было горячей пищи. Сухари берегли, как и патроны.

Переползая от одного окопа к другому, комиссар говорил:

— Братцы, не отдадим врагу и вершка родной земли. Выкурим чужеземцев!

И враг не прошел. Немало оккупантов сложили свои головы в этом лесном краю. Выросло тут и несколько могильных холмиков балтийцев.

На станции Обозерская командование развернуло в эшелоне госпиталь. С разрешения ротного командира в час затишья мы с Сеппом отправились проведать раненого Матвея Осина. Увидев нас, он расчувствовался:

— Здорово, други! У меня все в порядке, пуля-то оказалась добрая, кость не задела, только вот проды-

явила руку. Хочется скорее к вам. Как ваша окопная жизнь?

— Олл райт, — шутил ответил Сени по-английски. — Для начала «гостям» крепко наклепали... А мы, друже, тебе кое-что принесли.

Матвей взялся за мешок, стал его развязывать. Оттуда выпала и раскрылась небольшая книжка. На титульном листе красовалась надпись: «На память другу. Лиза». Матвей взял книжку, прочитал надпись. Задумался. Видимо, думал о дочери Пермякова, погибшей при штурме Зимнего дворца.

Поговорив с полчаса, мы ушли. На станционной платформе встретили комиссара.

— Вот кстати, вы мне так нужны! — обрадовался он. — Требуется надежные ребята.

Мы пошли к последнему вагону эшелона, в котором помещался комиссар.

— Авроровцы все живы? — спросил Давыдов.

— Только ранен Осин. Как раз сейчас от него.

— Встречный бой мы выиграли, — продолжал комиссар уже в вагоне. — Но интервенты не унимаются. Есть данные, что в тыл к нам движутся американцы. Их ведет белогвардейский офицер, знающий здешние места, вот по этой дороге. — Давыдов показал ее на карте. — По ней можно пройти и летом... Сдается мне, метят они выйти вот сюда и окружить нас. Ты, Неволин, пойдешь туда со своим взводом. Воевать будешь вместе с матросами из 1-го Берегового отряда. Учти, что это необстрелянная молодежь, но их командир Авакумов — бывалый фронтовик. Устроим чужестранцам засаду. А сейчас познакомлю тебя с партизанским связным. Договорились с ним о совместных действиях.

— Бурлаченко! — позвал комиссар ординарца.

— Есть, Бурлаченко! — И тут же появился Сеня. Увидев нас, он по-мальчишески застенчиво улыбнулся и вытянулся в ожидании приказа.

— Позови-ка быстрее партизана.

— Есть. — И Сеня бросился из вагона.

Через несколько минут вошел партизанский связной, высокий худощавый парень с живыми карими глазами, с американским кольцом за поясом. Он рассказал, что противник движется по дороге на ста пятидесяти подводах.

На каждой повозке по четыре человека. Впереди авангард, человек в пятьдесят — шестьдесят.

— Мы идем по следам врага, — сказал связной. — Партизан у нас около сотни... Народ отчаянный, лихой, по-северному дюжий.

Внимательно выслушав парня, я спросил его, в каком месте лучше всего устроить засаду, чтобы общими силами разбить вражеский отряд.

— Есть тут хорошее местечко... Топкое болото, через него дорога идет по гати, а потом между крутым косогором и краем болота. На подводах в сторону не свернешь, а если сорвешься — крышка. Хорошо бы вам американцев на косогоре встретить, а мы их с гати не пустим. Вот они и попадут в ловушку.

— Да, вроде место подходящее. А ночью они идут?

— Страхатся, отсиживаются в обороне.

— Как вы думаете, когда они подойдут к болоту?

— Видимо, завтра к полудню...

— Значит, надо спешить... Ночью найдете дорогу?

— Найду, это проще простого.

Через час встретился с Авакумовым. Это был высокий, статный человек лет тридцати, одетый в матросский бушлат и бескозырку, на ногах высокие сапоги. Познакомил Авакумова с обстановкой, договорились обо всем.

Солнце стояло еще высоко, когда наш отряд, примерно в сотню матросов, двинулся навстречу врагу. Шли по лесной дороге, заросшей травой. Впереди шагал связной партизанского отряда. Тени становились длиннее и длиннее. Облака и деревья окрашивались в алые, малиновые и огненные цвета. Чем больше темнело, тем таинственнее становилась природа. С наступлением ночи лес затих, только где-то вдали ухал филин да чуть слышно попискивали птицы; в просветах между деревьями, на фоне звездного неба, мелькали летучие мыши.

— Как у нас на Урале, — сказал я Василию, тронув его рукой.

Мне вспомнились таежные леса, лога, буйные речушки. Давно уже не был в родных местах. И когда буду?

В темноте двигались медленно. Люди часто спотыкались о корни и сучья деревьев, некоторые падали и ругались. Всю ночь провели в пути, делая лишь короткие остановки для отдыха.

На одном из привалов агитатор заговорил об обстановке на фронтах.

— Ты лучше скажи, паря, когда закончится эта проклятая дорога? Ни людей, ни зверей, лес да болото, — ворчал белобрысый новобранец, закручивая обмотки.

Белобрысого поддержал матрос Матвеев из 1-го Берегового отряда:

— Надо уговорить братву вернуться... Ко всем чертям эту лесную войну!

— Не воюем, а грязь месим, — отозвался долговязый матрос.

— Эх вы, трусливая команда! — проговорил Круг. — Стыдно за вас...

Мимо проходил Авакумов.

— Что у вас за спор? — спросил он Василия.

— Да вот болото эти изнеженные хлопцы встретили, ну и порешили повернуть обратно, — показал Круг на Матвеева.

— Встать! — приказал Авакумов.

Побледневший, с дрожащими губами Матвеев вскочил, забыв поднять винтовку. Белобрысый повобранец вобрал голову в плечи и растерянно моргал.

Среди матросов поднялся шум. Слышались раздраженные голоса:

— Чего с ними возиться, в расход их!

Авакумов с презрением посмотрел на паникеров, с досадой плюнул и сказал:

— Я имею право именем революции расстреливать дезертиров и паникеров. Но посмотрим, как вы себя поведете в бою... — Немного помолчав, скомандовал: — Отчаливай!

Отряд двинулся дальше. Примерно к десяти часам утра подошли к косогору и принялись рыть окопчики. Вдали виднелась дорога, проходившая по краю болота, над ней нависал косогор. На флангах установили два ручных пулемета. Место для засады оказалось очень удобным.

Уставшие от трудного перехода бойцы крепко спали. Только два наблюдателя с высокого дерева зорко осматривали в бинокль дорогу. Вскоре от них поступило донесение: появилась вражеская колонна. Взобравшись на ветвистую ель, мы с Авакумовым увидели идущих по

выжженному участку леса трех солдат, а за ними поодаль двигался отряд в сорок — пятьдесят человек.

— Это разведка, а впереди дозор, — уверенно сказал Авакумов.

Отряд противника двигался медленно, с опаской осматриваясь по сторонам. Дойдя до болота, дозорные стали в бинокли рассматривать дорогу и косогор. Подошла вся группа разведчиков, рассыпалась цепью и залегла. Дозор двинулся вперед через болото, по гати, внимательно просматривая ее, видимо проверяя, могут ли проехать по ней подводы.

Тем временем наш отряд был приведен в боевую готовность. Мы замерли в окопчиках: ведь любая неосторожность могла сорвать замысел.

Неприятельский дозор перешел болото, вступил на твердую землю, залег.

— Неужели заметили нас? — встревожился Авакумов.

— Не думаю, — возразил я. — Просто решили отдохнуть. Рады, что благополучно перешли болото...

И действительно, вскоре дозорные поднялись и, осматривая косогор, пошли по дороге дальше. Вот поднялась и разведка противника, стала переходить болото.

— Попов, передай ребятам: разведку пропустить! — шепотом приказал Авакумов наблюдателю.

Когда разведка прошла половину болота, на дороге показались подводы с солдатами. Это были основные силы врага. Вот уже слышится громохание телег по неровной гати. От тяжести болото упруго качалось. Защищаясь от мошкеры, солдаты завесили лица и шеи сетками или тряпками с отверстиями для глаз. Станный вид имели эти заокеанские рыцари!

Наконец колонна американских солдат поравнялась с правым флангом нашего отряда.

— Ого-о-нь! — что есть силы крикнул Авакумов.

Грянул дружный залп. За ним второй, третий. На флангах дробно застучали наши пулеметы. Застигнутый врасплох, противник поддался панике. Солдаты бросились от подвод в сторону, залегли. Мы расстреливали их прицельным огнем. На болоте и гати образовалась пробка из подвод. Взбесившиеся лошади с гати попадали в трясины.

Высокий офицер, размахивая пистолетом, пытался раз-

рядить пробку. Я взял его на прицел, выстрелил. Офицер рухнул наземь.

— Ловко ты его подрезал, — заметил лежавший рядом Круг.

— В атаку! — крикнул, поднявшись из-за укрытия и увлекая за собой людей, Авакумов.

Сбросив бунтаты, матросы в тельпяшках стремительно выскакивали из окопов и с косогора мчались лавиной на интервентов. Штыковая атака, по-матросски яростная, сметала все на своем пути.

В коротком бою американская колонна была разгромлена. Всюду валялись трупы чужестранцев. В сумке полковника Хазельдена, убитого мной, оказались важные документы, карты и приказы. Мы захватили 8 пулеметов, много ящиков с патронами, около 400 винтовок, 50 подвод.

Радостные и взволнованные крупной победой, возвратились мы на станцию Обозерская. Но враг решил отомстить нам. В тот же день на наш эшелон налетела авиация противника. Люди укрывались в блиндажах, щелях, забирались под вагоны. Мы с Кругом спрятались за высоким пнем в небольшом окопчике. Политая зажигательной жидкостью с самолетов, станция пылала: горели эшелоны, здания, шпалы, мох. Огонь подбирался к вагонам, нагруженным патронами и взрывчаткой. На бреющем полете авиаторы обстреливали нас из пулеметов, не давая тушить пожар.

Увидев опасность взрыва боеприпасов, я крикнул Василию Кругу:

— Скорее к эшелону!..

Вместе с другими матросами мы отцепили вагоны от поезда, покатали их в безопасное место.

— Молодцы, авроровцы, — похвалил нас после боя комиссар Давыдов.

*Поединок с «кукушками». Клятва Ильичу.
Измена царского офицера.
Лихие матросские атаки.
Северный фронт перестал существовать*

Боевые действия на Севере разгорались. Враг применил новую коварную тактику: ночью неприятельские стрелки забирались на высокие деревья, с которых хорошо просматривались окопы нашего отряда, а на рассвете открывали губительный огонь из автоматических винтовок. Обнаружить «кукушек» среди густых деревьев было трудно. Отряд нес потери.

— Перестреляют нас в этих болотах, как рябчиков, — с горечью поговаривали слаборевные.

Однажды ночью в окопы пришли командир и комиссар отряда. По их совету на рассвете мы подняли на винтовках бескозырки.

И сразу зазвенели выстрелы. Стало ясно: снайперы продолжают наблюдать за окопами.

— Ну, давайте будем думать, как разделаться с «кукушками», — предложил комиссар.

— А не обойти ли врага с тыла? — спросил матрос Попов.

— Работа опасная, — заметил комиссар. — Одной удачей не возьмешь, нужна солдатская споровка.

— Я хоть сейчас пойду, — ответил Попов, — только хорошо бы с напарником.

— Я пойду с тобой, — вызвался Карл.

Попов глянул на него, улыбнулся:

— Не обижайся, Карлуша, но ты не годишься: идешь по лесу, как слон, все под тобой трещит.

— Выбирай, Попов, себе помощника сам, — сказал Давыдов.

Миша оглядел всех нас, кивнул на меня.

— Хорошо, пусть идет Неволин.

Так я попал в охотники за «кукушками».

Моросил холодный дождь. Ветер-бродяга шумел в деревьях. Свинцовые тучи, казалось, задевали вершины сосен. Земля набухла от влаги. Мы медленно продвигались в тыл стрелков, зорко наблюдая за высокими деревьями с густыми ветвями. Вдруг вблизи что-то захлопало, зашумело. Попов бросился в сторону, поцарапал о колючий кустарник щеку, я же упал на землю. Оказалось, что это взлетел испугнутый нами глухарь. Немного отдохнув, помянув недобрым словом шальную птицу, пошли дальше. Вскоре обнаружили сидящего на высокой ели вражеского стрелка. Легли поудобнее, взяли врага на мушку. Когда стрелок стал вести огонь по матросской позиции, я нажал курок. Обламывая сучья, солдат упал с дерева.

В течение дня было уничтожено три «кукушки». С наступлением темноты мы вернулись в отряд, неся автоматические винтовки и патроны. Правду говорят, что почин — великое дело. На охоту за «кукушками» стали выходить и другие матросы.

На позиции наступило затишье. Но нас мучила коварная северная погода: днем нескончаемый дождь, ночью сильные заморозки. Леденели шинели. Появилась цинга и другие болезни. Они начали косить бойцов. Командование разделило отряд на смены: одна дневала в окопах, другая отдыхала на станции, сушила промокшее обмундирование, чистила оружие.

Запомнился день, отмеченный горестным событием. Дул холодный сырой ветер с Белого моря. Лес глухо шумел. Растопив печки в вагонах, матросы отдыхали: читали газеты, чистили оружие. Некоторые, забравшись на нары, спали.

В вагон вбежал Семен Бурлаченко. На лице — тревога.

— Получено сообщение о покушении на товарища Ленина, — громко сказал он.

Весть о покушении на вождя революции подняла всех на ноги, острой болью отозвалась в сердцах людей. Все собрались около штабного вагона. К нам вышел комиссар Давыдов. В руках у него телеграмма.

— Революционные моряки! — громко начал он. — Нас постигло большое несчастье. Несколько часов тому назад в Москве, на заводе Михельсона, совершено покушение на товарища Ленина. После митинга эсерка-террористка Каплан стреляла в нашего Ильича и нанесла ему два ранения. Жизнь Ленина в опасности.

Ряды матросов гневно загудели. Комиссар поднял руку. Шум постепенно стих.

— Покушение на Владимира Ильича — это покушение на Советскую власть, добытую кровью, покушение на революцию... Дадим же, товарищи, клятву — нещадно бить врагов, отомстить за раны Ленина!

Потрясенный известием о покушении на Владимира Ильича, к Давыдову подошел Карл Сепп. Повернувшись лицом к товарищам, волнуясь, сказал:

— Я подаю заявление о вступлении в большевистскую партию...

Послышалось гудение самолетов. Горнист заиграл тревогу. Матросы заняли свои места в окопах.

...В туманное, мгlistое утро командир роты приказал мне с группой матросов отправиться в разведку. Со мной были Сепп, Круг, Емельянов, Гаврилюк и Попов. Перебравшись на противоположный берег реки, осторожно продвигались цепочкой. Идти было тяжело, ноги вязли в мшистом болоте, зябли от студеной воды, попавшей в ботинки. Вышли к поляне.

— Саша, смотри, — тихо заговорил Круг, схватив меня за руку. Там, куда указал Василий, я увидел двух человек с вещевыми мешками за плечами и чемоданами в руках.

— Ложись! — приказал я разведчикам. — Возьмем живыми.

Рассыпавшись в цепь, стали выжидать. Незнакомцы, с опаской передвигаясь между деревьями, приблизились к нам.

— Руки вверх! — крикнул я, направляя на них маузер.

Шедший впереди попытался выхватить из кармана оружие, но Сепп мгновенно ударил его прикладом. Незнакомец свалился, уткнувшись лицом в мох. Второй, увидев направленные на него винтовки, испуганно озираясь, поднял руки.

Не опуская маузера, я спросил:

— Кто вы и куда идете?

Губы у незнакомца задрожали, на щеках выступили красноватые пятна. Заикаясь, он ответил:

— М-м-мы п-п-парламентеры...

— Обыскать их!

В карманах у незнакомцев нашли пистолеты и гранаты. Сняли с них вещевые мешки. В них оказалось продо-

вольствие и одежда. Лежавший на земле неожиданно закричал:

— Какое вы имеете право с нами так обращаться! Мы направлены из Москвы вести переговоры с американцами и англичанами. У нас есть мандаты! Немедленно отпустите нас, иначе вас расстреляют...

— Стоп якорь! Успокойтесь, гражданин, — прервал Круг поток гневных слов. — Посмотрим ваши документы и решим...

В бумажнике, набитом керенками¹, я нашел пропуск, в котором говорилось, что граждане Иван Сергеевич Петров и Андрей Александрович Новосельцев направляются к англо-американскому командованию для ведения переговоров о перемирии. Пропуск был подписан командиром нашего отряда Шиманским. На месте подписи комиссара стояла непонятная закорючка. Зная, как расписывается Давыдов, я сказал:

— Пропуск недействителен, это фальшивка!

— Да вы с ума сопли! — возмутился Петров. — Разве читать не умеете?

Тем временем Круг внимательно осматривал чемоданы. Они показались ему подозрительными. Василийковырнул дно одного из чемоданов ножом.

— А, голубчики, дно-то двойное...

В чемоданах оказались золотые браслеты, кольца, серьги, часы, цепочки и царские монеты. С любопытством рассматривали мы драгоценности. И вдруг «парламентер» Петров заговорил плаксивым голосом:

— Братцы морячки, возьмите все себе, только нас отпустите.

— Вот каким голосом запел, буржуй! — взорвался Сепи. — Золото принадлежит Советской власти, мы сдадим его куда следует. Да и вас, господа бродяги, тоже отправим куда надо...

— За что же вы нас губите, — хныкал Петров.

Было ясно, что беглецы из «бывших», как тогда называли капиталистов. Их связь с Шиманским нас особенно не удивила. Бывший офицер царской армии вел опасную двойную игру, колебался и никак не мог решить, к какому берегу пристать.

---

¹ Деньги, выпущенные Временным правительством.

Через час мы докладывали комиссару (командира не наши) о результатах разведки и поимке лазутчиков. Алексей Иванович слушал внимательно и, когда речь зашла о пропуске, сказал задумчиво:

— Да, теперь понятно, почему он интересовался, через какой фланг пошла разведка... — И уже решительно приказал: — Перебежчиков и золото сдайте уполномоченному ЧК...

По распоряжению комиссара нас оставили в вагоне на отдых. Только расположились, вдруг с шумом открылась дверь, и в купе ворвалось несколько красноармейцев. Один из них, размахивая револьвером, громко объявил:

— Вы арестованы!

Конвоиры угрожающе направили на нас винтовки. Ошеломленные, мы неподвижно застыли на своих местах. Подавляя волнение, я спросил:

— По чьему приказанию арестуете?

— По приказу командира отряда Шиманского.

— А комиссар об этом знает?

— Это не наше дело... Пошли!

Я взглянул на товарищей. Они готовы дать отпор, но это было бы опрометчиво: мы ни в чем не виноваты.

— Пойдем, ребята, — с горечью сказал я, направляясь к выходу из вагона. — Тут какое-то недоразумение.

Мы шли по территории станции, сопровождаемые удивленными взглядами бойцов. На пути встретился Бурлаченко. Я крикнул ему:

— Сеня, доложи комиссару: Шиманский нас арестовал.

Бурлаченко бегом бросился к штабному вагону.

Нас подвели к вырытому в земле погребу, приказали спуститься вниз. Дверь закрыли на замок и подперли ее толстым поленом. В помещении было душно, сыро, пахло гнилыми овощами.

— Эх и влипли же! — с досадой сказал Попов.

— Совесть наша чиста, — пытался я успокоить товарищей. — Давыдов не позволит с нами расправиться.

— Если Бурлаченко успеет доложить. А вдруг Давыдова тут нет?

Этот вопрос мучил и меня.

Мы сидели в крошечной темноте и прислушивались к звукам, доносившимся через дверь. Слышно было, как шагал часовой, охранявший нас. Время текло медленно.

Несмотря на усталость, никто из нас не спал. Под утро слышались чьи-то торопливые шаги. Тревога охватила меня, я решил, что выбора нет, и тихо сказал:

— Если поведут на расстрел — разбегайтесь в разные стороны, в лес, потом пробираться на Плесецкую.

Загремел замок, заскрипела на ржавых петлях дверь. Послышался голос Алексея Ивановича:

— Выходите, товарищи!

Толкая друг друга, счастливые, выскакивали мы из погреба. Каждый старался крепко пожать руку избавителю.

— Полноте, ребята! — смутился комиссар. — Не меня, а вот его, моего ординарца, благодарите: он за мной на Плесецкую махнул.

Мы бросились к Сене, стали его обнимать.

— Вы, друзья, родились в сорочках, — сообщил комиссар. — Ведь был уже подготовлен взвод, чтобы отвести вас в лес и...

В этот день мы узнали, что Шиманский арестован как предатель. Вместо него назначен Гирейкевич, командир первой роты отряда. Пойманные «парламентеры» оказались белогвардейскими агентами. При содействии Шиманского они пробрались к американцам.

Позже мы узнали о Шиманском более подробно. Выходец из помещиков-дворян, во время первой мировой войны он служил в гвардейской морской пехоте, был награжден Георгиевским крестом. В общении с матросами придерживался либеральных взглядов. Видимо, поэтому в дни Февральской революции его выбрали командиром Гвардейского флотского экипажа. Позже в этой части свила гнездо эсеровская партия, членом которой стал Шиманский. После Октябрьской революции Гвардейский флотский экипаж переименовали в 1-й Береговой отряд Балтийского флота. Командиром в нем остался Шиманский. Потом он возглавил наш отряд. Знающий военный специалист, опытный оратор, он был тайным врагом революции. Только благодаря бдительности комиссара его удалось разоблачить и обезвредить.

Велико было негодование балтийцев, когда они узнали о предательстве командира.

— Хорошо, что попался, гад, а то бы несдобровать нам, — говорили бойцы.

Этот случай еще сильнее сплотил отряд вокруг большевиков.

...День с утра установился погожий. Щедро светило солнце. Ветер слегка покачивал ветви деревьев, шелестел в пожелтевшей траве. Матросы второй роты, отдохавшие на станции Обозерская, обрадовались солнечной погоде, вышли из вагонов. Вдруг заметили стремглав бегущего к станции человека.

— Видно, что-то недоброе случилось, — проговорил кто-то из матросов.

— Нашу роту окружили! — выпалил запыхавшийся связной.

Мы поспешили на помощь попавшим в беду товарищам. Бежали по лесной тропе, ветви деревьев яростно хлестали по липу. Вот донеслась гулкая винтовочная и пулеметная трель. Командир роты Дукачев приказал:

— Неволин, узнайте, что за стрельба!

Со мной пошли Сепп, Круг и Осин. Осторожно пробираемся по хвойной чащобе. В стороне неприятельских позиций послышалось пыхтение паровоза. Это подошел бронепоезд. Мы вышли на просеку, с которой хорошо просматривалась железная дорога.

— Смотрите, ребята, что там такое? — с тревогой шепнул Осин.

Метрах в ста увидели группу людей, торопливо роющих окопы. На железнодорожной насыпи маячил высокий человек.

— Может, это наши из первой роты? — неуверенно сказал Осин.

Решили подойти поближе, но как только вышли из-за кустов, нас сразу же заметил человек с насыпи и что-то крикнул.

Застучал пулемет, обстригая над нашими головами ветки кустов. Мы ползком удалялись с просеки в густой лес. Выбравшись на тропу, нашли свою роту. Я доложил Дукачеву обстановку. Командир роты поморщился недовольно и сказал:

— Очень плохо, что дали себя обнаружить. Ведь мы могли напасть на них внезапно, а сейчас... Но все-таки пробуем атаковать, — решил Дукачев. — Надо хоть отвлечь их от первой роты...

Выйдя по просеке к железной дороге, рота с криком «ура» бросилась на противника. В ответ интервенты от-

крыли пулеметный и винтовочный огонь. Вскоре загрохотала артиллерия бронепоезда. Рота отошла в лес, унося раненых.

Вечером в штабном вагоне собрались взводные командиры. Все настороженно молчали. Чувствовалась усталость. Гирейкевич озабоченно заговорил:

— Положение на нашем фронте осложнилось. Воинская часть, занимавшая позицию справа от нас, перешла на сторону противника... В этой части на командные должности пробрались белогвардейцы. Американцы могут зайти нам в тыл...

Сообщение командира насторожило всех.

— Силенок у нас мало, — заметил кто-то. — Перебьют нас, как куропаток.

— Что же, дураков и в церкви бьют. С умом надо драться, — встал из-за стола Давыдов. — К тому же на помощь нам идет батальон латышских стрелков. Вместе выстоим.

Вспомнив что-то, комиссар расстегнул плащ, достал оттуда лист бумаги. Это было обращение балтийских моряков.

— Только получил. Давайте прочитаем. «Горячий привет славным революционным бойцам отряда Красной Балтики, — звучал в вагоне голос Давыдова. — На кораблях с восторгом читают каждую весточку, гордятся тем, что с честью выдерживаете натиск враждебных революции банд и побеждаете их. Твердо убеждены, что с честью выполните порученное революцией и Красным Флотом дело, разгромите врагов Советской власти. Помните, что сердца всего флота бьются вместе с вашими сердцами. Ваши победы — есть наши победы, ваша слава — есть слава флота Балтики...» Видите, какие надежды возложены на нас, а тут кое-кто нос вешает, — заключил комиссар.

Едва он закончил, как открыла стрельбу неприятельская артиллерия, появились самолеты. Мы бросились к своим взводам. На дороге увидели латышских стрелков, только что прибывших в наше расположение. Вместе с ними пошли в атаку. Я бежал впереди взвода. Вдруг раздался грохот. Вздрыбленная земля и дым скрыли окружающее. Меня ударило, оглушило. Силушь удержаться на ногах, но они не держат, проваливаюсь в какую-то пустоту. «Неужели смерть?» — мелькнула в голове мысль.

Очнулся на четвертые сутки. Надо мной склонилась Полина. Она улыбалась. Я мучительно старался припомнить, что же случилось со мной, почему я здесь.

— А где Василий? — спросил я и удивился слабости своего голоса.

— Вам пельзя разговаривать, — мягко и повелительно сказала девушка. — Вы ранены в голову. Лежите спокойно...

Я закрыл глаза и быстро уснул. На другой день мне стало легче. Осмотревшись, увидел еще четырех раненых. Попытался поправить одеяло, но пальцы левой руки не слушались.

Вошла Полина:

— Добрый день! Как себя чувствуете?

— Хорошо, только вот пальцы на руке не действуют. Девушка стала сжимать и разжимать их.

— Не больно?

— Нет...

— Скоро будет обход, доктор сделает, что нужно. — Потом она спросила: — Когда вы видели Васю?

— В день ранения мы были вместе... А вы как сюда попали?

— Захотела попасть, вот и попала. — И Полина лукаво улыбнулась.

Она рассказала, как тосковала после отъезда Васи, писала ему письма и не отправляла. А в это время заболела и умерла ее мать. По совету тети девушка пошла на «Хивинец». Там сказали, что отряд, в котором находился Василий Круг, воюет на Севере. Полина окончила курсы медсестер и уехала на фронт. Так она оказалась у нас.

Хотя рана на голове зажила, пальцы левой руки не слушались. Врачи не надеялись на мое быстрое выздоровление.

Однажды в ненастное утро в палату вошли мои закадычные друзья — Сеп и Круг.

— Здорово, Саша! — закричал Карл. Его густой баритон, казалось, заполнил все помещение.

— Тихе, Карлуша, — сказал я, кивнув на тяжело раненных соседей по палате.

— Ничего, братва, не стесняйтесь. Тишина до чертиков надоела, — молвил матрос с «Петропавловска».

— А ты, Вася, и не догадываешься: тебя ждет такая встреча!

Круг с любопытством глянул на меня:

— Ну яка там еще встреча?

— Подожди, узнаешь...

Вскоре в палату вошла Полина. Вася вскочил, будто подброшенный пружиной.

— Поля! Какими судьбами?

Гордо подняв голову, подавляя волнение, она сказала:

— Только я вас, товарищ Круг, не признаю... Где же обещанные письма?

Мой друг растерялся, но, увидев, что глаза девушки светятся добротой, успокоился.

Мое здоровье пошло на поправку, когда Сеня сообщил по секрету, что наш отряд направляют на реку Вагу, на шенкурское направление. С большим трудом удалось уговорить главного врача, и он отпустил меня в отряд.

— Вовремя явились, — обрадовался Гирейкевич. — Принимайте команду разведчиков.

По ходатайству комиссара Полину из армейского госпиталя перевели к нам, в санитарную часть отряда.

Через несколько дней отряд добрался до города Вельска. После отдыха двинулись по тракту, вниз по реке Ваге. В пятидесяти верстах от Вельска отряд встретил отступающих красноармейцев. Обутые в лапти, с котомками за плечами, они угрюмо брели, сами не зная куда.

— У американцев пушки, бомбометы, авиация, а у нас только винтовки да два пулемета... Как тут воевать? — сокрушались бойцы, с завистью оглядывая матросов, их добротное обмундирование.

Гирейкевич предложил красноармейцам присоединиться к отряду и вернуться на позиции. Большинство согласилось. Из них сформировали отдельную роту.

Разведка установила, что белогвардейцы имеют на нашем участке до тысячи солдат, десять пушек, большое количество пулеметов и бомбометов. Кроме того, у них в резерве было до пятидесяти белых казаков.

— Да, трудновато нам будет. Ведь у нас в отряде всего триста пятьдесят матросов и сто пятьдесят красноармейцев. Но ничего, бывало и хуже, — заключил Гирейкевич.

Завязались тяжелые бои. День и ночь, применяя партизанскую тактику, изматывали мы силы противника внезапными атаками. Солдаты-чужестранцы в непривычных для себя условиях — бои шли в лесах и болотах — не вы-

держали напряжения борьбы, пачали отступать. Отряд неотступно преследовал интервентов. С боями продвигались два дня. Но вот дозор сообщил, что американцы остановились и поспешно возводят укрепления на подступах к деревне Усть-Паденьга. Решили пока их не трогать. На участке отряда наступило затишье.

Однажды в отряд пришел командир местных партизан Десятников, сухощавый, жилистый, с задумчивыми синими глазами. Гирейкевич решил отправить часть своих разведчиков вместе с партизанами, чтобы внезапными налетами и диверсиями на коммуникациях дезорганизовать тылы врага.

Ночью наша разведгруппа соединилась с партизанами, и вместе мы двинулись в тыл противника. На утлых лодках, добытых у крестьян, с грехом пополам переправились через быструю и полноводную от осенних дождей Вагу. Впереди широко раскинулаеь тайга. Дремучий лес то и дело сменялся болотом, иногда буреломом. Перелезешь через мшистое сучковатое дерево, а рядом другое, третье.

В вечерние сумерки подошли к озеру и остановились на привал. Вокруг стояли вековые лохматые ели, на которых висели гирлянды лишайников. Развели костры, сварили ужин. Утомленные тяжелым переходом, люди скоро уснули. Бодрствовали лишь часовые.

Ранним утром все проснулись от холода. Согревшись горячим чаем, заваренным шиповником и малиной, двинулись дальше. Пересекли дорогу, связывающую передовые позиции врага с городом Шенкурск. Вскоре у большака засели в засаду. Было холодно, колючий северный ветер пронизывал до костей.

На дороге показался обоз. Впереди двигалось шесть военных повозок, в середине — пятнадцать крестьянских телег, а за ними — спова военные повозки. В голове и хвосте — вооруженные солдаты, а в середине — крестьяне. Захватить такой обоз довольно трудно, но и упустить его не хотелось. На повороте группа разведчиков преградила обозу путь. Блеснули штыки винтовок, грянули выстрелы. Потом матросы ринулись в атаку. Застигнутые врасплох, американцы почти не сопротивлялись. Мы захватили у врага стрелковое оружие, патроны, гранаты, продовольствие, обмундирование. Все это спрятали в лесу. Крестьян-возчиков отпустили по домам.

— Что же делать с пленными? Ведь они свяжут нас по рукам и ногам.

— Пустить их в расход — и точка, — предложил Осин и взялся за гранату.

Поняв, о чем идет речь, американцы втянули головы в плечи, с испугом смотрели на матросов.

— Загнать их подальше в лес, пусть вам землянки роют, — предложил партизан дядя Михай.

Так и порешили.

После этого наш отряд разгромил еще несколько вражеских обозов.

Крестьяне окружающих сел и деревень сообщили, что противник усиливает свои гарнизоны, готовится окружить и уничтожить нас. Надо было уходить на свою территорию. Но прежде чем покинуть район, решили уничтожить штаб белых, находившийся в доме лесничества, на левом берегу Ваги, около Усть-Паденьги. Чтобы скрытно подойти к противнику, переправились на правый берег. Идти было тяжело, так как болота еще не замерзли. Проваливались иногда по пояс в ледяную воду.

Вот на высоком берегу Ваги замаячило двухэтажное деревянное здание лесничества. От противника нас отделяли река да заболоченная береговая полоса, холмы Усть-Паденьги. Подобравшись ближе, увидели солдат. До нас доносились их оживленный разговор и смех. У коновязи под седлами стояло около десяти лошадей.

Противник, считая правый берег реки непроходимым из-за топких болот, даже не выдвинул боевое охранение. Это дало нам возможность совсем близко подойти к штабу. Спрятавшись за кустами, ждали сигнала к открытию огня.

И вот прозвучала команда. Раздался дружный залп винтовок. На флангах застрекотали пулеметы. Около штаба поднялась суматоха, послышались истошные крики, люди выпрыгивали из окон, бросались к коням, но, скошенные пулями, мешками валились наземь. Лошади металась без седоков.

В этом бою неприятель потерял десятки солдат и офицеров.

Разгромив врага, отряд уходил на свою базу. Мы торопились, так как были уверены, что противник начнет преследование. В крутой излучине решили форсировать реку. К несчастью, пошел снег и противнику удалось нас обна-

ружить. Переправиться успела только половина людей. Нужно было во что бы то ни стало задержать врага.

— Ну, что будем делать? — с тревогой спросил меня Десятников.

Я вспомнил, что в излучине реки, у перешейка, есть окоп с пулеметным гнездом. Надо быстро занять его и попытаться задержать врага.

— Я возьму с собой Сеппа и Осина. А вы, когда закончите переправу, дадите ракету.

Лицо Десятникова посуровело.

— Нет, так не годится.. Ты должен быть здесь, с матросами.

В боевой заслон пошли Сепп, Осин и Жуков. Тяжело было посылать друзей на столь опасное дело, но что поделаешь? Да и верилось, что бывалые моряки выдержат испытание.

Когда через реку переправлялись наши последние разведчики, противник открыл артиллерийский огонь по излучине и месту переправы. Десятников выпустил зеленую ракету.

Стрельба в излучине не прекращалась. Между тем надвигалась ночь. Ветер разогнал тяжелые снеговые тучи. Выглянула луна и залила мертвенным белесым светом лес и темную полосу реки. Вот в излучине умолк один наш пулемет, а потом и второй. Настала гнетущая тишина. Она пугала своей неизвестностью.

Отряд поспешно втягивался в лес. На переправе оставалась только небольшая группа разведчиков. Она поджидала тройку наших смельчаков — Сеппа, Осина и Жукова. Прошло около часа, но они не появлялись.

— Эх, погибли, видно, ребята, — с горечью проговорил кто-то.

Острая боль резанула сердце. Я сердился на себя за то, что не пошел с ними.

Но вот на противоположном берегу в кустах показался Сепп. Он шел пошатываясь и нес на плечах Осина. Разыскав припрятанную лодку, Карл бережно уложил в нее Матвея.

— Где же Жуков? Неужели погиб?

Внезапно из кустов выскочил Жуков, с ходу прыгнул в лодку. Под сильными взмахами весел она быстро вышла на середину реки. Появившиеся на берегу американцы открыли по лодке стрельбу, но она была уже далеко.

Когда лодка подошла к берегу, матросы подхватили товарищей на руки. Полина быстро перевязала им раны. Противник открыл артиллерийский огонь, но преследовать нас не решился. Мы шли усталые, почерпевшие от гари, но счастливые сознанием исполненного долга.

Впереди двигались партизаны, одетые в английское обмундирование, обвешанные американским оружием. Затем тянулись пленные, неся на носилках раненых матросов и партизан. В конце колонны шли разведчики, тоже в английском обмундировании, только на головах матросские бескозырки с ленточками.

Командование отряда осталось довольно действиями разведчиков в тылу врага. Наш совместный с партизанами рейд заставил интервентов оттянуть силы с решающих участков фронта.

После сурового боевого похода мы получили несколько дней отдыха. За это время успели подружиться с местным населением. Особенно всем понравилась учительница из соседнего села Аня. Это была веселая, общительная девушка. Ее синие глаза и белокурые косы волновали не одного матроса. Приглянулась она и Сеппу.

Смелый и находчивый в бою, он терялся и краснел при виде девушки. Ане, видимо, тоже нравился застенчивый матрос. Сепп часто провожал ее домой. Друзья подшучивали над ним:

— Пропал, Карл, взяла тебя в плен северянка!

Однажды вечером мы решили навестить Аню. Василий Круг с Полиной ушли раньше. Сепп, Гаврилюк и я отправились несколько позднее. На полпути к селу встретили мальчика.

— Дядечки, подождите идти, там американцы...

Мы остановились, встревоженно переглядываясь. Вдали, на пригорке, показались какие-то люди. Заметив нас, они бросились в разные стороны от дороги и открыли огонь. Не отвечая на выстрелы, мы свернули в лес, быстро вернулись в отряд.

Я доложил командиру, что разведчик Круг и медсестра Полина попали в беду, и попросил разрешения с группой разведчиков пойти им на выручку. Лицо Гирейкевича потемнело, брови сдвинулись.

С минуту помолчав, он решительно сказал:

— Действуй!

Собрались быстро. К нам примкнули несколько пар-

тизан. Обойдя деревню лесом, выбрались на дорогу и с криком «ура» атаковали американцев с тыла. Не давая врагу ономниться, ворвались в село. На горящей колокольне увидели размахивающего руками Круга. Направляясь в школу к учительнице, он вместе с Полиной попал в сложную обстановку. Спасаясь при внезапном нападении американцев, они спрятались в церкви и по шатким лестницам забрались на колокольню. Василий что-то кричал, видимо, звал на помощь... Я приказал нескольким матросам выручить Василия, а остальным продолжать преследовать противника. Матросы и крестьяне потушили пожар. По обгорелой лестнице, неся на руках окровавленную Полину, с колокольни спустился Круг. Вид его был страшен. Лицо и порванная одежда испачканы кровью, кирпичной и известковой пылью. Он был без бескозырки, волосы растрепаны. Когда мы хотели взять из его рук девушку, он хриплым голосом закричал:

— Не смейте трогать, не смейте!..

Василий осторожно опустил Полину на землю и стал вытирать с ее лица кровь.

После боя мы осмотрели село. На улицах валялось несколько трупов американских солдат. Подошли к школе — дверь распахнута настежь. В комнате Ани — хаос: стол опрокинут, на полу валялись самовар, посуда, одежда. Где же сама учительница? Вошли в распахнутую дверь сарая и в ужасе остановились. На полу лежала полюбленная, окровавленная Аня. Ее тело было изрезано ножом, который валялся тут же. Сепп снял с себя шинель и прикрыл девушку. Склонив головы в горестном молчании, стояли мы несколько минут. Василий Круг рассказал нам, как все произошло. Связную партизан Аню предал кто-то из односельчан. Когда ее вытащили из школы, Круг выстрелил с колокольни и убил одного интервента. Но этим только выдал себя. Враги зажгли колокольню и учинили зверскую расправу над учительницей.

Около церкви росла толпа местных жителей. Глядя на замученную Аню, люди плакали. Сепп поднялся на ступеньки церкви, окинул взглядом притихшую толпу, громко заговорил:

— Смотрите, люди добрые! Вот что сделали ироды... Сгубили такого человека! А за что? За то, что любила свою северную землю, пенавидела врагов...

Карл хотел еще что-то сказать, но не нашел нужных слов и медленно спустился со ступенек. На его место поднялся высокий однорукий крестьянин. Глухо сказал:

— Правду говорил матрос. Смерть мучителям!

Через день в штаб отряда пришла из села делегация. Крестьяне привели связанного сутуловатого, с рябым лицом человека.

— Доставили вам на суд предателя,— сурово сказал однорукий крестьянин, выступавший на траурном митинге.— Это он, мародер и кулак, выдал нашу учительницу.

— Как фамилия? — резко спросил Давыдов.

Не поднимая головы, сквозь зубы рябой что-то невнятно ответил.

— Это ты выдал учительницу?

— Я!.. я! Ненавижу вас, комиссаров! — с фанатичным упрямством крикнул он.

Давыдов, сдерживая себя, заметил:

— Но ты же предал сельскую учительницу, а вовсе не комиссара.

— Все вы большевики и комиссары...

— Отправим его в Вельск, в ЧК, там разберутся, что за птица,— сказал Давыдов, с презрением отворачиваясь от предателя.

Командир отряда приказал построить матросов. Однорукий крестьянин, сняв с седой головы потрепанную солдатскую папаху, сказал:

— Гоните, сынки, заморских злодеев, да так, чтобы никогда не посмели соваться к нам.

Вперед вышел Давыдов:

— Передайте всем, отец, балтийцы не дрогнут, сполна рассчитаются со всеми врагами.

Как-то крестьяне сообщили нам, что не раз видели, как на дороге, ведущей к расположению нашего гарнизона, появлялась вражеская разведка из пехотинцев и кавалеристов. Не дойдя до опушки леса, пехота рассыпалась цепью, а кавалеристы продолжали двигаться дальше, но, боясь углубиться далеко в лес, вскоре возвращались.

В овраге, у Усть-Паденьги, мы решили устроить засаду. К рассвету были на месте. Утомленные ночным переездом, расположились на отдых под охраной часовых. День клонился к вечеру, а дорога по-прежнему была пустыня. Наконец прибежал из дозора Василий Круг.

— Идут! — крикнул он, запыхавшись от быстрого бега.— Около роты пеших и человек пятнадцать конных!

Быстро приготовились к бою. Я наблюдал за участком дороги, ведущим к лесу. Вот показались всадники, ехавшие попарно. Они вели себя как на прогулке: о чем-то переговаривались, смеялись. Пехота, не дойдя до леса, залегла по обеим сторонам дороги. Верховых пропустили мимо себя. Я выбежал на дорогу и с криком «Бей гадов!» бросил несколько гранат в растерявшихся всадников.

— Полундра! — раздался рядом голос Круга.

И тут же застрочил его пулемет. Всадники быстро спешили. Пехотинцы перебежками стали отступать к своим позициям, ведя редкий беспорядочный огонь. В то же мгновение я заметил скакавшего ко мне на лошади командира вражеской разведки. Он мчался, стреляя из револьвера. Пуля сорвала с меня фуражку. Я дважды выстрелил в офицера. Метрах в десяти от меня он свалился с лошади и судорожно потянулся к выпавшему из рук револьверу. Я прыгнул к нему, ногой отбросил револьвер в сторону и выстрелил в упор.

Схватка продолжалась всего несколько минут. Оккупанты потеряли в бою четырнадцать солдат и одного офицера.

С высоты от Усть-Паденьги противник открыл по нас винтовочный и пулеметный огонь, захохотала и артиллерия. Надо было уходить. Быстро собрав оружие, документы, лесом отошли к ближайшей деревне. На лугу наслись три лошади. Уговорили крестьян отвезти нас. Забрались в телеги. Василий Жуков поехал верхом. Вскоре услышали шум погони. В суматохе не заметили, куда исчез Жуков. Потом узнали, что он отстал, чтобы задержать погоню, дать нам возможность добраться до отряда. Заняв выгодную позицию на высоте, Жуков поливал американцев пулеметным огнем. Но вот кончились патроны. Осталась одна граната. В момент, когда интервенты пытались захватить Жукова живым, он взорвал себя и врагов гранатой. Так героически погиб наш дорогой друг балтиец. До последней минуты он был верен клятве революционного бойца, матросской дружбе. Похоронили его со всеми почестями. На грудь положили бескозырку, на которой золотом горела надпись: «Аврора»...

Наступила зима со снегопадами и буранами. Толстым слоем снега покрылась земля. Дни стали короткими.

Как-то вечером я вышел из избы. На небе разноцветными занавесями колебалось таинственное сияние, оно то исчезало, то снова появлялось. Снег на улицах, крышах домов поголубел. Деревья, покрытые кружевом инея, потрескивали на морозе. «Как у нас на Урале», — подумал я, поправляя шапку-ушанку. А ведь и в родном краю тоже беснуется белогвардейщина. Тяжело приходится молодой Советской республике!

Проверив патрули, вернулся в хату. Разведчики вполголоса что-то пели. В избу вошел комиссар Давыдов. Послушав песню, сказал мне:

— Есть приказ отозвать отряд на корабли... Но мне намекнули в штабе фронта: можно оставить добровольцев. Как ребята на это посмотрят?

По ротам и взводам провели опрос: кто хочет остаться на фронте, а кто — вернуться на корабли? Большинство изъявили желание остаться на Севере.

Отряд получил полушубки и красноармейские папахи. Матросы в новом обмундировании потеряли флотский вид, только поясные ремни с якорем еще говорили о их принадлежности к флоту.

Василий Круг достал где-то мелу и, начищая потемневшую пряжку, приговаривал:

— Нехай видят американцы, с кем имеют дело.

В середине января 1919 года в штабе собрался командный состав отряда. Гирейкевич прочитал приказ командования фронта о подготовке к наступлению по реке Ваге. Людям изрядно надоело сидеть в избах при свете лучины, и приказ встретили с одобрением.

Наступление назначили на следующее утро. В воздухе висел густой туман, солнце не могло его пробить и только краснело багровым шаром. Лютый мороз кусал лица. Отряд моряков на лыжах несколькими колоннами выдвигался на исходные позиции. Взору открылись засыпанные снегом, опутанные в несколько рядов колючей проволокой укрепления интервентов, дальше чернели избы Усть-Паденьги.

— Вперед! — прозвучала команда.

Матросы ползком двинулись по снегу. Американцы заметили движение и открыли огонь. Свистели пули, рвались снаряды, разметая снег и комья мерзлой земли, в небе резко рвалась шрапнель. Отряд продвигался по ло-

щине. Но когда выбрались на гребень, шквал огня остановил цепь.

— Вперед! Вперед! — срывающимся голосом командовал Гирейкевич.

Ловко работая локтями, он устремился ползком на пригорок. Матросы ринулись за ним, забрасывая гранатами проволочные заграждения.

Враг усилил огонь и совсем прижал нас к земле. Наступил критический момент боя. Если сейчас не подняться в атаку — наступление сорвется. В это время к нам подполз Давыдов в сопровождении Бурлаченко. Комиссар мгновенно оценил создавшуюся обстановку. Поднявшись во весь рост, он громко крикнул, размахивая маузером:

— Коммунисты, за мной!

Сначала несколько человек, а потом все бойцы вскочили с земли и с криком «ура» в едином порыве бросились к окопам интервентов. В блиндажи полетели гранаты. В короткой схватке враг был разгромлен.

Когда смолкли выстрелы, с щемящей болью подбирали мы убитых товарищей. К нам прибежал Бурлаченко. Сеня был бледен, губы его дрожали, в глазах стояли слезы.

— Что случилось, Сеня?

— Я вас ищущу... Комиссар умирает.

— Не может быть!

Мы побежали в избу, где разместился госпиталь-временка. Окна заткнуты тряпками, сеном. Раненые лежали на лавках, некоторые даже на полу. Слышались стон и бред. Керосиновые лампы давали мало света, и в избе стоял полумрак. Давыдов был без сознания. Около него хлопотал отрядный врач Романов. У дверей толпились матросы. Алексей Иванович слегка вздрогнул. Врач устало разогнулся, снял очки и глухо сказал, ни к кому не обращаясь:

— Все.

Лицо Давыдова, угасая, становилось все строже и суровее. Кто-то из матросов заплакал. Спазмы сжали мне горло, крупные слезы медленно поползли по щекам...

На другой день хоронили Давыдова. Уныло гудел ветер, казалось, и он оплакивал гибель героя. Братская могила — в воронке от взрыва снаряда. Звучат скорбные слова прощания и клятвы. Карл Сепп рассказывает био-

графию комиссара. Кажется, он листает страницы, обожженные войной:

— Мы хороним нашего комиссара, отца и друга, аврорца Алексея Ивановича Давыдова... Он отдал всю свою жизнь без остатка борьбе за счастье народа. Алексей Иванович — большевик настоящей закалки. Царизм держал его в плавучей тюрьме, но не сломил волю к борьбе. Попав в Мурманске в руки англичан, он вырвался из плена и вместе с нами дрался с врагами молодой Советской республики. Спи спокойно, дорогой Алексей Иванович, мы никогда не забудем тебя. Клянемся над твоей могилой изгнать интервентов с Севера!

Под грохот ружейного залпа опустили мы в холодную северную землю тело боевого комиссара.

...Развернулись бои на подступах к Шенкурску. В конце января красноармейские, матросские и партизанские части после сильной артиллерийской подготовки и короткой схватки заняли город. Преследуемый Красной Армией, противник отступал на север — к Белому морю, к Архангельску.

В Шенкурске в хату, где мы сумерничали, пришел Сень Бурлаченко и по секрету сообщил:

— Скоро в Петроград отправляемся!

— Когда? Говори же скорее...

Бурлаченко, оглядев разведчиков, степенно сказал:

— Получена телеграмма — нам идет смена. А мы — снова на корабли.

Матросы притихли, каждый по-своему переживал новость.

— Ну уж и на корабли, — недоверчиво заметил Сепп, — на другой фронт, наверно, попадем.

— Конечно, на другой фронт, — подхватил Круг. — На Украину, допустим. Там хоть немцев и выгнали, так петлюровцы объявились.

Но Бурлаченко оказался прав. Через несколько дней наш отряд уезжал в Петроград. Настроение у всех было возбужденное, радостное. Только жаль было расставаться с партизанами.

— Не забывайте нас, морячки, — гудел дядя Михай, разглаживая бороду.

В пути в вагон вошел командир отряда Гирейкевич. Он оглядел нас, вытащил кисет с табаком, предложил закурить. Его кисет пошел по рукам.

— Вот и закончили мы на Севере свой поход,— задумчиво сказал командир.— Долго будут помнить за океаном полундру...

Потом, обращаясь к Карлу, предложил:

— Ну, затягивай нашу любимую.

Сепп не заставил себя долго ждать.

Мы подхватили песню, и торжественно-печальные звуки понеслись из вагона. В хоре мужских голосов звенел женский — Полины. А поезд все мчался и мчался, приближая нас к Балтийскому морю, к родным кораблям...

И будучи в Петрограде, мы ни на день не забывали о Севере. С большим волнением читали письма боевых друзей — командиров и красноармейцев, партизан, с которыми довелось вместе сражаться.

Минули месяцы... С Севера шли хорошие вести: под натиском Красной Армии и партизанских отрядов войска интервентов поспешно эвакуировались из Архангельска.

— Драпают шакалы заморские,— язвил Василий Круг,— чтоб им ни дна ни покрывки.

К весне 1920 года были разгромлены и белогвардейские полчища. Северный фронт перестал существовать.

*В бурю через Финский залив.
Неожиданная встреча.
Разведчики проникают в логово восставших.
Белый флаг над окопами врага*

В первый же день по возвращении в Петроград нам стало известно, что «Хивинец» поставлен на консервацию и используется только как плавучая батарея на одном из кронштадтских фортов. Вместе с Василием Кругом мы отправились в Кронштадт для получения документов о списании нас с корабля. Пошли по льду. Утром стоял легкий морозец, но к полудню с запада подул влажный ветер. На Финском заливе, около берегов, появилась наледь. С «Хивинца» донеслись предупреждающие голоса:

— Вернитесь, будет метель!

Василий Круг обернулся, махнул рукой:

— Бачили и не такие метели, не страшно!

Не прошли мы и половины пути, как повалил мокрый снег. Тропинка исчезла, берег и форт скрылись. Шли молча. В ботинках чавкала вода. Ветер сбивал с ног. Снег забивался в уши, под воротник, слепил глаза. Приближалась ночь, а шторм все крепчал и крепчал.

— Наверно, сбились с пути,— с огорчением сказал Круг.

Но вот я заметил в сугробе камыш.

— Вася, смотри, камыш растет. И лес шумит, ты слышишь? — спросил я друга.

— Нет, ничего не чую...

Через несколько минут мы выбрались на берег, поросший лесом. Проваливаясь в снегу, бредем по опушке. Вдруг грянул выстрел. Мы быстро спрятались за деревьями.

Сквозь посвист ветра услышали возглас:

— Руки вверх! Выходите на поляну! Кто такие?

— Свои, свои! — закричал я. — С форта идем, дорогу потеряли.

— Ко мне не подходить, стрелять буду, — пригрозил часовой. — Поворачивай вправо, дорога выведет на станцию.

— Спасибо, дружище!

Через час добрались до маленькой станции. Дежурный с сонным лицом сообщил, что последний поезд ушел, а следующий пойдет только завтра в пять утра. Нас мучил холод, бушлаты и брюки оледенели, а станция не отапливалась.

Разыскали будку стрелочника. У печи сидел в замасленном полушубке старик.

— Сынки, что с вами? — с удивлением осматривал он нас. — Небось закоченели? Садитесь ближе к печи, — засуетился он, подвигая скамью и подкладывая дров в раскаленную печь.

Быстро сбросили с ног ботинки, а затем сняли бушлаты. И тут-то почувствовали, что обморозились. Старик принес ведро снега.

— Трите сильней, — посоветовал он.

— Вот бисова напасть, — морщился от боли Василий.

— Где это вы, сынки, так промерзли?

Я рассказал, как застигла нас метель в заливе.

— Вы еще легко отделались, могли и совсем себя сгубить.

Наблюдая за стариком, я ловил себя на мысли, что где-то видел его.

— Не служили ли вы, дедушка, на Николаевской дороге?

— Да, сынок, служил. Только начальство заело... — по лицу его пробежала тень.

— За что же вас невзлюбили? — спросил Круг.

— За матросов пострадал... Был я тогда путевым обходчиком на разъезде, около станции Любань... Тридцать лет там прослужил. И вот случилось, что на моем участке бронепоезд белых путь подорвал... «Смотри, — пригрозили офицеры, — если просигналишь поезду красных, мы тебя расстреляем. На поезде том изменники-матросы едут, что Россию немцам продали!» Сделали они свое черное дело и укатили. Сел я, закурил и думаю: ежели эшелон разобьется, всю жизнь казнить себя буду. И выбежал навстречу поезду с красным фонарем...

— Пстой, дедушка. А сколько вагопов было в том составе?

— Помнится мне, две платформы да один товарный вагон с матросами...

— Вася, оказывается, он уже второй раз нас спасает,— сказал я Кругу.

Дед поднял голову, внимательно посмотрел на нас и с теплотой в голосе молвил:

— Вот оно как ладно все получилось! Помню, мне тогда матросы дали хлеба, консервов, табаку. Одного матросика я тогда заприметил — черноволосый такой, будто начальник.

— Черноволосый-то этот — Анатолий Железняков... Он тогда командовал нами. А сейчас на Украине белогвардейцев бьет... Мы тоже с фронта приехали. На Севере англичан да американцев колотили.

Василию стало совсем плохо. Лицо его покраснелось, глаза лихорадочно блестели. Старик поднялся, снял с себя полушубок, набросил на плечи моего друга.

— Друг-то твой заболел,— сочувственно сказал он. — А ты, видно, покрепче.

— Я, дедушка, с Северного Урала, к холоду привычный, а он с Украины, из теплых мест, ну вот и не сдюжил. Ну что с ним делать?

— Вот что, сынок, завтра мой сосед поедет на лошади в Кронштадт. Мы твоего дружка завернем потеплее и отвезем. Сейчас схожу договорюсь. А ты дровец-то подкладывай, печке не давай остывать.

Сидя у печки, я задремал. Очнулся от бреда Василия. Потом друг затих. Воцарилась мертвая тишина, только в трубе бесновалась вьюга да трещал мороз. Фонарь тускло освещал законченные стены будки.

Вскоре, запорошенный снегом, вернулся старик.

— Все в порядке,— сказал он.— Еще валенки достал — тебе и твоему дружку.

Старик вытащил из мешка какой-то сверток.

— Сейчас морковного чайку поьем да и дружка твоего напоим. Хлебца с солью поедим, будет веселее...

Мы пили горячий чай, заедая его черным хлебом. Мне казалось, что вкуснее этого нет ничего на свете.

Ранним утром мы отвезли Василия в Кронштадтский морской госпиталь. Распроцавшись с другом, я решил посмотреть на «Аврору». Проходя по городу, удивлялся

безлюдью и запустению. Безжизненными, молчаливыми громадами стояли в гавани крейсера «Рюрик», «Россия», «Адмирал Макаров», «Громобой», «Богатырь» и другие корабли, поставленные на консервацию. А вот и «Аврора». С волнением разглядывал я родной корабль, вспоминал друзей балтийцев, бывшее, пережитое. На душе стало как-то тоскливо.

Разведчиков бывшего 2-го Экспедиционного отряда назначили на линейные корабли «Гангут», «Полтава» и «Севастополь». Все эти корабли стояли в Петрограде, на Неве, на ремонте. Сеню Бурлаченко направили на подготовительные курсы при Военно-морском училище. Все мы радовались за него:

— Вот и вырастет наш красный командир, такой уж не продаст, как Шиманский.

Я и мои друзья попали на «Гангут». Я сходил в Адмиралтейство и попросил, чтобы Круга после выздоровления тоже направили к нам. На новом месте службы меня назначили токарем в судовую мастерскую, Сеппа — трюмным машинистом, Круга и Осина — строевыми матросами.

Новая служба — новые заботы. И не заметил, как подошла весна. Парки и сады Петрограда дружно зеленели. Белые ночи окутывали город волшебным полумраком.

Наслаждаясь весенним вечером, мы с Сеппом шли как-то по улицам города. Неожиданно встретили Полину. От радости сразу не знали, что сказать друг другу.

— Как живешь? — поинтересовался я.

— Вся жизнь — в работе. Госпиталь перегружен ранеными и больными.

Мы внимательно рассматривали похудевшую девушку.

— Очень рада, друзья, что встретила вас. Хочу кое-что сообщить... У нас в госпитале уже больше месяца находится Матвеев... Говорит, что больной, а почти каждый день куда-то таинственно исчезает.

— Интересно, что это за фрукт, — отозвался Сепп.

— Выдает себя за командира пулеметного взвода на форту Красная Горка, — продолжала Полина. — На днях я случайно прочитала письмо его жены. Она сообщает, что умирает с голоду ребенок, и просит помочь. А не то, дескать, донесет в ЧК о его связях с белогвардейцами.

— Надо, Полина, об этом рассказать комиссару госпиталя,— посоветовал я.

— Правильно,— поддержал Сепп.

— Полина, мы были на днях у Васи,— начал я осторожно.— Тревожится о тебе, говорит, что забыла его сестричка.

Девушка вспыхнула, смущенно сказала:

— Я же написала ему два письма, а в ответ — ни слова... Видно, не дорога я ему.

— Ей-богу, ты не права, Полина,— убежденно сказал Сепп.— Твои письма, может, где-то запропалились. А для Васи доброе слово — лучшее лекарство. На него сейчас тяжело смотреть — похудел, кости да кожа... В следующее воскресенье мы поедем к Васе — присоединйся к нам.

— Хорошо, постараюсь.

Но последующие события нарушили наши планы.

...Погожий майский день угасал. Солнце коснулось горизонта, его косые лучи уперлись в окна Адмиралтейства. Восточная часть неба постепенно тускнела. Дул слабый ветерок, он лениво шелестел в проснувшихся деревьях садов и парков.

Мы шли с Сеппом по набережной Невы. Миновали место, где на глыбе серого гранита, вздыбив коня, высился всадник. А вот и Александровский сад. Поравнялись с молодой красивой женщиной со смуглым лицом и ее спутником — худощавым, прямым, как палка, мужчиной средних лет.

Широкий полувоенный костюм висел на мужчине, будто на вешалке. Он шагал так размашисто длинными ногами, что женщина еле успевала за ним. Неожиданно к ним присоединился человек, одетый в потрепанный ватник и солдатскую фуражку. «Где-то я видел его», — мелькнула мысль.

Человек в ватнике с рыжей бородой и с запавшими глазами что-то сказал длинноногому. Все трое вышли на Садовую улицу и направились к Летнему саду.

Вдруг Карл остановился:

— Знаешь, кто рыжебородый? Силаев! Как, стервец, перекарасился. Давай задержим его?

В эту минуту из кинотеатра хлынула людская толпа, и мы потеряли этих троих из виду. Поиски оказались тщетными.

— Надо ребятам на корабле сказать, что видели Силаева, — заметил Карл.

Наше сообщение взволновало авроровцев, да и гангутцы не остались равнодушными.

— Если эта шкура попадетя мне, бороду выдерну, — сказал Осин, сжимая кулаки.

Мы решили найти Силаева. Доложили об этом комиссару корабля и председателю коллектива большевиков. Они одобрили наше намерение.

Борт о борт с «Гангутом» стоял линейный корабль «Полтава». Сообщение с берегом у его команды было налажено через «Гангут». Накануне воскресного дня, когда мы собирались поехать в Кронштадт, на «Полтаве» вспыхнул пожар. По неизвестной причине загорелся мазут в котельном отделении. Огонь угрожал перекинуться на цистерны с горючим.

Громадный черный столб дыма повис над кораблем. Встревоженные грозной опасностью, матросы метались на обоих кораблях. Кто-то пустил слух, что огонь подбирается к снарядным и пороховым погребам. На кораблях поднялась паника. Чей-то голос истошно вопил:

— Сейчас взорвемся, спасайся!

Группа авроровцев, хивинцев и гангутцев поспешила на помощь вахтенным «Полтавы». Благодаря быстрым и энергичным мерам, принятым большевиками, паника была ликвидирована, пожар потушен. Но огонь нанес «Полтаве» немалые разрушения и, по существу, вывел корабль из строя. ЧК вела расследование. Увольнения на берег были прекращены на несколько дней.

Как только сняли запрет, мы с Сеппом направились к Полине. Ведь наша поездка в Кронштадт тогда не состоялась, и хотелось договориться о другом дне. Но дома Полину не застали. Выйдя на улицу, медленно шли по тротуару. Вдруг из подъезда выбежала женщина. С удивлением мы узнали в ней ту смуглолицую, что недавно встретили в Александровском саду. Я подумал: «Может, появится и Силаев?» Женщина почти поравнялась с нами. Мы с недоумением ждали, что будет дальше. И тут она заговорила певучим голосом:

— Простите, не пойдете ли вы по Николаевской улице? Мне нужно туда пройти, но одна боюсь.

Глаза ее выражали просьбу. Уголки рта слегка рас-

плылись в улыбке. Рассматривая ее, я подумал: «На ловца и зверь бежит. Придется поглядеть, что за птица».

Карл улыбнулся и простодушно сказал:

— Конечно, мадам, проводим...

— Я не знаю, как вас зовут, меня — Леля, — пред- ставилась она.

Во время разговора она настороженно оборачивалась. Сепп это заметил и спросил:

— Вы чем-то встревожены?

Леля на секунду замялась, опустила глаза.

— Я все откровенно расскажу вам, — голос ее дрогнул. — Вы, наверное, заметили, откуда я вышла. Мне нужно туда вернуться — повидать одного человека... Я ждала его, но туда пришел патруль, стали проверять документы, а я их с собой не взяла. Пришлось убежать.

В то время это было обычное дело — проверяли документы везде: в гостиницах, меблированных комнатах, на вокзалах, в ресторанах, кино. Для нас поступок Лели не казался странным. «Наверно, какая-нибудь любовная история», — подумал я. Но как узнать про Силаева? Спросить без обиняков — нельзя, спугнешь. Придется ждать удобного случая.

Женщина продолжала:

— Я очень прошу вас вернуться со мной... Если нам встретится патруль и будет спрашивать документы, скажите, что я ваша сестра. Можете вы это сделать? — Леля улыбнулась и с мольбой посмотрела на нас, ожидая ответа.

Карл настороженно оглядывал ее. Я думал: стоит ли исполнять ее просьбу? Но желание узнать что-либо о Силаеве взяло верх. Я решительно сказал:

— Хорошо, я вернусь с вами, он же, — показал я на Карла, — пойдет по своим делам...

Вернувшись к большому дому по Николаевской улице, мы поднялись на второй этаж. Леля открыла квартиру. Вошли в убранную коврами и картинами большую комнату.

— Хотите, я вам сыграю? — предложила она, подходя к пианино.

Зазвучала незнакомая мне мелодия. Неожиданно в дверь громко постучали, и в комнату вошел высокий худой мужчина — тот самый, которого мы встретили в

Александровском саду. Недружелюбно оглядев меня, он поздоровался с хозяйкой, передал ей какой-то пакет и ушел.

Леля подошла ко мне, с улыбкой сказала:

— Простите, я заставила вас скучать... Это мой хороший знакомый.

В комнату вошли трое: один высокий, в полувоенном костюме, в офицерской, лихо заломленной на затылок фуражке, и двое в штатском.

— У тебя гость? — звучным баритоном спросил высокий. — Мы не помешали?

Не отвечая на вопрос, женщина взяла его под руку и сказала, обращаясь ко мне:

— Знакомьтесь, это мой муж.

— Тарнов, — представился он. — А это мои друзья.

Штатские, не подавая руки, кивнули мне. Один из них был небольшого роста, полный, с крупными чертами лица и прической ежиком. Из-под нависших бровей поблескивали сверлящие серые глаза. У второго высокий лысеющий лоб, тонкий с горбинкой нос. Завязался разговор о погоде, ценах на продукты и о чем-то другом. Я незаметно наблюдал за всеми, делая вид, что рассматриваю на тумбочке какую-то статуэтку. Но вот Леля подошла ко мне, взяла под локоть и сказала, улыбаясь:

— Приглашаем вас вместе поужинать. Мои друзья — хорошие люди, но любят немного выпить, понюхать кокаину...

Только теперь я заметил, что у всех как-то неестественно блестели глаза и на лицах блуждали слащавые улыбки. «Так вот оно что, вы уже очумели, господа. Может быть, и проболтаетесь о чем-нибудь», — подумал я.

Поднимаясь, Тарнов важно сказал:

— Я обожаю матросов, в особенности тех, что служат на кораблях. Это мужественные люди, я давно хотел познакомиться с кем-нибудь из них.

— А мне нравится их форма, — заметила Леля.

Втроем вышли на улицу. Вблизи от Невского Тарнов и Леля пригласили меня зайти к их знакомым. Вошли в парадный подъезд большого дома. Тарнов позвонил. Открыла пожилая женщина. Она молча пропустила нас, закрыв дверь на несколько запоров. Я осмотрелся. В комнате сидели два человека, одетые в потертые офицерские

кителя. У одного была черная курчавая бородка и цыганские глаза, у второго топорщилась щетка рыжих усов. Оба они смотрели на меня с беспокойным любопытством.

— Знакомьтесь, паш друг, морячок, — отрекомендовал меня Тарнов.

Леля беспрерывно шутила, забавляла всех. Остроты и каламбуры она адресовала чаще всего мужчине с черной бородкой. Польщенный, он говорил:

— Вы сегодня прелестны, вы богиня...

Прозвучал звонок у входной двери. Тарнов пошел открывать. Леля проводила его встревоженным взглядом. В переднюю вошел матрос. «А, Матвеев», — встретил его Тарнов. «Матвеев? Уж не тот ли, о котором говорила Полина?» — подумалось мне.

Послышался глухой голос Тарнова:

— Рано еще... Передайте Неклюдову: наши друзья помогут, получено их согласие...

Дальше слова стали неразборчивыми. Напрягаю память, вспоминаю, где слышал фамилию Неклюдова, но вспомнить не могу. Со скрипом закрылась дверь. Это ушел Матвеев.

Леля пригласила всех в соседнюю комнату. Я вошел последним и в изумлении остановился: стол был заставлен колбасами, сыром, рыбой, бутылками с вином. В хлебнице горой возвышался румяный белый калач. Все-го этого я давно не ел, ведь паек в то время у матросов был скудный, как острила братва, суп из топора да хвост от селедки.

— Прошу садиться! — предложила Леля.

Налили бокалы вина. Выпил и я. Слегка закружилась голова. «Наемся на неделю, как верблюду, чего жалеть ихний харч», — решил про себя.

После второго бокала почувствовал, что захмелею. Решил притвориться пьяным, чтобы меня не стеснялись и говорили, что хотят.

Тарнов похлопал меня по плечу, ободряюще шепнул:

— Компания у нас дружная, веселая, не робейте. — И добавил: — Вы, матросы, должны не давать коммунистам да комиссарам сеять смуту. Надо требовать — штыки в землю!

— Это м-мы сделаем... Обязательно сделаем. У меня есть друзья — в огонь и в воду пойдут... — бормотал я,

делая вид, что окончательно опьянел. В довершение ко всему уронил голову на стол и притворился спящим, сам же прислушивался к разговорам.

— Вот, дьявол, уже готов,— показал на меня Тарнов.

— Николай, что ты с ним нянчишься: пусть его в расход, и все, — услышал я чей-то жесткий голос, обращенный к Тарнову.

— Это мой гость! — предупредила Леля.

— Господа, успокойтесь, — призвал Тарнов. — Нам надо завязывать связи с матросами с военных кораблей. Это опасно, но ведь мы всегда рискуем. Один корабль, господа, уже выведен из строя. Кое-что еще готовится...

— Бра-во! — закричал кто-то пьяным голосом.

На другом конце стола затаили песню:

Ради вольности веселой собралися мы сюда.

Пьем с надеждою чудесной и с бокалом полновесным...

Офицер с бородкой потребовал прекратить петь. Завязался спор. Я, разыгрывая пьяного, бормотал:

— На... на... воздух... я п-пойду...

Тарнов уговаривал остаться:

— Пойдем, уложу тебя спать...

Но я, шатаясь, широко расставляя ноги, как во время качки на корабле, пробирался к выходу, повторяя, что остаться не могу, на вахту должен заступить.

Леля устало сказала:

— Николай, отведи его до Пушкинского садика...

Прошу только поскорее вернуться...

Два офицера пошли было за нами, но Леля остановила их и что-то стала им говорить.

— Не верим... подведет, — расслышал я слова.

Поддерживаемый Тарновым, выбрался из квартиры. Медленно побрели по улице. Николай, взяв меня под руку, вкрадчиво нашептывал:

— Приходи и завтра к нам... Вечером, хорошо? У меня есть к тебе дело, надо посоветоваться. Ты мне правишься, и я хочу тебе помочь, ну хотя бы продуктами... Я знаю, какой скудный у матросов паек...

— Буду... Обязательно буду, — отвечал я, думая о своем.

Дойдя до садика, уселись на скамейку. Я притворился, что дремлю. Видя, что говорить со мной бесполезно, Тарнов распрощался и ушел.

Когда он скрылся за углом, я вскочил и побежал на корабль. Мне было ясно: вчерашние золотопогонники замышляют темные дела против революции...

Мое появление в кубрике было для всех неожиданным.

— Те же и Неволли, — сострил кто-то.

— Да от него випом песет, — укоризненно заметил Карл. — Гуляет, а за него волнуйся.

— Я расскажу вам, ребята, что со мной случилось, право слово, ахнете.

Мы вышли на верхнюю палубу, к носовой орудийной башне.

Друзья слушали меня с большим вниманием.

— Мать честная, стало быть, контра подожгла «Полтаву»? — перебил Осин.

— Ты иди к комиссару Никитину, ему доложи, — посоветовал Карл.

Комиссара я не нашел, вахтенный сообщил, что он отбыл на катере в Кронштадт. Что делать? Вспомнил, что наша знакомая Наташа теперь работает в политотделе Балтийского флота. Может быть, разыскать ее?

И вот мы с Сеппом шагаем по Английской набережной к одному из домов на Сенатской площади, где разместился политический отдел. Дежурный сообщил, что Савельева ушла домой. Не теряя времени, отправились к Пермяковым, где она жила. Застали ее за укладкой дорожного чемодана.

— Срочно уезжаю в Кронштадт, а потом на форт Красная Горка, — сообщила она, когда мы поздоровались.

Я рассказал ей о своих ночных приключениях и сообщил, что пришли за советом.

— Да, вести тревожные, — задумчиво сказала она. — Вот что надо сделать: вы сейчас же идите в морской контроль ЧК. Он помещается на Английской набережной, ниже Николаевского моста. Спросите товарища Демидова и расскажите ему все...

Проводив Наташу, отправились по указанному ею адресу... Дежурный по ЧК, белокрытый матрос, сообщил, что Демидов будет через полчаса. Поправляя маузер в деревянной кобуре, спросил:

— Если будете ждать, я выпишу пропуск.

Решили ждать. Минут через сорок нас вызвали к Демидову — рослому матросу со скуластым лицом и пронацательным взглядом темных глаз.

— В чем дело, товарищи? — сразу спросил он.

Я подробно поведал обо всем. Демидов внимательно слушал, что-то записывал в блокноте. Когда я окончил рассказ, он молча встал, открыл сейф, достал оттуда пачку фотографий. Подавая их, сказал:

— Может быть, на этих карточках найдете своих знакомых?

— Вот этот был там, — сказал я, протягивая Демидову фотокарточку офицера с короткими усами. — А этот вот Николай Тарнов.

Карл ткнул пальцем в карточку длинноногого:

— Этого, Саша, мы видели в саду вместе с женщиной.

— Добро, товарищи, вы помогли нам развязать узелок... Чекистское вам спасибо, — сказал Демидов на прощание.

Через несколько минут мы шагали по набережной. «Как гору с себя свалили», — думал я про себя.

На другой день неожиданно явился Круг, бледный, исхудалый, с отросшими усами.

— Вася, ты? — обрадовался Сепп. — Но почему так рано?

— Не мог, хлопцы, там больше лежать, скука заела.

...Между тем обстановка в стране оставалась тяжелой. На востоке наступали белогвардейские полчища адмирала Колчака. С юга на Москву рвались орды Деникина. На Петроград нацеливали удар войска Юденича. Вдобавок ко всему агенты Антанты подняли мятеж на фортах Красная Горка и Серая Лошадь, пытаясь нанести удар в спину революционному Питеру. Мятежные форты открыли огонь по Кронштадту. С часу на час восставшие ожидали прибытия английских военных кораблей.

На линкоре «Гангут» все были взволнованы происходящими событиями. Ходили слухи, будто и на кронштадтских фортах Обручев и Риф гарнизоны на собраниях приняли резолюции в поддержку мятежников. Мы узнали, что тральщик «Китобой» ушел к восставшим, а Коммунистический отряд на Красной Горке обезоружен и арестован.

Вскоре стало известно, что восстанием руководит быв-

ший царский офицер комендант форта Неклюдов. Мне вспомнилась квартира Тарнова, где упоминали эту фамилию. «Так вот из какой стаи эта хищная птица!» — подумал я.

На корабле зазвучал сигнал «Большой сбор». Вахтенные бегали от люка к люку, передавая приказания в кубрики:

— Команде на бак!

Перед собравшимися выступил комиссар корабля Никитин. Он сообщил, что часть личного состава гарнизона фортов Красная Горка и Серая Лошадь поддалась демагогии и посулам контрреволюционеров и пошла за ними. Большевицкая партия призывает разоблачить и покарать изменников, отобрать у врагов форта — ключи к воротам революционного Петрограда. Никитин сообщил, что командование корабля намерено направить на подавление восстания отряд матросов.

— Товарищ комиссар, прошу слова! — обратился Василий Круг.

— Говори, — разрешил Никитин.

Волнуясь, Василий сказал, что, раз революция в опасности, он готов снова взяться за оружие и просит внести его в список отправляющихся на фронт.

Такие же просьбы высказали многие матросы.

— Товарищи балтийцы, — твердо сказал Никитин, — командование приветствует добровольцев, но всех отпустить не может...

Все же я, Сепп, Круг, Осин и многие другие авроровцы, из тех, что были в команде разведчиков на Севере, попали в список.

Во 2-м Балтийском экипаже был сформирован отряд моряков под командованием матроса Кийко. Комиссаром назначили Вольского. Я формировал команду разведчиков. В нее вошли все бывшие авроровцы и хивинцы. Отряд получил название: 2-й Экспедиционный отряд моряков Петроградской базы.

Поздно ночью двинулись на Балтийский вокзал. Город был необычно оживлен: шли красноармейские части, вооруженные рабочие отряды, на перекрестках улиц сооружались баррикады. Петроград готовился принять удар врага.

На Балтийском вокзале для отряда был уже готов эшелон. Вскоре поезд помчался на Ораниенбаум. При-

быв туда, выгрузились. Со стороны Кронштадта слышалась артиллерийская стрельба, а в воздухе гудели самолеты. Словом, чувствовалась близость фронта. Город и вокзал были заполнены матросами, красноармейцами, отрядами рабочих. Все в спешном порядке отправлялись на борьбу с мятежниками.

Не задержался в Ораниенбауме и наш отряд. Двинулись по шоссе к поселку Красная Горка. Дойдя до деревни Дубки, свернули на юг, на проселочную дорогу, ведущую к Тамепгопту. К вечеру следующего дня отряд занял позиции южнее форта Красная Горка, откуда были слышны выстрелы и взрывы снарядов крупнокалиберной артиллерии. С территории форта тянулся дым от пожаров.

Матросы стали окапываться. В это время командир отряда вызвал меня в штаб, расположенный в палатке под большой слью. Я пошел с моим заместителем Василием Кругом. При нашем появлении Кийко — коренастый матрос с темными прядями волос на лбу и пытливыми карими глазами — встал и твердо сказал:

— Вот что, авроровцы, надо разведать местность впереди отряда и попытаться захватить пленного. По нашим данным, на форт прибыла белогвардейская часть. Скажу вам по совести, задача не из легких, но народ вы бывалый, стреляный, знаю, не сдрейфите. Все ясно?

Недолги сборы разведчиков. Через полчаса, озираясь, пробирались густым лесом. Ориентируемся по артиллерийской стрельбе, взрывам снарядов и столбам дыма. Война на Севере научила нас опасному ремеслу разведки.

Прошло около часа. Осторожно спускаемся в ложбину, заросшую колючим кустарником. Дозоры взбираются на противоположный склон. И вдруг в тишину ворвалась стрельба, пули свистят над головами. Дозоры сканулись обратно, залегли.

— Огня не открывать! — даю команду.

Оба склона простреливаются. Значит, путь закрыт. Ползем по ложбине. Она круто поворачивает, выходит к линии укреплений противника. Около воронки от разрыва крупнокалиберного снаряда разбросаны бревна, колючая проволока, лежат несколько трупов белогвардейских солдат. Видимо, тут был блиндаж.

— Ребята, а что, если переодеться в белогвардейскую форму да махнуть туда? — кивнул я в сторону форта.

Все молчали, размышляя над столь неожиданным и опасным предложением. Осип хмуро заметил:

— Рискованное, братцы, дело...

Сенп и Круг неодобрительно поглядели на Матвея. Моя идея им понравилась.

— Сенп, Осип, Круг, живо переодевайтесь... Пробежимся на форт, узнаем, что там делается. Да и пленных прихватим. Остальные возвращаются обратно. Петров, ты будешь за старшего. Доложи, что мы выполняем задание.

В карманах убитых нашли документы. Это оказались солдаты Ингерманландского полка. Четверо были финны, пятый — эстонец, старший унтер-офицер.

— Карлуша, ты — эстонец, надевай форму унтер-офицера, мы — финны. При встречах с белыми ты командуешь нами.

Через несколько минут из кустарника вышли четыре солдата, одетые в английское обмундирование, вооруженные винчестерами. Широкие козырьки фуражек опущены на глаза.

— Ну, беляки, пошли! — усмехаясь, тихо сказал Сенп, осматривая на себе залитую кровью гимнастерку.

Осипу тоже не повезло с обмундированием. У его брюк была оторвана нижняя часть одной штанины. Пришлось Матвею забинтовать ногу.

Осмотрев друг друга, двинулись по лесу к территории форта. Вдали в сумраке замаячили вражеские солдаты, слышался их глухой говор. Снаряды, посылаемые с кораблей, со звоном рвались у мятежников, ломали деревья. Подошли к проволочному заграждению. В одном месте на проволоку кто-то набросал жерди для перехода. Чутко прислушиваясь к звукам, подползли поближе. Кажется, ничего подозрительного нет, да и людей не видно. Бесшумно перешли через проволочное заграждение и очутились у второй замаскированной линии укреплений. Окопы оказались незанятыми. Преодолев их, вышли на железную дорогу и шоссе.

Сориентировавшись на местности, решил вести группу к морю. Вскоре оно открылось перед нами. Крутые волны с белыми гребнями лениво накатывались на берег. В дымке предрасветного тумана темнел Кронштадт.

Вдали блестели молнии от выстрелов, с грозным гудением летели снаряды. Взрывы вздымали черные столбы земли и дыма.

Над обрывом у моря заметили домик, за которым высились радиомачты, сигнальная вышка. Поняли, что это морской пост связи и наблюдения. Притаившись, наблюдаем за домом и вышкой. На вышке — сигнальщик. Время от времени он оглядывает в бинокль морской простор.

— На посту связи наша братва — матросы, может, договоримся, — поделился я своими размышлениями.

Держа оружие на боевом взводе, направились к дому. Не успели подойти, как дверь открылась и оттуда вышел матрос. Увидев нас, он на мгновение растерялся. Ба, да это Грищенко! Он служил у нас на «Авроре», но перед постановкой ее на ремонт был списан с корабля.

— Что такое? — удивленно заговорил он, узнав нас. — Вы что, у белых?

В дверях показался второй матрос, высокий, худоцавый, похожий на цыгана. Увидев нас, он остановился.

— Руки вверх! — резко скомандовал я и направил на матросов винтовку. То же сделали и мои друзья.

Грищенко и второй матрос нехотя подняли руки.

— Что ты здесь делаешь? — спросил я Грищенко.

— Вот под начальством у него служу. Это начальник поста Луговой.

— Кто еще есть в доме?

— Матросы — семь человек.

— Оружие где?

— Пулеметчики отобрали... По приказу Неклюдова.

— Где телефон? — спросил я Лугового.

— В соседней комнате.

— Круг, становись часовым к телефону... Что же вам не доверяют, коли отобрали оружие? — спросил я матросов.

— Похоже так, — вздохнув, ответил Луговой.

«Сдается, морячки поневоле у белых. Надо с ними поговорить по душам», — мелькнула думка.

— Садитесь, ребята, — предложил я матросам. — Потолкуем в открытую... Мы не белогвардейцы, а разведчики из отряда моряков... А форма — для отвода глаз.

Грищенко и Луговой вскочили, шумно и радостно закричали:

— Братцы, спасители наши!

На шум из соседней комнаты заглянул Круг. Догадавшись, в чем дело, успокоился.

— Я из Коммунистического отряда, может, один и остался живой. Вот он меня выручил от смерти, мой земляк,— сказал Грищенко, кивнув в сторону Лугового.

— А где же люди вашего отряда?

— Сидят в каземате. Загнали их туда, как салаку в бочку,— ответил Луговой.

— Может быть, вы слышали о Савельевой из политотдела флота?

— Как же! Арестована. Говорят, сидит в канцелярии при техническом складе,— сказал Луговой.— Это с полверсты отсюда.

— Какая там охрана?

— Один часовой.

Внезапно невдалеке раздался сильный взрыв. Зазвенели стекла. С потолка посыпалась штукатурка.

— Вот так ахнуло,— недовольно проговорил Сепп, отряхивая с себя пыль.

Все вроде были целы.

— А где Осин? Матвей! — крикнул я, выскакивая из дома, где у наружных дверей он стоял часовым.

— Здесь я,— ответил Осин, выходя из-за угла дома.— Чуть было не зацепило.

Вблизи дома чернела дымящаяся воронка от крупнокалиберного снаряда. Осколком, как косой, срезало вершину сосны. Падая, она задела дом, повредив крышу.

— Матросы, надо вызволить девушку,— предложил я.

— А с чем пойдешь? С кулаками? — сверкнув глазами, сказал Грищенко.

И тут предложил свой план Сепп:

— Мы под видом белогвардейцев поведем двух арестованных. Если встретятся белые, я им по-эстонски объясню, что ведем, мол, красных на расстрел. А часовому у склада скажем, что пришли за арестованной Савельевой.

Но высказал сомнение Осин:

— Ну, освободим ее, а как вести в женской одежде? Всем в глаза будет бросаться... Надо взять матросскую робу, переодеть дивчину.

— Тоже верно,— поддержал я Матвея.— У вас, Луговой, найдется форма на малый рост?

— Найдем,— ответил начальник поста и пошел искать.

Решили, что для маскировки поведем со связанными руками Грищенко и Лугового, которые могут дать ценные сведения нашему командованию.

В комнату вбежал Круг, сменивший на посту Осина. Крикнул:

— Солдаты идут, штыков десять!

— Может, и мимо пройдут — это застава с берега, — шепотом сказал Луговой, выглядывая из окна. — А могут и зайти, как бывало не раз.

— Приготовить гранаты! — приказал я.

На наше счастье, белогвардейцы миновали пост.

Через некоторое время из дома вышли четыре солдата Ингерманландского полка, ведя связанных между собой за руки матросов. Откровенно говоря, все изрядно волновались: малейшая оплошность грозила гибелью. Но нам повезло. В это время на позициях около форта разгорелся бой. Поднялась пулеметная и винтовочная стрельба. Заговорила полевая артиллерия. Усилился огонь с кораблей. Гарнизон спрятался в казематы и блиндажи.

— Видите, за деревьями тесовая крыша? Это и есть технический склад, а канцелярия в другом конце склада, — вскоре показал Луговой.

— Хорошо... Ты, Карлуша, требуй у часового выдачи арестованной, скажи, на расстрел приказано вести, — волнуясь, паставлял я друга.

Напуганный артиллерийским обстрелом, часовой лежал в окопчике. Мы с трудом нашли его.

— Сдавай нам арестованный баба, тавай ключи! — с акцентом сердито приказал ему Сепп.

Часовой оглядел стоявшего перед ним начальника, хмуро доложил:

— Ключа у меня нет, он у его благородия Матвеева.

— Как ты сказал? У Матвеева? Это тот, который был в пулеметной команде? — допытывался Сепп, забыв, что должен говорить с акцентом.

— Да, оп, — нехотя ответил часовой, вылезая из окна.

Он что-то заподозрил и потянулся за свистком, желая, видимо, вызвать разводящего. Но Круг в один момент ударом приклада свалил его.

— Берите с собой беляка, мы его вместо Савельевой запрем, — предложил я матросам.

На дверях канцелярии висел большой замок. Осин схватил с пожарного щита лом, мгновенно вырвал пробой

и распахнул дверь. Перед нами стояла Наташа в изорванной одежде, с растрепанными волосами, с кровоподтеками на лице. Она пристально посмотрела на меня, Круга. В ее глазах блеснули искорки надежды и изумления. Взгляд девушки говорил: нет, это не сказочный сон, а явь — друзья пробрались в логово врага, чтобы спасти ее и товарищей от смерти.

Когда первый порыв радости, вызванной неожиданной встречей, прошел, Наташа устало сказала:

— У меня все болит. Страшно вспомнить, как они меня били... Особенно Матвеев.

— Наташа, быстрее переоденься, — предложил Круг, вытаскивая из мешка брюки и форменку.

Я бросил взгляд на лежавшего часового. Показалось, что он приоткрыл глаза.

— Карлуша, свяжи беляка на всякий случай, а рот заткни, еще орать начнет, тревогу подымет.

Не успели мы отойти от склада и на сто метров, как в лесу раздались выстрелы, а затем показались бегущие люди.

— Ложись! — крикнул я.

Мы поползли к разрушенному зданию и спрятались в проломе стены. Мимо нас, тяжело дыша, промчался человек. За ним, поблескивая золотистыми погонами, гнался белогвардейский офицер с пистолетом в руке.

— Смотрите, Матвеев, — тихо сказала Савельева, показывая на офицера.

В эту минуту над нами прошелестел тяжелый снаряд. Сепп выстрелил, и офицер, как грузный мешок, свалился замертво.

— Видать, отдал концы, — сказал Круг.

— Собаке — собачья смерть, — заключил Луговой.

Несколько неприятельских солдат, поднявшись с земли, подбежали к убитому, обшарили его карманы, забрали вещи и пистолет и ушли, видимо решив, что офицер поражен осколком снаряда.

Мы двинулись дальше, стараясь выйти к тому месту, где прошли на территорию форта. Подойдя к шоссе, увидели обоз. Ездовые, испуганные артиллерийским обстрелом, ожесточенно настигивали лошадей, чтобы быстрее вырваться из опасной зоны.

— Никак белые удирают? Посмотрите, на повозках

офицерское барахло, — высказал свое предположение Луговой.

— Да, похоже, — подтвердил Грищенко.

Обессиленная Савельева прилегла на землю, стала тихо стонать.

— Наташа, тебе плохо?

— Ничего, пройдет.

Я с тревогой прислушивался к стрельбе, доносившейся с той стороны, куда мы шли. «Да, путь закрыт. Как же выбраться из форта?» — мучительно размышлял я. Был только один выход: примкнуть к отступающим, вместе с ними выйти с территории укреплений и незаметно сойти с дороги в лес. Правда, очень рискованно...

Мы свернули на шоссе, по которому бежала беспорядочная толпа солдат, и смешались с ними. Стоял сплошной гул от разрывов артиллерийских снарядов. Горели лес, здания, по земле стлался горьковатый сизый дым.

В группе солдат Ингерманландского полка, двигавшейся под конвоем охраны, шли два связанных между собой человека в нижнем белье.

— Да это же Мартынов и Артемьев!.. Так и есть — они, — тихо сказал Грищенко, разглядев арестованных.

К дороге подошла еще одна группа арестованных. Все они были окружены плотным кольцом копвоя. Мартынов и Артемьев громко закричали:

— Долой предателей!..

Конвоиры набросились на них, сбили с ног, стали топтать коваными сапогами. Избитых до бесчувствия, их взвалили на подводу и погнали лошадей к деревне Ковашки. Нас поразило бесстрашие и презрение к смерти, с каким революционные солдаты боролись с белогвардейцами.

Вскоре впереди показалась застава. Офицерский патруль строго проверял проходящих. Мы поняли, что, если будем опознаны, придется драться. Незаметно развязали руки Грищенко и Лугового. Но в эту минуту из-за леса показались три самолета и стали сбрасывать на дорогу бомбы и пакеты со стальными стрелами. На заставе поднялась паника. Одни офицеры сумели скрыться в бомбоубежище, другие были смяты бегущими солдатами. Грохот авиабомб, свист стрел, вопли раненых слились в один злоедейский гул. Подхватив на руки Савельеву, мы что было сил бежали в толпе обезумевших солдат. Миновали заставу и очутились за фортом.

Выбравшись из толпы, стали углубляться в лес. Выйдя на опушку, в изнеможении повалились в густую траву.

— Наташа! — позвал вскоре Сепп девушку. Она не отзывалась. Лицо ее было смертельно бледным.

— Да она же без сознания, — испуганно сказал Осин.

Карл достал из вещевого мешка флягу с водой и смочил Наташе лицо. Скоро она очнулась. Наметив на карте азимут, двинулись дальше. Савельеву несли на носилках по очереди, за исключением Круга, который после болезни еще не совсем поправился. На пути встречались болота, лесные заросли, бурелом. Донимали комары.

На привале я спросил у Грищенко, как же ему удалось спастись, не разделить участь Мартынова.

— А дело было так, — заговорил он. — В ту злополучную ночь, когда многие из отряда вместе с Мартыновым пошли на партийное собрание гарнизона форта, мне что-то не спалось. Вышел на свежий воздух и сел около дерева. В этот момент к эшелону подкрались неизвестные люди, ворвались в вагоны, стали разоружать спящих бойцов. Почти никто спросонья не оказал им сопротивления. Только когда обезоруженных бойцов стали выталкивать из вагонов, ночь огласилась криками, ругательствами. Я понял: случилось страшное — измена. Беляки стали чинить расправу над людьми, а я сидел в кустарнике и был бессилен что-либо сделать: мое оружие осталось в вагоне. Решил пробраться в домик к Петру Луговому, где размещался пост связи и наблюдения. С большим трудом нашел его. Он собирался подняться на вышку, чтобы проверить сигнальщика. Сообщил ему о случившемся. Луговой бросился к телефону, чтобы доложить в Кронштадт об измене в форту. Но было уже поздно. В помещение нагрянули солдаты с белыми повязками на рукавах. Главарем у них был матрос. Он предложил сдать оружие. В это время зазвонил телефон. Матрос схватил трубку, сказал хриловатым голосом: «Матвеев у телефона! Слушаю, господин комендант. Так точно, команда обезоружена!» — кричал он, почтительно вытянувшись. Кончив разговор, небрежно бросил трубку, сказав: «Господин Неклюдов дарует вам жизнь. А вы должны честно нести службу».

Матвеев приказал Луговому и мне следовать за ним. На плацу собрались мятежники. Перед ними, размахивая кулаками, разглагольствовал Неклюдов: «Хватит проливать кровь! Долой коммунистов и комиссаров! На помощь

нам придет английский флот, привезет продовольствие. Конца голодовке». Бывшее офицерство и пулеметная команда клопули на эти посулы. Они и разоружили Коммунистический отряд, участников партийного собрания закрыли в каземате.

По телефону из Кронштадта несколько раз запрашивали обстаповку, но Матвеев, дежуривший на посту связи, запретил нам отвечать. Все же нам удалось сообщить, что связь контролируется мятежниками. Неклюдов передал в Кронштадт радиограмму о том, что если гарнизон не присоединится к восставшим, то двенадцатидюймовые батареи форта откроют огонь. В ответ Красная Горка получила ультиматум Реввоенсовета Балтфлота. В нем говорилось, что мятежники предательски изменили рабочим и крестьянам России, но их готовы простить, если они ответят, что никаких злостных намерений против рабоче-крестьянской России не имеют. На ответ давалось два часа. Не будет согласия — матросы возьмут атакой Красную Горку, и горе будет тогда восставшим. Матвеев прочитал радиограмму и стремглав бросился к коменданту. Но мы не дремали, быстренько под копирку размножили сообщение. Один листок прикололи на стенку в нужнике, несколько разбросали по дороге. Солдаты с охотой читали листовки.

В полдень двенадцатидюймовая батарея форта ударила по Кронштадту. Оттуда ответили ураганным огнем. Это стреляли броненосец «Андрей Первозванный» и линейный корабль «Петропавловск». На Красной Горке вспыхнули пожары, началась паника. Воспользовавшись суматохой, Луговой связался с Кронштадтом, доложил, что на форту паника, пожары. Принял от члена Реввоенсовета воззвание к солдатам, в котором говорилось, что их обманули прислужники генералов и помещиков и заставляют стрелять по рабочим и матросам.

— Ну а остальное вам известно,— закончил свой рассказ Грищенко.

Слушая его, я думал: «Молодцы морячки, не растерялись».

К вечеру, уставшие и голодные, добрались до своего отряда. Савельеву отнесли в отрядный лазарет. Я доложил о действиях группы разведчиков, представил командиру Лугового и Грищенку, рассказал о том, как много они помогли нам.

Кийко оглядел с ног до головы пачальника поста, улыбнулся:

— Ну, докладывайте о положении на Красной Горке.

Луговой подробно рассказал обо всем. Кийко внимательно слушал, задавал вопросы. Под конец сказал:

— Мы отправим вас обоих в штаб армии, доложите там обо всем, что будет интересовать командование.

Когда Луговой и Грищенко вышли, Кийко поднялся с места, довольно сказал:

— Разведчикам мой поклон и спасибо. Сработали чисто. Молодцы!

Усталость валила нас с ног. И как только добрались до пар — тут же заснули. Проснулся я наутро от громкой ругани:

— Вставай же, черт соленый!

Я открыл глаза и увидел серые плутоватые глаза ординарца командира отряда.

— Чего тебе надо? — сердито спрашиваю его.

Меня вызывали к командиру. Кийко сообщил, что отряду приказано наступать на деревню Усть-Рудица и выбить оттуда белых. Я разбудил команду. Вскоре вышли дозоры, за ними двинулись основные силы разведки. К деревне вели три лесные проселочные дороги: одна — с северо-востока, вторая — с северо-запада и третья — с юга. Мы двигались первой. В пути встретили лесника — высокого старика с седой бородой, крепкого, как дуб.

— Як, батько, белые не тревожат? — спросил Круг, присаживаясь на поваленное дерево.

— Беспокоят, сынок, ох как беспокоят! Пчел у меня, ироды, разорили...

Старик замолчал, опустив голову. Пальцы, крутившие сигарку, дрожали, табак рассыпался.

— Скажи, отец, а нельзя ли подойти к Усть-Рудице незаметно?

Старик с прищуром глянул на меня, что-то вспомнил и проговорил:

— Есть тут одна тропиночка через болото... Да вот беда: пойдете одни — погибнете, трясина засосет.

— Но где найти проводника?

— Я могу провести, — подумав, сказал лесник. Он глянул на небо, потом на болото. — Скоро дождь пойдет, болото затаяет туман, а это и нужно.

— У вас, батько, еще табачок есть? — поинтересовался Круг.

— Нет, сынок...

Круг пошарил в вещевом мешке, нашел пачку табаку и, добродушно улыбувшись, протянул ее старику:

— Кури, папаша. А это тебе газетка на сигарки, вспоминай авроровцев.

Лесник с жадностью закурил. Затянувшись несколько раз, сказал:

— Морячки, нарежьте каждый по пятнадцать — двадцать вешек — дорогу на болоте метить.

Через полчаса тронулись в путь. Впереди шагал лесник. Он часто останавливался, с опаской осматривая местность. Шли по мшистому болоту с кочками, как по пружинистому матрацу. Путь отмечали вехами.

Часа через полтора команда разведчиков перешла опасный участок и вернулась обратно. Я доложил командиру отряда о возможности перебраться через болото и напасть на беляков внезапно.

— Добро, хлопцы, — одобрительно отозвался Кийко. Повернувшись к Вольскому, сказал: — Слышишь, комиссар, что нацупала разведка. Сегодня же ночью мы захватим деревню. Ты, Неволин, со своими разведчиками пойдешь с первой ротой через болото, а я с остальными буду наступать по северо-восточной дороге.

Когда закатилось солнце, выступили в путь. Поднялся туман, окутавший людей, словно ватой. К рассвету перешли топкое болото и рассыпались цепью на опушке леса вблизи от деревни.

Вместе с Кругом и Сепном я отправился в разведку. Прислушиваясь к каждому звуку, медленно продвигались в густой мгле по полю. Вышли на околицу. У крайних домов замаячили человеческие фигуры.

— Ложись! — скомандовал я, заметив людей.

Со стороны домов началась ружейная стрельба, гулко затарахтел «максим». Пули пронзительно засвистели над головой. Значит, нас обнаружили.

— Быстрее отходить к лесу! — командуя разведчикам.

В этот момент был ранен Круг: пальная пуля зацепила плечо. Отстреливаясь, залегли, чтобы наскоро перевязать друга. Круг умолял нас:

— Да тикайте же скорее, хлопцы, а мне оставьте гранаты. А то всем нам будет капут.

— Василий, замолчи! — рассердился я и приказал Сепшу приготовить гранаты. Оказалось, что патроны к винтовкам у нас были на исходе.

А враг был уже рядом. В ход пошла «карманная артиллерия».

— Сдавайтесь, живыми оставим! — кричали белогвардейцы.

Я приладил маузер к деревянной кобуре и начал стрелять. «Неужели конец? А жить так хочется», — мелькали обрывки мыслей.

В этот критический момент за нами прозвучало раскатистое «ура». Это поднялись в атаку команда разведчиков и первая рота. Белые, не ожидавшие отпора, бросились бежать. Мы с Сепшом с радостными криками выскочили из канавы, чуть не ставшей нам могилой. Отправив Круга на перевязочный пункт, околицей устремились к южной дороге, чтобы отрезать отступление белым. С севера нагрянул Кийко с основными силами отряда. Белогвардейцы не выдержали удара матросов, бросились отступать по южной дороге и напоролись на засаду разведчиков.

Бросив артиллерийскую батарею, походные кухни, белогвардейцы разбежались по лесу. Часть из них была взята в плен. Наша пешая матросская команда разведчиков превратилась в конную. Для меня это было очень кстати. Пребывание на Северном фронте не прошло бесследно: меня стал мучить ревматизм.

Вскоре пришло известие, что матросские отряды и красноармейские части захватили мятежные форты Красная Горка и Серая Лошадь. У нас в отряде состоялся митинг. Комиссар Вольский, внимательно оглядев матросов, заговорил густым, напевным голосом:

— Моряки Красного Балтийского флота вплели лавры в историю борьбы пролетариата против контрреволюции. Мощным натиском с моря, с суши и с воздуха форты Красная Горка и Серая Лошадь 16 июня 1919 года вновь заняты нами...

Шквал аплодисментов и крики «ура» прервали речь комиссара. Подождав, пока утихнет шум, он продолжал:

— Красное знамя победно развевается над укреплениями врага. Изменники сдают морякам-балтийцам. Да здравствует пролетарская революция! Да здравствует партия большевиков!

7-я армия, в которую входил наш отряд, занимала оборону. Мы расположились около одного большого села. Поспешно рыли окопы, траншеи.

Пришли письма от Наташи и Круга. Девушка писала, что поправляется и скоро снова поедет на фронт. Круг сообщал, что рана его не опасна. В конце письма — горестная весть о гибели Железнякова. Я собрал бывших авроровцев, прочитал им письмо. В памяти каждого вставал героический образ матроса Анатолия Железнякова. А мы-то мечтали поехать на Украину вместе сражаться с врагом!

Вскоре был получен приказ наступать. Наш отряд моряков успешно преследовал врага. Впереди шли мы, разведчики.

Однажды, когда отряд вел бои за опорный пункт, противник, почувствовав безвыходность положения, выбросил над окопами белый флаг. Стрельба прекратилась. Ко мне подбежал ординарец командира отряда с приказанием выяснить, в чем дело. «Возможно, это ловушка», — предупредил командир.

Мы вышли из-за кустов, держа на штыке белый флаг. Двигались осторожно, поглядывая по сторонам, нет ли засады. Из окопов противника появились три человека.

— Братцы, не стреляйте, мы сдаемся! — кричали они, размахивая белым флагом.

Мы встретились на половине пути.

— Сколько сдается человек? — спросил я.

Коренастый, с загорелым лицом, с черными острыми глазами унтер-офицер держался нагло. На его руке виднелась татуировка. «Кажется, моряк», — подумал я. Второй, длиннолицый, с редкими усами, с тревогой оглядывался, видимо, боялся внезапного нападения. Третий, высокий, круглолицый, с испуганными глазами, стоял с опущенной головой. Все они были в английском обмундировании.

— Семьдесят пять человек — целая рота, — ответил коренастый.

— Сколько офицеров?

— Два офицера и два гардемарина.

Усатый помахал флагом. Через несколько минут из окопов один за другим стали выходить солдаты. Они складывали винтовки и патроны. Последним появился командир роты. Его сопровождали два гардемарина.

Офицер подошел ко мне и, медленно поднимая руку к фуражке, словно она налита свинцом, тихо сказал:

— Люди все вышли, можете проверить...

Я внимательно оглядел офицера. Мне показалось, что где-то мы встречались.

— Прошу сдать ваше личное оружие!

Офицер дрожащими руками снял с ремня кобуру с пистолетом и передал мне. И тут я вспомнил, что видел этого человека у Тарнова.

С пленными возвратились в отряд.

Кийко, насупив брови и глядя в упор на офицера, спросил:

— Ваша фамилия?

— Моисеев, Николай Андреевич. Бывший командир первого дивизиона тральщиков Балтийского флота.

— С какого времени у белых?

— Я перешел с тральщиком «Китобой» к восставшим на форту Красная Горка.

— Почему сейчас сдались?

— Увидел у белых разложение и продажность...

— В какой состав входила ваша рота?

— В полк андреевского флага.

Когда Моисеева увели, я рассказал о встрече с ним на квартире у Тарнова. В тот же день Кийко отправил пленных офицеров в штаб 6-й стрелковой дивизии, в оперативном подчинении которой был наш отряд.

К вечеру стало известно, что частями Красной Армии и матросскими отрядами взят Ямбург. Угроза Петрограду была отведена.

Нас разместили в большом селе вместе с кропштадтскими матросами. Мы с наслаждением отдыхали после тяжелых боев и походов. Шли слухи о скором возвращении на корабли. Действительно, через неделю отряд получил приказание возвратиться в Петроград. Ехали медленно: поезд часто останавливался на станциях. В дождливый ненастный день эшелон подошел к Балтийскому вокзалу. Нам устроили торжественную встречу. С оркестром и песнями прошли по улицам Петрограда ко 2-му Балтийскому флотскому экипажу.

Хотелось скорее попасть на корабли, но отряд не расформировывали.

— Почему нас не отправляют на корабли? — спрашивали мы Вольского.

— Обстановка сейчас тревожная, возможно, снова придется братья за оружие,— отвечал комиссар.

В первый же воскресный день Сени, Осин и я отправились в госпиталь, где лежала Наташа Савельева. Она встретила нас, как братьев.

— Друзья, авроровцы! — обрадовалась Наташа.

Мы заметили, как она похудела. Руки девушки стали как бы прозрачными. «Бедняжка, наверно, питается плохо»,— подумалось мне. Хорошо, что, находясь в селе, мы понемножку откладывали от своего пайка и теперь пришли с передачей.

— Вот тебе, Наташа, от нас,— Карл протянул ей пакет.

— Ну зачем же? — сказала девушка, растроганная нашей заботой.— А где же Вася? Почему не пришел он?

— Разве ты не знаешь? Он ранен, лежит в крошштатдтском госпитале.

Наташа была глубоко опечалена.

— Не тяжело?

— Рана пустяковая.

Девушка успокоилась. Она рассказала, что вчера ее навестили политотдельцы. Они сообщили, что мой сигнал о Тарнове помог раскрыть шпионскую организацию, связанную с английской разведкой.

Быстро прошел час встречи. Появилась дежурная сестра, и мы поняли, что пора прощаться...

*Колыбель революции снова в опасности.
Оборона форта Красная Горка.
Конец белогвардейской авантюры.
До свидания, Балтика!*

Наш 2-й Экспедиционный отряд моряков Петроградской базы был пополнен и переформирован. Он получил новое название — 1-й отдельный Петроградский батальон моряков особого назначения. К нам прибыл новый комбат Борисов, недавно окончивший курсы красных командиров. Строгий, подтянутый, одетый в армейскую, ладно подогнанную форму, он резко отличался от матросов. Борисов никогда не служил на флоте и начал вводить муштру. Этим вызвал недовольство матросов.

Новый комиссар Зверев — матрос с эсминца «Самсон» — пришелся нам больше по душе. За его внешней суровостью скрывались справедливость и добродушие. Матросы скоро полюбили его, называли по-братски Федей. В должность командира первой роты вступил Грищенко, тот самый матрос, которого мы вывели с форта Красная Горка. Прибыл к нам и Луговой. Его определили в разведку сигнальщиком.

С фронтов шли все более тревожные вести. Армия Деникина наступала на Орел, угрожала Москве. Наша 7-я армия под натиском белогвардейщины отходила к Петрограду. Огненное кольцо неумолимо сжималось вокруг Республики Советов. С военных кораблей Балтийского флота спешно снимали матросов и формировали из них морскую пехоту. Готовился к отправке и наш батальон.

Из госпиталя вернулся Круг.

— Ты что, сбежал? — спрашивали мы Василия.

— Да нет, выписали, ведь рука-то у меня теперь здорова, — и с этими словами Круг ткнул в бок Осина.

— Ого, видно, что здоров, — отозвался Матвей.

— Ну и хорошо, вовремя приехал, — заметил я. — Ведь завтра отправляемся.

— Вот поэтому и торопился,— хитро подмигнув, сказал Василий.

Батальон подняли еще до побудки по боевой тревоге, выстроили, и уже через час мы шагали на Балтийский вокзал. По всему было видно, что город готовится к обороне: спешно строились баррикады, на улицах маршировали боевые коммунистические отряды, созданные из рабочих Шлиссельбургского, Порохового и других заводов.

Было зябко, моросил дождь. Пасмурная погода нагоняла гнетущее настроение. У каждого возникал вопрос: придется ли снова вернуться. Впереди предстоит жестокая борьба с врагом. Кто-то останется жив, а кто-то и падет на поле боя.

Перед отходом поезда нам принесли газеты. Команде разведчиков достался «Красный Балтийский флот» — один экземпляр на весь вагон.

— А ну, хлопцы, сидайте, будем читать,— сказал Круг, держа в руках газету.

Возле Василия собрался кружок.

— Послушайте обращение товарища Ленина к рабочим и красноармейцам Петрограда: «Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! Победа будет за нами!»

Призыв Ленина поднял наше настроение, вселил уверенность в своих силах.

Через несколько часов эшелон прибыл в Красную Горку. Выгрузившись из вагонов, добрались по полотну железной дороги до разъезда Лендовщина, в лесисто-болотистой местности, заняли подготовленный участок обороны. Были вырыты траншеи, построены блиндажи с пулеметными гнездами, установлены заграждения из колючей проволоки в несколько рядов. Левый фланг обороны упирался в топкое болото, правый уходил в лес. Линию обороны пересекало полотно недостроенной железной дороги.

— Участок опасный — могут атаковать танки. И пехота может лесом обойти правый фланг и выйти нам в тыл,— огорченно заметил командир батальона.

— Надо бы пушки нацелить против танков,— предложил комиссар.

— Я уже говорил об этом коменданту крепости, но он отказал: нет пушек,— ответил Борисов, снимая фуражку

и вытирая платком бритую голову. Повернувшись ко мне, приказал: — Вам, товарищ, надо все время вести разведку правого фланга.

— Есть! — ответил я.

На другой день, еще до рассвета, разведчики установили, что белые заняли деревни Коваши, Калище, а за болотом из домика лесника ведется наблюдение.

Неприятельские самолеты почти ежедневно бомбили форт и нашу позицию, но особого вреда не причиняли. Белые пытались обойти наш правый фланг, однако натолкнулись на разведчиков. Мы своевременно заметили противника и, подпустив его на близкое расстояние, открыли огонь. На беду матросы в наших окопах не знали, что впереди свои разведчики. Мы оказались под перекрестным обстрелом. Ползком пробрались к правому флангу позиции. Белые стреляли разрывными пулями. Ударившись о деревья, они производили зловеще-дребезжащий звук. Казалось, что стреляют с деревьев.

С трудом выбрались из-под перекрестного огня. Пройдя с версту, встретили вторую группу белогвардейцев. Винтовочным огнем рассеяли их.

На обратном пути обнаружили, что не хватает одного разведчика. Пропал Петров. Никто не знал, куда он делся. Осмотрели место последней схватки — там его не было... Теряемся в догадках. Василий Круг высказал такую мысль:

— Ведь Петров — комендор, а они все глухие. Когда был дан сигнал отходить, он, наверно, не слышал и остался на «ничейной» земле. Жаль хлопца...

Вернулись в батальон. Здесь нас ждала новость:

— Хлопцы с форта пришли, говорят: ночью две шлюпки пристали с матросами погибших кораблей. В море три эсминца на минах подорвались — «Гавриил», «Свобода» и «Константин».

— Все три затонули?

— Все... погиб Гаврилюк.

— Это — измена, наверно, какой-нибудь золотопогонник навредил.

— Не болтай, Матвей, — сухо сказал Сепц, взглянув исподлобья на Осина. — На кораблях ни один офицер не спасся. Тут что-то другое.

— Давайте почтим вставанием память погибших моряков, — предложил кто-то.

Обнажив головы, мы попрощались с боевыми друзьями. Доложив о результатах разведки, мы поспешили на розыск пропавшего товарища.

Когда двинулись в путь, Селп сообщил:

— Я видел Лауля с «Авроры», он находится в Кронштадтском отряде моряков. Говорит, что крейсер выводили на фарватер, чтобы затопить и тем самым загородить подход к Кронштадту.

— Не может этого быть...

— Да как же это, «Аврору» затопить?

— Если это нужно для защиты Питера, кто же скажет «нет»? — заметил Карл.

Авроровцы угрюмо молчали. Трудно было предположить, что над родным кораблем может повиснуть такая угроза.

Шли дни... Беспреданно, несколько дней кряду хлестал дождь, иногда со снегом. На позиции наступило затишье. Мы знали, что враг обошел форты Красная Горка и Серая Лошадь, продвинулся к Петрограду, занял Павловск, Царское Село, левым флангом вышел к предместьям города. Железнодорожное и шоссейное сообщение с Петроградом было прервано. Форты оказались в окружении, сообщались с Питером только морем.

Там, на форту Красная Горка, находились теперь Наташа и Полина. Наташа была направлена в распоряжение комиссара форта как политработник, а Полина — в лазарет укрепленного района.

Явившись к главному врачу, Полина с изумлением узнала в нем Романова, служившего вместе с ней на Северном фронте. Эта встреча обрадовала ее. На севере она привыкла к веселому врачу, отзывчивому, доброму человеку.

Не успела Полина ознакомиться с лазаретом, как к ней зашла Наташа. Она получила задание побывать на передовых позициях: на Лендовщине, Сан-Галии и на форту Серая Лошадь.

Неожиданно прозвучал глухой звук выстрела крупнокалиберного орудия, послышалось гудение летящего снаряда. Снаряд разорвался где-то около форта. Обстрел вели, видимо, с моря.

— Что с тобой, почему ты так побледнела? — с беспокойством спросила Полина, заметив, как изменилось лицо подруги.

— Этот выстрел напомнил кошмар, который я здесь пережила, — тихо проговорила Наташа.

— Ну, что было, то прошло. Успокойся.

В помещение вошел Романов, волнуясь, сказал:

— Полина Григорьевна, возьмите повозку и с двумя санитарями быстрее поезжайте на Лендовщину. Там противник обстреливает с моря наши позиции. Ездовой дорогу знает. Оттуда звонили — есть раненые.

— Наташа, поедем вместе? — предложила Полина.

— Конечно, — согласилась девушка.

Через несколько минут они ехали по лесной дороге туда, где с грохотом рвались снаряды.

Повозка остановилась около штаба батальона, расположенного в блиндаже. В штабе никого не было. Девушки вместе с санитаром пошли на позицию. Послышался свист пуль, шелестение снаряда.

— Ло-жи-сь! — крикнул санитар.

Тяжелый снаряд разорвался с оглушительным грохотом, образовав воронку, и будто огромной секирой срезал несколько деревьев. Расщепленные стволы жалобно стонали, как раненые.

Девушкам встретились закопченные гарью, забинтованные раненые матросы. Они брели, не обращая внимания на обстрел. Полина и санитар занялись ранеными. Наташа решила добраться до места боя.

За деревьями показалась изрытая поляна. «Неужели это окопы?» — подумала Наташа. В эту минуту вблизи разорвался снаряд, и воздушная волна бросила ее на землю. Оглушенная, растерявшаяся девушка, пригибаясь, бежала к окопам. Она твердо знала, что ее место там, где сражаются люди. Пробираясь к окопам, видела убитых. В воздухе свистели пули. Через равные интервалы времени с гудением летели снаряды. От взрывов сотрясалась земля. Но девушка не струсилась. Она подбежала к матросам, узнала Грищенко. Тот размахивал руками и что-то яростно кричал, но его никто не слышал: все были оглушены взрывами.

Заметив Наташу, Грищенко торопливо вытащил записную книжку, что-то написал, сунул листок в руку девушки, повернул ее по направлению к штабу. Глянув в записку, она поняла, что от нее требуют, и побежала к штабному блиндажу.

В это время мы как раз возвращались из разведки.

— Наташа, что ты здесь делаешь? — увидев девушку, спросил я ее. Не отвечая на мой вопрос, она крикнула:

— Где командир батальона? На позиции наступают белые! Грищенко с ротой еле держится. Вот от него записка.

На измятом листке я прочел: «Товарищу Борисову. Прошу подмоги. Вторая рота отступила, командир убит. Белые атакуют нас. Грищенко».

— Ребята, за мной! — скомандовал я.

Лесной чащей мы устремились на позиции. Оттуда доносился треск винтовочных выстрелов, редкое тарахтение пулеметов. Зато со стороны противника велась ожесточенная суматошная стрельба.

— Скорей, ребята, — подбадривал я разведчиков, хотя бежали все быстро. Только гул близкого снаряда заставлял нас иногда бросаться на землю.

На переднем крае батальона увидели вздыбленную землю, воронки, стреляные гильзы. Среди раненых суетилась Полина, оказывая им первую помощь, санитары уносили пострадавших в лес, к повозке. В развороченных окопах кое-где виднелись люди.

Мы прибыли как раз вовремя. Из лощины, как муравьи, ползли белогвардейцы. Вот они уже режут проводочные заграждения. Сепп нашел в окопе забитый землей пулемет, быстро пустил его в ход и огненной струей стал поливать врага. Санитары раскопали полузасыпанного землей Грищенко. Придя в себя, ротный спросил:

— Где беляки?

— Пятки салом мажут, — ответил Луговой, ободряюще улыбаясь.

Обращаясь к Луговому, слабеющий Грищенко чуть слышно проговорил:

— Иван... Сынку, Сашко...

Он хотел еще что-то сказать, но из груди вырвался свистящий вздох, Грищенко в последний раз потянулся, закрыл глаза. Все, как по команде, сняли бескозырки.

— Еще одним авроровцем стало меньше, — скорбно сказал кто-то.

Когда подбирали раненых, нашли неразорвавшийся снаряд пятнадцатидюймовой пушки с английской маркой. Удивляла величина снаряда: он был выше человеческого роста. Бойцы рассматривали это чудовище и кляли на чем

свет стоит заморскую буржуазию, помогающую белогвардейщине сеять смерть на нашей земле.

На другой день противник отступил. Команда разведчиков получила приказ проверить, есть ли белые в деревне Калище. С утра подморозило. С деревьев тихо падали пожелтевшие листья. В такую погоду в лесу хорошо: трава суха и воздух чист. Нас настораживала гнетущая тишина. Вдали показались дома. Осторожно обошли деревню: противника не было видно. Это подтвердили и крестьяне, встреченные на опушке леса. Они рассказали, что белогвардейцы пытали здесь раненого матроса, только ничего от него не добились, он не выдал военной тайны и погиб смертью героя. По всем признакам это был наш разведчик Петров. Крестьяне показали нам его могилу.

— Спи, браток... Мы не забудем тебя никогда, — сказал Сепп, снимая бескозырку.

Склонив головы, мы безмолвно стояли над холмиком...

Это было боевое время. Юденич хвастливо вещал в зарубежной прессе, что вот-вот Петроград падет к его ногам, как зрелое яблоко с дерева. Но Красная Армия ударила по флангам белогвардейцев, сорвала их планы, нанесла большие потери.

Наш батальон неожиданно вывели из боя. Матросы недоумевали: почему в такое время их отвели. Батальон расположился на территории форта. Вскоре пошли слухи о нашем перебазировании. Мы с Василием попросили разрешение у комбата навестить Савельеву. С трудом, но все же разыскали ее.

— Наташа, здравствуй!

— Дорогие разведчики, живы-здоровы! — обрадовалась девушка. — Слышала, направляетесь в Лебяжье?

— Да, туда. На минуту забежали проститься.

— Вы немного подождите, я скоро вернусь, — попросила Савельева и вышла. Она скоро вернулась не одна, а с Полиной. Василий Круг протянул ей руки.

— Вот неожиданная встреча. Дай хоть глянуть на тебя, Полинushка.

Мы вспоминали пережитое, мечтали о будущем. Хотелось выговориться, отвести душу, а время подгоняло нас. Распрощались молча, угловато, по-солдатски, но с болью в сердце.

И вот перебираемся в поселок Лебяжье. Расположился я с друзьями-разведчиками в большом доме, хозяина ко-

того убили белые. Хозяйка осталась одна с малолетними ребятами, и дом постепенно приходил в запустение. Ударили легкие морозы. Землю покрыл первый снежок. Море потемнело, вода казалась густой.

С продовольствием стало труднее. Мы закололи раненую лошадь, которая обслуживала команду, и этим немного улучшили питание. Хозяйка дома готовила нам и питалась вместе с нами. Все усаживались за один стол. Разведчики шутили:

— Команда укомплектована полностью!

Хозяйка дома не только готовила, но и чинила потрёпанную одежду — кому пуговицу пришьёт, кому заплату наложит. Разведчики были очень довольны и в благодарность отремонтировали ей дом.

Вечерами к нам приходили друзья из других подразделений. Пели песни и танцевали. Заводилой был Осин. Как баянист, он всегда находился в центре внимания. Частенько заглядывали поселковые девушки. Они приходили как бы к хозяйке, а потом веселились вместе с нами.

Через неделю в Лебяжье наведалась Савельева. Днём она провела с нами беседу о международном положении.

Мы с Сенпом пошли проводить Наташу. Шёл небольшой снежок, он причудливо висел на деревьях. Подошли к морю. Темные волны ударялись о берег, тревожно шурша мелким льдом. Море в вечернее время создавало тоскливое настроение.

— Я не успела Кругу сказать... Полина очень просила его приехать на форт... Да, вот еще что: мне кажется, на днях ваш батальон отправят на корабли...

Наташа оказалась права. Действительно, вскоре поступил приказ: грузиться в эшелон для следования в Петроград.

Через неделю мы были на корабле. Я стал работать в судовой мастерской. Сенп проверял трубопроводы, изучал сложную систему подачи воды и откачки ее из трюмов и отсеков. Осин и Круг несли вахту на верхней палубе. Началась будничная корабельная жизнь.

Однажды, собравшись в кубрике, мы размышляли о будущем. Всех волновал вопрос: по каким пойдем стежкам-дорожкам, когда кончится война.

— А что, если зимой, пока на приколе, взяться за учебу? — предложил я.

— Это ты доброе дело надумал, Саша! — поддержал меня Василий Круг.

— Мне тоже хочется по-настоящему освоить морское дело, чтобы командовать военным кораблем, а не какой-нибудь черепахой, — признался Сепп.

Прозвучала дудка вахтенного: «Команде ужинать». Расходясь, решили потом еще потолковать об этом.

Через день состоялось партийное собрание линкора «Гангут». На повестке дня вопрос о посылке трех человек на курсы комиссаров. Выдвинули меня, Круга и председателя коллектива партии большевиков Николаева.

Прошла неделя. Мы с Василием стали посещать курсы. Нам преподавали общественные науки, стратегию, тактику, артиллерию, минно-торпедное дело. Сегодня это кажется таким обыденным. Но в голодную и холодную зиму 1919/20 года, после боев и походов нелегко было подружиться с книгой. Однако учились жадно, с матросским упорством.

Когда Наташа и Полина узнали, что мы взялись за учебу, они искренне обрадовались. В письмах девушки ободряли нас, советовали, как одолеть трудности.

Шли месяцы. Как альпинисты, с трудом карабкались мы каменистыми тропинками к знаниям. И кажется, другими глазами начинали смотреть на жизнь, события, на свое будущее.

Наступала весна. Она волновала нас предчувствием перемен и новых дорог. И вот как-то вечером, когда все собрались в кубрике, комиссар объявил:

— Друзья, для Азовской флотилии пабирают людей. На севере вы побывали, может, поедете теперь на юг добывать козтру?

Задумались. Первым отозвался Василий Круг:

— Надо поехать на щире Украину. Ведь земля там все еще в огне войны. Врангелевцы терзают Таврию, Крым.

Я тоже выразил желание ехать.

— К кому же обращаться насчет отъезда? — спросил кто-то.

— Неволин, составьте список желающих, — приказал комиссар.

— Пиши меня, коли возьмут, поеду боцманом, — сказал Осип.

Записались также Луговой, Сепп.

На другой день я отнес заявление в Управление личного состава Балтийского флота.

С каждым днем все ласковее светило солнце. Побурел снег на Неве.

В один из таких теплых весенних дней я стоял на палубе, на шканцах. Вдруг заметил длинную несуразную фигуру матроса, поднимавшегося по трапу. Он шел прихрамывая, тащил на плече деревянный ящичек. Его лицо мне было знакомо. «Да это ж Филя Длинный — друг Железнякова», — вспомнил я. Встали в памяти дни охраны Таврического дворца, когда там заседало Учредительное собрание. Филя был тогда патрульным и все жаловался, что у него мерзнут ноги.

— Эй, дружище, откуда ты? — окликнул я матроса.

— А, авроровец? — добродушно спросил он, ставя ящичек на палубу. — Есть еще «старики» на этой коробке?

— Кое-кто есть. Управисься с делами — забегай в шестой кубрик, потолкуем.

Перед ужином Филя пришел. Собравшись в кружок, матросы с интересом слушали его рассказ о поездке на Украину, о боях и походах, о подвиге матроса Железнякова.

— Добрались мы с командой матросов ночью до станции Водопой. Это под городом Николаевом. На платформе ни души, тишина. Вдруг слышим шум подходящего поезда, аж рельсы гудят. «Никак бронепоезд?» — напрягая слух, встревоженно проговорил Железняков. И верно, к станции на всех парах подходил бронепоезд. Железняков командует: «Приготовить гранаты! Бугаенко — взорвать путь впереди поезда! Борисенко — отрезать отступление!.. Остальные — в цепь!» Мы разбежались по боевым постам. Видим: подходит немецкий бронепоезд «Дейчланд». Анатолий оказывается у паровоза с гранатой в одной руке, с наганом в другой и командует: «Выходи!»

В эту минуту раздался оглушительный взрыв на железнодорожном полотне. Словно в подкрепление, Бугаенко метнул связку гранат впереди поезда... Немцы сдались. Мы загнали их в станционный склад.

Железняков вызвал по селектору ближайшие станции и приказал передать партизанам, что на станции Водопой захвачен немецкий бронепоезд. Команда обезоружена. Кому надо винтовки, пулеметы, патроны — быстро сюда!..

— А ты расскажи, как погиб Анатолий, — попросил Круг.

Филя глянул на Василия, нахмурившись, сказал:

— Тяжко об этом вспоминать... А случилось это в прошлом году, когда Деникин наступал. Наш бронепоезд имени Худякова в ту пору стоял на станции Эрастовка. А белые наступали на соседнюю станцию Верховцево, где окопалась красноармейская рота. Ну мы, ясное дело, поспешили на помощь. И завязалась тут катавасия — небу жарко! Белые стреляют из орудий прямой наводкой, лезут живой силой. Отбили несколько «психических» атак. Но вот у нас кончились боезапасы, да и ребят многих потеряли. В это время по приказанию Железнякова бронепоезд ринулся вперед, в упор расстреливая белых. Думали прорваться. Анатолий — парень горячий, высунулся из рубки и стал стрелять по врагам из нагана. Ну, его и вдарило в грудь навывлет. Вот так и погиб наш командир. Какой был парень!

Филя опустил голову. Наступило тягостное молчание.

Подошел воскресный день. Большинство матросов вышли на верхнюю палубу погреться на весеннем солнышке. Сепп, сидя около носовой башни и что-то мурлыча под нос, пришивал пуговицы к бушлату. Я пристроился возле него, чинил брюки. Круг читал какую-то книжку. Дежурный по кораблю Осин с блестящей боцманской дудкой на груди важно ходил по палубе.

Время приближалось к обеду. Неожиданно к нам подошел Луговой и сообщил: кто записался на Азовскую флотилию, в среду будет грузиться в эшелон. Наконец-то!

На Азовскую военную флотилию меня назначили комиссаром дивизиона сторожевых кораблей, Василия Круга — комиссаром канонерской лодки, Сеппа — командиром сторожевого корабля, Лугового — сигнальщиком, а Осина — боцманом на плавучую батарею. Друзья авроровцы дали слово воевать на юге с врагом до полной победы.

После обеда просвистела дудка вахтенного. Послышалась команда:

— Круг, к трапу!

Мы переглянулись с Василием: неужели Полина? Взволнованный, Круг подбежал к трапу. На берегу стояли Полина и Наташа. Он спустился к ним. Когда прошли первые минуты радостной встречи, сообщил о скором отъезде на новое место службы.

— Я решил ехать женатым... — мягко, но решительно сказал он и пытливо посмотрел на смущенную Полину.

— Все это очень уж неожиданно... Нельзя ли подождать? — тихо проговорила она.

— Нельзя, дорогая.

— Хорошо, я согласна.

Василий с восторгом схватил руку девушки:

— Какое счастье, Полинупка...

Когда молодые шли регистрироваться в райсовет, Осип изрек:

— Эх, и попляшу на вашей свадьбе!

Вечером в квартиру Пермяковых пришли поздравить Круга авроровцы, хивинцы и гангутцы. До поздней ночи не умолкали песни и звуки баяна. Лихо отплясывали кадрили, краковяк, матросское «яблочко». Афанасий Силыч и его жена Мария Савельевна вместе со всеми радовались счастью молодых.

На другой день на Николаевском вокзале грузились в поезд, идущий в Мариуполь.

— В свадебное путешествие отправляемся! — шутил Круг, помогая Полине забраться в товарный вагон, где ехали моряки с женами и детьми.

Эшелон тронулся. Он громыхал мимо пакгаузов, водокачек, зданий. Стоя у открытых дверей, мы думали: «Прощай, Петроград — город революции, нашей большой судьбы».

*Эшелон идет на Украину.
Первый бой! Морское счастье. Десант.
Бой под Обиточной*

Наступил май 1920 года. Белыми и сиреневыми цветами покрылись сады. Все сильнее припекало щедрое южное солнце, только ночи были еще прохладными. По Приазовской равнине тащился воинский эшелон, часто останавливаясь на станциях около водокачек. Старешкий паровоз сердито шипел, выбрасывая из трубы черный дым с раскаленными угольками. Монотонно стучали на стыках колеса теплушек. Передние вагоны были запломбированы, на тормозных площадках стояла вооруженная охрана, в теплушках ехали матросы. Некоторые из них сидели у распахнутых настежь дверей, свесив ноги, другие расположились на нарах. Это были обстрелянные, бывалые люди: одни из них дрались на Севере против иностранных интервентов — американцев, англичан, другие защищали Петроград от нашествия войск генерала Юденича, третьи сражались против белогвардейцев на Волге, Каспии.

Вместе с матросами ехали начальник Черного и Азовского морей¹ Домбровский, комиссар Барапов, назначенные на эти боевые посты Реввоенсоветом Республики.

В эшелоне жизнь шла так же размеренно, как и на корабле: в каждом вагоне с красной повязкой на рукаве и с боцманской дудкой стоял на вахте дивальный. На стенах были развешены винтовки, карабины, пулеметные ленты, вещевые мешки, под нарами лежали морские брезентовые чемоданы и самодельные деревянные сундучки.

Вагоны были старые, обшарпанные, пробитые кое-где пулями и осколками снарядов. На закруглениях рельсов и

---

¹ Так тогда называлось объединенное командование на двух морях.

стыках они раскачивались и скрипели. На площадках крайних вагонов — пулеметы с дежурными расчетами. Это была разумная мера предосторожности против внезапного нападения на эшелон белогвардейских бапд, а они всюду рыскали тогда по Украине, неся горе и смерть трудовому народу.

В одном из вагонов ехала группа матросов, недавно окончивших курсы военных командиров. Среди них был и я. Партия большевиков посылала нас комиссарами на корабли и в воинские части, которые формировались на Азовском море по указанию вождя революции Владимира Ильича Ленина. Все мы чувствовали, сколь велика наша ответственность за судьбу молодой Советской республики. В пути комиссар Алексей Баранов подробно рассказал о сложной обстановке на юге Украины.

В Харькове балтийцы получили новые назначения. Василия Круга, Карла Сеппа, Михаила Овчаренко, Леонида Королькова и других послали на Днепровскую флотилию. Матвея Осина и меня — на Азовское море. Не хотелось нам разлучаться с флотскими друзьями. Подумать только, сколько лет вместе служили на «Авроре», вместе красногвардейцами, солдатами Петрограда «делали революцию».

Наш эшелон часами простаивал на станциях, пути были забиты вагонами. Так шли дни за днями. Хотя и медленно, но эшелон приближался к Азовскому морю.

— Что же, братва, видно, заканчивается наше плавание по сухопутью в дырявых коробках, — басил Дмитрий Степанов, матрос с эсминца «Миклухо-Маклай». — Подумать только — минул месяц, как мы расстались с Петроградом.

— Зато мы многое повидали, — отозвался Василий Ефимов.

Кучерявый матрос, похожий на цыгана, громко крикнул:

— Гляньте, хлопцы, уже виден и Мариуполь...

На горизонте показались корпуса мариупольских металлургических заводов. Но ни одна труба не дымилась — разруга прошла и по приморской земле. Что же ждет нас впереди? — эта дума волновала матросские сердца.

...А вот и Азовское море. Водолазы поднимают затопленные белогвардейцами буксиры, шаланды. Матросы ремонтируют пароходы, вооружают их пушками и пулеме-

тами. Команды поднятых военных судов пополняются комендорами, сигнальщиками. Главная база флотилии находилась тогда в Мариуполе. С прибытием нашего эшелона на его улицах еще чаще замелькали синие форменные воротники и черные ленточки бескозырок. С каждым днем все оживленнее становился морской порт, где швартовались корабли флотилии. В мастерских загудели станки, открылись склады.

Вскоре мы получили назначения. Командование назначило Дмитрия Степанова на канонерскую лодку «Знамя социализма», Василия Ефимова — комиссаром дивизиона плавучих батарей, Михаила Степанова — в штаб флотилии, меня — комиссаром дивизиона сторожевых кораблей. В Мариуполе базировалось два дивизиона — шестой и седьмой. В состав шестого входило три корабля: «Данай», «Пугачев» и «Пролетарий». В состав «семерки» — «Карл Маркс» и «Кавказец». Служба флотская в то время была особенно трудной, как говорят моряки — соленой. Разруха давала о себе знать. Не хватало обмундирования, форменные рубашки матросы надевали по очереди, ходили в сандалиях на деревянных подметках. Питались в основном сушеной воблой, в шутку называя ее «карими глазками».

Мое знакомство с личным составом дивизиона сторожевых кораблей началось в плавании. Не успел я как следует оглядеться, как был получен приказ командующего флотилией — кораблям «Данай» и «Пугачев» выйти в море для несения дозора. Стояла штилевая погода, на небе ни облачка, море синее-синее, как цветное стекло. Вблизи кораблей иногда появлялись дельфины, резвясь, они то исчезали в морской пучине, то вновь всплывали на поверхность.

Прошло несколько часов. Нежданно-негаданно подул ветер, он усиливался с каждой минутой, вздымал крутые волны. Стоя на мостике, я слышал гудение ветра в снастях, скрип мачты и реи. На своем морском веку мне довелось испытать немало штормов, но такую бурю я, кажется, видел впервые. Боцман и матросы, одетые в непромокаемые желтые куртки и зюйдвестки, рискуя жизнью, крепили на палубе тросы, ящики. Волны яростно обрушивались на корабли, перекачивались через фальшборт. На мостике находился командир «Даная» Николай Петрович Коваленко, опытный, пожилой моряк. Казалось, он не обращал внимания на шторм, помахивая трубкой-люль-

кой. Здесь же находился командир дивизиона сторожевых кораблей Василий Федорович Медведев, бывший капитан торгового парохода.

Шторм все крепчал. «Данай» раскачивался, содрогаясь от ударов волн, кренился на борт. Иногда казалось, что палуба проваливается в морскую бездну. У носа корабля, пенясь, поднимались огромные валы. Еще труднее приходилось «Пугачеву» — корабль то и дело кренился на борт, по сравнению с «Данаем» он был менее устойчив.

Надвигалась угрюмая штормовая ночь. Корабли шли по своему маршруту, противоборствуя с бурей. В таких условиях и состоялось мое первое знакомство с военными моряками дивизиона.

Выполнив боевое задание, с восходом солнца возвратились в гавань, встали под погрузку угля. В штабе флотилии Медведеву и мне сообщили: под покровом штормовой ночи вражеские корабли высадили десант около станции Ново-Николаевской. Белогвардейцы надеялись на поддержку донских казаков. Однако их надежды не оправдались. Десант был блокирован.

Мы получили приказ: «Данаю» и «Пролетарию» в составе отряда канонерских лодок «Знамя социализма», «Свобода», «Буденный» и «Красная звезда» идти к Кривой косе. Мы должны были артиллерийским огнем поддерживать подразделение Красной Армии и вместе с пехотой ликвидировать десант у станции Ново-Николаевской, нанести удар по кораблям противника, отрезать им путь отхода на свои базы.

Команда быстро закончила погрузку угля. Над сторожевиками висело облако черной пыли, резко выделяясь на голубом фоне. Отряд вышел в море. Дул встречный ветер, он сердито гудел в снастях рангоута, в раструбах вентиляторов. Все выше вздымались волны. Прилетели чайки, они с пронзительными криками кружились над кораблями, как бы предупреждая нас об опасности в предстоящем бою.

Шли в кильватер. Сторожевики держались параллельного курса. Вдали показалась Кривая коса, из-за нее внезапно появились пять врангелевских кораблей и один миноносец. На мачтах наших кораблей взвились сигнальные флаги.

Мой первый бой на Азовском море... Откровенно говоря, я волновался, хотя и старался скрыть внутреннюю

тревогу от зорких глаз матросов и командиров. Волновался и Медведев: он знал, что враг превосходит нас в артиллерии и скорости хода.

С флагманской канонерской лодки «Знамя социализма», где находился командир отряда, передали сигналы. Мгновенно блеснули артиллерийские выстрелы. По примеру флагмана и другие канонерки открыли огонь. Вокруг вражеских кораблей взметнулись фонтаны воды и огня. Канонерские лодки «Красное знамя» и «Буденный» стреляли из положения, повернувшись кормой к противнику. Приходилось маневрировать. Вражеские снаряды рвались все ближе и ближе к сторожевикам. Осколками повредило палубу корабля, ранило двух человек. Наши орудийные расчеты смело вступили в огневую дуэль. Раздевшись до пояса, обливаясь потом, матросы поднимали снаряды из трюма и подавали их к пушкам. Над морем стоял пронзительный гул.

— Что-то случилось на «Буденном»! — с тревогой в голосе крикнул Медведев.

Рассматривая в бинокль канонерку, я увидел: пушки наклонились на бок.

— Видимо, крепление, шпангоуты и бимсы не выдержали, — с горечью сказал Коваленко.

Медведев приказал сигнальщику:

— Быстрее запросите канлодку — какая им требуется помощь?

В этот момент наши корабли открыли по врагу массированный огонь. Несколько прямых попаданий вызвали на врагелевских судах пожары. Попав в огневую сеть, они стали поспешно отходить. Даже не верилось в столь благополучный исход боя, но на войне бывает и такое. Наступила тишина. Свободные от вахты матросы вышли на палубу, делились впечатлениями, слышались шутки-прибаутки в адрес беляков... С рассветом отряд швартовался в гавани базы.

На другой день сторожевые корабли «Данай» и «Пролетарий» вновь вышли по направлению к станице Ново-Николаевской. К полудню подошли к станице. На берегу лихорадочно стучали пулеметы, слышались винтовочные выстрелы, взрывы гранат, шел бой. Сторожевые корабли приблизились к берегу, но были встречены шквалом артиллерийского огня. Вражеские пушки стреляли с закрытых позиций, снаряды рвались все ближе к кораблям.

Один из них разорвался недалеко от «Даная». Осколками, как острым ножом, срезало корабельный флаг вместе с гафелем.

— Флаг за бортом! — крикнул вахтенный на палубе.

В это же мгновение матрос Лукин прыгнул в море. А «Данай», будучи под прицельным огнем врага, шел, не сбавляя хода. Медведев приказал сигнальщику:

— Передай семафор на «Пролетарий»: подобрать матроса Лукина.

Вместо сбитого флага на мачту подняли другой. Алое полотнище запылало на ветру. Матросы с тревогой всматривались в море, переживали за товарища. Казалось, его уже навсегда поглотили волны. Но вскоре все повеселели, увидели в бинокли, как Лукина на ходу подхватили и вытащили на палубу «Пролетария».

— Товарищ командир! Я вижу на колокольне золотопогонников, — доложил сигнальщик.

Рассматривая стапцу в бинокль, Коваленко сказал:

— Так это же наверняка их «глаза» — наблюдательный артиллерийский пункт. Стрельни-ка, Красильников, по колокольне.

Командор рассчитал точно — несколькими выстрелами разрушил НП противника.

— Вот это по-авроровски, — похвалил Медведев.

Потеряв «глаза», вражеская артиллерия смолкла. Наши корабли приблизились к берегу и открыли сильный огонь по опорным пунктам врангелевцев. Это послужило сигналом для наших пехотинцев, они поднялись в атаку. Несколько часов на приморском плацдарме громыхал бой. Сухопутные подразделения при поддержке сторожевых кораблей разгромили вражеский десант. Лишь небольшой группе белогвардейцев удалось уйти на Дон.

А через несколько дней команды кораблей «Пугачев», «Данай» и «Дон» вышли на новую боевую операцию. Они устанавливали минные поля в Таганрогском заливе. Закрыли путь в залив врангелевским кораблям.

...Наступил август. Днем и ночью матросы, рабочие мариупольских заводов и порта ремонтировали наши корабли: заделывали пробоины, укрепляли орудия, проверяли в трюмах двигатели, пополняли запасы угля. Командира «Даная» Медведева и меня вызвали в штаб флотилии. Мы доложили об установке минных полей. Командующий флотилией Гернет интересовался настроением и

подготовкой матросов к новым боям, расспрашивал, в каких квадратах моря мы установили мины.

Подойдя к карте, командующий показал нам район предстоящей военной морской операции. Вглядываясь в наши лица, он сказал:

— А для этого мы решили создать отряд кораблей в составе кораблей «Данай», «Пугачев», пяти катеров-истребителей и миной баржи «Дон» с полным запасом шаровых мин. Командиром отряда я назначаю товарища Медведева, комиссаром товарища Неволлина. Вопросы есть?

— Кажется, все понятно, — ответил Медведев.

— Но учтите, товарищи, операция сложная, ответственная, — продолжал командующий флотилией. — Вам придется идти в районах, где господствует флот противника, имеющий быстроходные корабли. Учтите, у белых в проливе стоит на мели броненосец «Ростислав», он используется как батарея...

Мы возвращались на корабли гордые сознанием, что нам доверили выполнение столь важной боевой операции. День и ночь корабли готовились к новому походу. «Дон» принимал полный боекомплект мин, уголь для сторожевиков.

Перед выходом в море мы собрали командиров и комиссаров кораблей отряда. Медведев зачитал приказ командующего. Когда Василий Федорович закончил, наступила тишина.

— Если есть вопросы, прошу, товарищи! — сказал Медведев.

— У меня есть, — поднимаясь с места, сказал флаг-секретарь командира дивизиона Тутаринов. — Я знаю, что приказы не обсуждаются, а выполняются. Но этот приказ, по-моему, невыполним, он просто фантастичен. Почему-то мало учитывается обстановка, наши силы и врангелевцев.

Флаг-секретарь замолчал. Наступила неловкая тишина.

— Кто еще желает высказаться? — спросил Василий Федорович.

— Я, в общем-то, согласен с флаг-секретарем Тутариновым, — неуверенно сказал механик корабля Протасов.

— Я не позволю обсуждать приказ, а требую его выполнения, — сухо парировал командир отряда, — Совеща-

пис закончено... Через полчаса выходим в море. Можете быть свободны.

Я пригласил Тутаринова в каюту. Мне хотелось более глубоко понять его настроение. Я знал, что он выходец из дворянского сословия, хотя и не придавал этому особого значения. Служил в Экспедиционном корпусе во Франции. Вернувшись на родину, поступил матросом на пароход. Был мобилизован на флот. Когда в штабе узнали, что он имеет военное образование, назначили на сторожевые корабли флаг-секретарем командира дивизиона.

— Евгений Иванович, скажите откровенно, почему вы так пессимистично настроены? Может быть, испугались? — спросил я без обиняков у Тутаринова.

Он молчал, нервно потирая руки. А потом, то повышая голос, то почти шепотом заговорил:

— Страх у меня притупился за войну... Честно говоря, я на распутье. Все так круто изменилось в жизни. Я бывший дворянин, из старинного рода. Революция отняла у нашей семьи поместье. Но об этом поздно жалеть. Учился в кадетском корпусе, а потом военная служба... Боюсь, что мы понесем в этих боях напрасные жертвы, — закончил он упавшим голосом.

— Я прошу, более того, требую, о ваших настроениях никому не говорить. Как морской офицер, вы обязаны не за страх, а за совесть выполнять свой долг перед Советской Родиной. Надеюсь, вам ясно?

— Да, я вас понял. Можно идти?

— Да.

«Что он за человек? Может быть, растерявшийся интеллигент или расчетливый, хитрый враг? — думал я. — Надо присмотреться к нему и к механику корабля». В тот же день побеседовал с коммунистами о бдительности на кораблях, о партийной и воинской дисциплине.

...Темной августовской ночью отряд вышел из гавани и взял курс на юг. Впереди шел «Данай», за ним «Пугачев», взявший на буксир баржу «Дон». Далее следовали катера «Зоркий», «Пылкий», «Смелый», «Беспокойный» и «Жуткий». Малым ходом, строго в кильватер отряд шел по своему курсу.

— Мы подходим к минным полям, — предупредил нас Коваленко, всматриваясь в карту и сверяя показания лага.

Матросы, командиры знали — опасность рядом. Может

быть, где-то под килем покачиваются рогатые чудовища — мины. Малейшая ошибка в расчетах — и взрыв. От корабля останутся лишь обломки. Время текло медленно, казалось, оно остановилось... Но вот Коваленко, взяв секстант, определил по Полярной звезде маршрут и сказал радостно:

— Ну вот, морячки, и вышли из минных полей.

Все облегченно вздохнули, повеселели. Отряд благополучно прошел опасный район. Корабли набирали скорость. На фоне ночного неба удивительно ярко мерцали звезды. Безмолвие... Лишь машины «Даная» да журчание воды у форштевня нарушали тишину. Корабли шли с потушенными огнями, лишь на корме «Даная» мерцал кильватерный световой сигнал. Обстановка становилась все более опасной, с минуты на минуту могли появиться неприятельские корабли, которые в этом районе несли дозор. Мы решили приблизиться к берегу и стать на якорь.

— Слева по курсу есть небольшая бухта, с моря ее не видно, — сообщил командир «Даная».

Корабли укрылись в бухте. Вскоре на горизонте показались две врангелевские канонерки. Дымя, они шли курсом на север, а потом повернули влево и скрылись за горизонтом.

К полудню стало жарко. С кубанских степей, как из раскаленной печи, повеял ветер. Свободные от вахт матросы спали, утомленные ночным походом. Медведев вызвал на флагман командиров и комиссаров кораблей. Первым на шлюпке подошел командир «Пугачева» Федор Верченко вместе с комиссаром Григорием Полищуком, за ними командир «Дона» Спиридон Нос, флагманский минер флотилии Иван Субботин, командир катеров Георгий Бутаков и другие. Совещание проводилось на баке корабля. Уточняли детали постановки мин. Решили перевести штаб отряда на «Пугачев». Связь «Дона» со штабом поддерживать с помощью телефона.

— Товарищи, я требую во всем соблюдать строгий порядок, во время постановки мин не допускать шума, громких разговоров. Мы в опасной зоне, будьте всегда начеку, — сказал Медведев в конце совещания.

...Солнце раскаленным шаром клонилось к горизонту. Море покрылось бликами, облака порозовели. Надвигались сумерки, а за ними темная ночь, даже звезды закры-

ла туманная мгла. Дневная жара спала, подул легкий бриз. Отряд снялся с якоря. Шли обычным строем. Только катера снялись с буксира и пошли самостоятельно. Большинство матросов находились на палубе. Молча вглядывались в темноту. Кто-то тихо сказал:

— Ну и темнота, словно в брюхе акулы.

— А это нам на руку. Беляки не заметят, пройдем рядом — не увидят, — подбодрил я.

Полночь... Идем благополучно. И вдруг далеко в море, по нашему курсу, сверкнули ходовые огни кораблей. Объявили боевую тревогу. Лица у всех посуровели.

— Что б это могло быть? — спросил я Верченко.

Медведев в ночной бинокль рассматривал море. Огни передвигались к северу.

— Лечь в дрейф! — скомандовал Медведев. — Опустили часа на полтора. Очень досадно.

— Эх, и была бы каша на фанватере, если бы успели поставить мины, — заметил Верченко.

— Передайте на катера: идти на фанватер пролива, выяснить, какая там обстановка, — приказал Медведев.

С нетерпением ждем возвращения катеров. Прошли все сроки, а их не было на проливе. Огни противника исчезли, и командир отряда приказал идти в район постановки мин.

Вдали, по направлению к Керчи, ночь пронзил свет прожектора. Мы решили, что это на «Ростиславе». Осторожно подошли к крымскому берегу; он скалами навис над нами. Вдруг на горе блеснул прожектор и стал освещать море. На наше счастье, отряд находился в непроглядываемом пространстве.

Медведев и Верченко определили координаты. Оказалось, что мы находимся на фанватере пролива. Сообщили на «Дон» — можно ставить мины.

И снова легли на свой курс. Корабли шли медленно, бесшумно, как тени, а за ними через равные промежутки времени слышались всплески сбрасываемых мин. Пошли обратным курсом для постановки второй линии.

— У меня такое ощущение, будто мы идем по краю пропасти, — сказал мне Луговой. — Одно движение — и мы сорвемся, поминай как звали.

— Не думай, Петр, об этом. У страха глаза велики.

Субботин доложил — мины поставлены. Успешно выполнено боевое задание. Командование отряда перебра-

лось на «Данай». Корабли взяли курс к кубанскому берегу. Все повеселели.

Ночной мрак постепенно рассеивался, близился рассвет. Лишь на горизонте все еще висела серая мгла. Вскоре ветер разогнал ее. Внезапно слева вдали вынырнули два корабля. Оповестительного сигнала они не давали и от нас ничего не запрашивали. Видимо, не заметили нас. Об этом доложил командиру сигнальщик.

Рассматривая в бинокль корабли, Коваленко сообщил:

— Первым идет врангелевский «Страж», за ним — «Грозный». У них по две шестидюймовые пушки... Скорость в два раза больше нашей.

Врангелевцы заметили нас. Первый снаряд пролетел с шелестом над кораблями и упал справа по носу «Даная». Стрельба велась беспорядочно. Вокруг нас рвались снаряды, поднимались столбы дыма и воды. По правому борту полным ходом шли наши катера. Обстановка была опасной, сложной. Однако матросы действовали бесстрашно, четко выполняли свои обязанности. Только один из них не выдержал, размахивая кулаками, стал поносить врага соленой бранью. Луговой подошел к нему:

— Что ты, Вася, волнуешься? Тебя же беляки не слышат.

— Почему не дают команду стрелять? — раздраженно кричал он.

— Но ведь снаряды не долетят до врага, ты подумал об этом, садовая голова.

Матрос успокоился. В это время врангелевцы перенесли огонь на баржу, которая была оборудована под минный заградитель. Белые, видимо, решили, что в этом районе поставлены мины и преследовать нас опасно. Это была ошибка врага, мы воспользовались ею. Полным ходом стали уходить к кубанскому берегу — в Темрюк.

Часа через три отряд входил в мелководную, тесную гавань Темрюка. Механики доложили, что во время форсированного хода вышел весь запас угля.

Медведев, Луговой и я пошли на берег, чтобы узнать, где можно погрузить уголь и получить продовольствие. С трудом разыскали ревком. Нам сообщили о высадке белогвардейских десантов: в Приморско-Ахтырской станции, около Новороссийска, на Таманском полуострове. Советские и партийные организации в срочном порядке готовились к эвакуации.

С большим трудом достали немного продовольствия, а угля не было. Между тем обстановка осложнялась. С помощью ревкома обнаружили и реквизировали у спекулянтов несколько тайных складов с углем.

В это время налетели самолеты и стали бомбить наши корабли. Пришлось сняться с якоря и маневрировать в гавани. Летчики сбросили более десяти бомб, но, к счастью, прямых попаданий в корабли не было. Только на «Пугачеве» ранило матроса, а на «Данае» воздушной волной сбросило за борт фельдшера. Его так и не удалось спасти.

На горизонте показались вражеские корабли. Они блокировали выход из Темрюкского залива. Что делать? Посоветовавшись со мной, командир отряда решил ночью идти в Бердянск. Внезапно погода испортилась. С каждым часом крепчал ветер, ночью он перешел в шторм. Вместе с тем непогода стала нашим союзником.

В сумерки корабли скрытно вышли из гавани. Впереди шел «Данай». Вой ветра в снастях мачты заглушал человеческие голоса. Крутые волны бились о борта кораблей, заливали водой палубы. Брызги морской воды, будто песком, больно хлестали по лицам. Дышать было трудно. Сквозь шторм шли всю ночь. И только на рассвете ветер стал стихать. Улучшилась видимость, всеми красками засиял небосвод. Вдали показалась полоса берега. До Бердянска осталось идти недалеко. У всех было хорошее настроение.

И вдруг тревожная весть.

— По правому борту три корабля! — доложил стоявший на вахте Бахтадзе.

Сомнений ни у кого не было — врангелевцы. Противник шел полным ходом наперерез, намереваясь отрезать нас от берега. Уверенные в победе, белогвардейцы не открывали огня.

— Боевая тревога! — скомандовал Коваленко.

Наблюдая за кораблями, я думал, как перехитрить врага. Может быть, подойти на дальность огня наших пушек? Открыть огонь?.. Морское счастье улыбнулось нам: неожиданно загремели орудия 152-миллиметровой дальноточной батареи, защищавшей подход к Бердянску с моря. Батарея стреляла по заранее пристрелянным квадратам так, что с первых же выстрелов пространство вокруг вражеских кораблей покрылось взрывами снарядов. У про-

тивника поднялась паника, нарушился кильватерный строй кораблей. Они поспешно уходили в море.

— Обожглись, гады! — радовались матросы.

Прибытие наших кораблей в Бердянск стало радостным событием для населения города. Люди приходили в порт, беседовали с матросами, командирами, детишки толпились на пирсе с утра до вечера. Ревком города преподнес морякам подарок — прислал живых баранов, фрукты, овощи. Бердянск понравился нам чистой улицей, зеленым нарядом. Но порт бездействовал — заржавели краны, территория заросла травой. Причалы пусты, только в глубине гавани стояло на приколе небольшое рыбацкое судно.

Командир отряда доложил штабу флотилии обстановку. Был получен приказ: срочно идти в Мариуполь. Наступил вечер. Солнце коснулось горизонта. Зюйд-вест рябил море. Под покровом темноты корабли вышли из гавани, взяли курс на Мариуполь. Судьба готовила нам новое испытание. После часового хода корабли попали в полосу сильного свечения воды. Морякам известно это редкое явление природы. Мы увидели удивительную картину: поверхность моря была как бы покрыта благородным, похожим на серебро, расплавленным металлом. Светились гребни волн, горизонт стал ярче, чем небо. Находящиеся в море неприятельские корабли были освещены, как прожектором¹.

Белогвардейцы открыли артиллерийский огонь, снаряды стали падать недалеко от нас... Внезапно свечение прекратилось, и мы оказались в сплошном мраке, только на горизонте светились еще вражеские корабли.

На рассвете мы обогнули Белосарайскую косу. В легком предрассветном тумане показались канонерские лодки «Буденный» и «Свобода», стоявшие в дозоре.

— Сигнальщик! Поднять опознавательный! — приказал Коваленко. Глаза его светились радостью. Да и как не радоваться после такого похода.

На рее мачты «Даная» затрепетал на ветру флаг-сигнал. Проходя мимо канлодок, мы увидели выстроенных на палубе матросов. Как только вахтенные просвистели на

---

¹ В морской воде в осеннее время появляются миллиарды мелких, невидимых простым глазом, живых организмов. Потревоженные волной или проходящими кораблями, они дают фосфорическое свечение. Скопица этих организмов перемещаются в море.

дудках «Захождение», слышались крики «ура». Наши матросы ответили радостными возгласами. Мне казалось, что нашему приходу радуются все: море, берег, вековые деревья у маяка, быстрокрылые чайки.

Ко мне подошел флаг-секретарь Тутаринов:

— За эти дни, товарищ комиссар, я понял, что такое Советская власть, большевики. Откуда только берется такая сила? Скажите мне.

— Трудовой народ и партия большевиков борются за свободу, за Советскую Родину, интересы у них одни. И ведет нас через все испытания товарищ Ленин, — ответил я ему.

В полдень мы вошли в гавань Мариуполя.

Как только пришвартовались, сразу же пошли с Медведевым в штаб флотилии. Здесь мы узнали новость: только сегодня сменилось командование. Вместо Гернета командующим флотилии назначили Хвидцкого. Комиссара Яблонского заменил Озолин. В штабе нам предложили подготовить донесение о постановке минного заграждения в Керченском проливе.

Вскоре я разыскал своих друзей: Дмитрия Степанова — комиссара корабля «Знамя социализма», Михаила Степанова — комиссара штаба флотилии. Побратски взволнованной, теплой была встреча с авроровцем Матвеем Осиным. Мы вспоминали друзей-балтийцев, выстраданное, пережитое.

После трудных морских рейдов мы снова на родной земле. А обстановка была тревожной, грозовой.

Для помощи 9 Красной Армии М. В. Фрунзе приказал командующему Азовской флотилией высадить в тылу у белых морскую бригаду и внезапно атаковать врага — десант Улагая.

На рассвете из Мариупольской гавани один за другим следовали корабли «Данай», «Пугачев» и «Пролетарий», тральщики и транспортные суда. Выстроившись в кильватерную колонну, они выходили в открытое море. За кораблями повисла черная косматая полоса дыма. Выполняя приказ, сторожевые корабли и транспорты с десантами моряков шли к берегам Кубани. На «Даная» в кают-компаниях собрались командиры и комиссары кораблей десантного отряда.

Командир дивизиона сторожевиков Федоровский, возглавивший отряд кораблей, сказал:

— Я прошу вас внимательно обсудить, как лучше пополнить приказ командующего, скрытно провести корабли по известному вам маршруту и внезапно высадить десант в тылу у белых.

Федоровский пристально посмотрел на командиров и комиссаров, сидящих за столом, ища ответа на тревожащие его вопросы. Слово попросил командир «Даная» Коваленко:

— Пройти можно протокой около косы Долгой. И только в тихую погоду. Я хорошо знаю этот фарватер.

Все внимательно слушали Коваленко. Он знает море, как свой дом. Его предложение одобрили.

— Вы, Николай Петрович, будете лоцманом на протоке, — сказал Федоровский.

Командиры и комиссары возвратились на свои корабли. Федоровский и Коваленко поднялись на мостик. К ним подошел сигнальщик:

— Товарищ командир дивизиона, справа по носу на горизонте наши канонерские лодки, идут своим курсом.

Мы взяли бинокли.

— Впереди «Знамя социализма», — сказал Федоровский. — По плану боевой операции корабль будет прикрывать нас с моря во время высадки десанта.

На горизонте показалась коса Долгая.

— Поднять сигнал «Идти точно в кильватер», — передал Коваленко.

Узкая полоса протоки незаметна, ее можно разглядеть только подойдя вплотную. «Данай», поднявший на нее сигнал «Малый ход», медленно входил в протоку. На носу корабля стоял впередсмотрящий, он измерял фарватер.

— Девять футов. Восемь с половиной. Десять футов! — кричал он через каждые две-три минуты.

— Мелковато, — отметил Федоровский.

Через несколько минут флагман вышел из протоки в открытое море. За ним следовали другие корабли.

Вскоре повернули по направлению к берегу. После полудня показались дома и сады станицы Камышеватской.

— Боевая тревога! —скомандовал Федоровский. Звук горна разнеслись над морем. Матросы быстро заняли свои посты. С пушек мгновенно сняли чехлы. Заиграли тревогу и на других кораблях.

На берегу, в станице, было тихо и безлюдно.

На мачте «Даная» подняли боковой сигнал, он пламенем затрепетал на ветру. Прозвучал пушечный выстрел, и сразу же загрела канонада. На берегу, у станицы, взметнулись облачка пыли и дыма. Противник ответил артиллерийским и пулеметным огнем. Вблизи сторожевиков рвались снаряды, вздымая фонтаны воды. Свистели осколки.

— Немедленно подавить огонь белых, иначе мы не высадим десант, — распорядился Федоровский, разглядывая в бинокль берег. — Сигнальщикам определить позиции артиллерии противника.

Мы с командиром бригады моряков И. К. Кожановым спустились с мостика. Палуба «Даная» была заполнена матросами-десантниками. Несмотря на стрельбу, многие спали. Несколько матросов оживленно разговаривали. Мы остановились около них.

— Товарищи, с места не сходите, — послышался чей-то встревоженный голос. — Побьют всех, как куропаток.

— А коли дрейфишь, сидел бы дома, на берегу, — сердито отозвался сидевший ко мне спиной матрос.

Я узнал в нем авроровца Владимира Щербакова.

Балтиец продолжал:

— На земле, конечно, куда спокойней, можно и в яме спрятаться.

Мы с Кожановым переглянулись.

— Орлы! — сказал командир бригады. — С такими людьми и горы перешагнем.

— Так это же авроровец Щербаков, — сказал я. — Наш революционный матрос.

Меня радовало, что среди десантников есть и наши авроровцы — Василий Круг, Леонид Корольков и другие. В Днепровской флотилии воевал Сепп.

Вражеские пушки, подавленные артогнем кораблей, замолчали. Тральщики с основными силами десанта подошли ближе к берегу. Началась посадка в шлюпки. Десантники проворно спускались в них с кораблей и быстро, без суеты усаживались. Установленные на головных шлюпках пулеметы вели ураганный огонь по берегу. Шлюпки еще не подошли к берегу, а матросы уже прыгали на ходу в воду и с криками «ура» устремились на позиции врага. Заговорили вражеские пулеметы. Один за другим, сраженные свинцовым огнем, падали десантники. Но уже

ничто не могло остановить атакующих. Морские пехотинцы вступили в рукопашный бой с белогвардейцами.

Сторожевики перенесли огонь на околицы станицы и на подходы к ней.

Вскоре с моря послышалась сильная артиллерийская стрельба. Начался морской бой. В небе появился врагелевский самолет. Сторожевые корабли открыли по нему огонь из зенитных пулеметов. Самолет сбросил десяток бомб. К счастью, ни одна из них не поразила цель.

На мачтах тральщиков подняли сигнал «Высадка десанта закончена». К пристани пришвартовалось несколько пароходов. С них выводили коней, выгружали оружие.

Еще через несколько минут с берега передали: «Станица занята. Белые отступают. Захвачены трофеи».

— Прекратить огонь! Сигнальщику дать красную ракету, — приказал Федоровский.

На горизонте канонерские лодки, оставляя за собой дымок, выходили из боя. Они безупречно выполнили задание: надежно прикрыли высадку десанта.

— Ну и всыпала же братва белякам! — сказал повеселевший Федоровский.

Отряд кораблей, выстроившись в кильватерную колонну, возвращался на свою базу знакомым маршрутом. Ветер крепчал с каждой минутой. Над кораблями нависла черная грозовая туча. Начинался шторм. Порывистый ветер гнал крутые волны, они яростно бились о борта кораблей.

Протокой идти было нельзя. Пришлось вести корабли морем. Наступила тревожная ночь. Ветер все усиливался. Волны перекатывались через палубу «Даная». Шум шторма заглушал голоса людей. Матросы стойко несли вахту, бесстрашно боролись с морской стихией.

...Через несколько дней после высадки десанта корабли вновь вышли в море. Азовская флотилия шла, огибая Обиточную косу.

— На горизонте, справа по носу, дым! — доложил сигнальщик «Даная».

Дивизион сторожевых кораблей в составе «Даная», «Пугачева» и «Пролетария» шел впереди флотилии. Через несколько минут показался наш тральщик, проверявший фарватер. По донесению разведки, противник поставил минные заграждения. Я смотрел за борт корабля, казалось, вот-вот под килем появится рогатая мина.

Но вот на мачте одного из тральщиков блеснул световой сигнал.

— Флотилия вышла из района минных полей, — докладывал старшина Бахтадзе.

Корабли, благополучно пройдя опасный район, набирали скорость.

Минула тревожная ночь, наступило пасмурное утро. Горизонт закрывала серая мгла. Дул легкий ветер. Неожиданно вдаль показались два вражеских корабля. На канонерских лодках горнисты сыграли боевую тревогу.

Я рассматривал в бинокль наши канонерки. Было видно, как матросы занимают боевые посты. На «Данае» комендоры сняли чехлы с пушек, зарядили их.

— Сигнальщики! Что передают с «Буденного»? — спросил Федоровский.

Перед нами стояли на якоре белогвардейские канонерские лодки «Салагирь» и «Джигит». Видимо, в предрастветной мгле враг не заметил наших кораблей, которые подошли к нему на расстояние 40 кабельтовых и правым бортом открыли огонь. И хотя наш удар был внезапным, враг огрызнулся орудийным огнем и поспешно снимался с якоря. Погоня за быстроходными канонерками была бесполезной.

Вскоре на горизонте показались дымы. Семь боевых кораблей насчитали Федоровский и Коваленко. Это были канонерки врангелевского флота «Урал», «Салагирь», «Гайдамак», «Джигит», эсминец «Зоркий» и два сторожевых корабля.

На врангелевских кораблях блеснул огонь, долетел звук артиллерийского выстрела. Заговорили наши пушки, началась артиллерийская дуэль. Море штормило. Вести прицельную стрельбу было трудно. И все-таки наши комендоры стреляли метко. Снаряды поразили цель. В разгар боя мы увидели, как эсминец «Зоркий» ринулся вперед. «Данай» принял сигнал командующего «Сторожевикам отбить торпедную атаку».

— «Пугачеву» и «Пролетарию» идти за мной уступом! Стрелять после «Даная», — приказал Федоровский.

Развернувшись полным ходом, сторожевики пошли навстречу эсминцу. На них обрушились вражеские снаряды. Комендоры сняли с себя бушлаты, остались в тельняшках. Быстро, напористо заряжали они пушки, в темпе вели огонь.

— Смоли им в борт! — кричал Луговой, размахивая кулаками.

Артиллерийская стрельба слилась в сплошной гул.

Наши комедоры нанесли врангелевцам серьезный урон. Над канонерской лодкой «Салагирь» поднялся столб огня и дыма. Когда он рассеялся, мы увидели: корма канонерки медленно погружается в воду. Вскоре корабль затонул на небольшой глубине. Над водой виднелась мачта, облепленная беляками. Артиллерийским огнем были повреждены и другие корабли противника. Шесть часов длился морской бой. Он закончился нашей победой. Враг поспешно отходил. Его потрепанные корабли взяли курс на Керчь.

Корабли флотилии: канлодки «Буденный», «Красная звезда», «Знамя социализма», «Свобода» и сторожевые корабли «Данай», «Пугачев» и «Пролетарий» возвращались на свою базу. Солнце клонилось к горизонту. Ветер утих. На море — тишина. Она казалась непривычной после оглушительной канонады. С канонерской лодки «Знамя социализма» донеслись звуки горна, игравшего традиционный сигнал «Спуск флага». На канлодке «Красная звезда» слышались звуки баяна. Им вторили удалые переборы гармошки-двухрядки. С «Даная» раздалась веселые и задумчивые матросские песни.

...Со времени этих событий прошло более полувека. Но время не тронуло забвением людей в бескозырках и бушлатах. Всегда будут жить в памяти советских людей их славные имена. Народ чтит подвиг тех, кто в пору сурового лихолетья на суше и на море защищал от врага молодую Советскую республику. Ее терзали голод, разруха, тиф, кровоточили раны, но боевой дух народа был непобедим. С ленинской верой в торжество правого дела шли мы в бой и побеждали белогвардейцев-золотопогонников, иностранных интервентов.

В память о боях на Азовском море в городе Мариуполе, ныне Жданове, несколько лет тому назад воздвигнут памятник-obelisk. На его торжественное открытие пригласили и нас, матросов-балтийцев, черноморцев. Постаревшие с сединой в волосах, но бодрые душой, встретились ветераны боев. То и дело слышались возгласы: «А помнишь, дружище, а помнишь?» С волнением я обнял

А. С. Неволин

Встретил я в Жданове и машиниста канонерской лодки «Красная звезда» Матвея Сидоренко, командира береговой батареи Михаила Долгова, комиссара с корабля «Кавказец» Кузнецова и других. Бравые моряки, будучи уже стариками, сохранили в себе запал матросской молодости, революционный дух. Так и хочется сказать о них: «Молодцы, закваска у вас флотская!»

Ветераны боев побывали в гостях у рабочих, молодежи, школьников города Жданова. Мне вспомнился Мариуполь 20-х годов. И тогда это был промышленный и портовый город. Но моя вторая встреча с ним поразила и взволновала меня куда больше. За годы пятилеток здесь выросли кварталы светлых домов. Особенно поразила меня индустриальная мощь города. Его громадные домны и мартеновские печи дают Родине миллионы тонн чугуна и стали. Вырос и Мариупольский порт. У его причалов швартуются современные теплоходы.

И всюду жители города встречали нас исключительно тепло, сердечно, с цветами, добрыми словами и улыбками. Говорят, что нет на свете краше морского братства. Однако братство между ветеранами революции и советской

и расцеловал Василия Федоровича Медведева, Давида Ивановича Бахтадзе. Сердечной и трогательной была и встреча с бывшим командиром канонерской лодки «Свобода» Федором Георгиевичем Родити. Бывалый моряк в 50-е годы, будучи капитаном дальнего плавания, прошел по многим морям и океанам. Расспрашивая меня о жизни, он сказал:

— Да, Саша, всем нам много лет. Но не сдавайся, дружище, будь здоров, всегда иди авроровским курсом...

Его слова, упоминание «Авроры» меня особенно взволновали и растрогали.

молодежью, поколениями советских людей — самое крепкое и прекрасное. Ведь оно родилось и закалилось в борьбе и труде.

С обнаженной головой стоял я у подножия памятника-обелиска и думал: «Да, как хорошо, что народ не забыл моряков-балтийцев, нас, авроровцев, сражавшихся на Азовском море в годы гражданской войны. Их имена будут вечно жить на мраморе и граните, в книгах и песнях, в памяти народной».

Через полвека на родном корабле.

Нити сердечного братства.

Судьбы авроровцев.

Красная площадь, 11 сентября 1966 года

Прошло шестьдесят лет с тех пор, как над революционным Петроградом прозвучал выстрел крейсера «Аврора». Его слышали на Дворцовой площади красногвардейцы, солдаты, моряки, его услышала разгневанная, бурлящая Россия. Эхо этого выстрела отдалось и далеко за пределами нашей страны.

Память сохранила великие и дорогие сердцу события тех дней. Для меня они не только исторические даты, вписанные в календари и энциклопедии, но и моя жизнь. Я принадлежу к поколению людей большой и суровой судьбы, к поколению, которому посчастливилось выбросить на свалку истории золоченый трон царского самодержавия с двуглавым хищным орлом, свершить самую справедливую и великую социальную революцию, поднять над страной пробитое пулями, обгаренное кровью борцов Знамя Советов.

Путь к Октябрю был длинным и тернистым. Он пролегал через подпольные марксистские кружки, забастовки пролетариата, баррикады, восстания солдат и матросов, каторгу для революционеров, через далекое сибирское село Шушенское. Ленинская мысль озаряла нам дорогу в будущее. Этот путь пролегал через непримиримую классовую борьбу пролетариата под руководством большевиков, борьбу партии с оппортунистами всех мастей.

О классовой борьбе я узнал не только из книг и прокламаций. Рос я в таежном уральском краю, среди гор и лесов, в горячковой среде. Тринадцатилетним пареньком в брезентовой куртке и лаптях спустился в шахту. С утра и до вечера при тусклом свете лампы рубал уголь. Здесь я познал цену рабочей копейки, краюхи хлеба, прочувствовал тяготы подневольного труда. Здесь я впервые ус-

лышал слова «революционер», «классовая борьба», «жандарм», «эксплуатация», «Российская социал-демократическая рабочая партия».

Так пачались университеты моей жизни. В канун первой мировой войны был призван на военную службу. С эшелоном новобранцев уехал я в Петроград. И вот здесь-то судьба на многие годы сдружила меня с Балтийским морем, с крейсером «Аврора»...

Недавно я побывал в Ленинграде — городе моей незабвенной матросской молодости, памятной по революционным боям. Волнуясь, всматривался в лица людей, в громады кварталов новых домов, в красоту площадей, станций метрополитена. Как сказочно вырос город! Я испытал чувство человека, возвратившегося в родные места, с которыми связаны воспоминания о юности, отчем доме, первой любви.

Не спеша шел вдоль Невы, любовался ее простором, гранитными набережными... А вот и Петроградская сторона. Ее вид напомнил о далеком и близком. Захотелось свернуть к угловому дому на Зелениной улице, что когда-то был для нас обетованным берегом — там жила семья питерского рабочего Афанасия Силыча Пермякова. Но где же этот дом? С болью в сердце узнаю от старых людей, что в дни блокады немецкая фугаска разрушила его. На перепутьях жизни затерялись и следы нашего задушевного друга, славного питерского пролетария...

Вернулся к Неве. Над ее гладью мелькали сотни разноцветных огней. Вот вдали виднеется родная «Аврора». Сердце забилось чаще. Подхожу к крейсеру. Стоящий на вахте у входного трапа молодой матрос спросил меня:

— Вам, товарищ, к кому?

— На крейсер, к вам в гости... — И назвал свою фамилию.

Матрос улыбнулся, радушно проговорил:

— А-а, отец, слышал о вас. Проходите.

И вот я снова на борту «Авроры». Кажется, ничего не изменилось здесь: так же до блеска надраена паяуба, те же орудия в чехлах, на ветру гудит рангоут корабля. Так же по утрам в одну и ту же минуту раздается команда «Флаг и гюйс поднять!».

По трапу спускаюсь в жплые палубы, где когда-то были каюты старшего офицера, священника, механика корабля. Здесь однажды мне объясняли увесистыми кула-

ками, в чем разница между матросом и царским офицером.

Меня встречает мой тезка, бывший комиссар «Авроры» Александр Викторович Бельшев. Взволнованные, мы внимательно разглядываем друг друга, обнимаемся, целуемся.

— Саша, жив-здоров! Рад за тебя, дружище, — хлопает меня по плечу Бельшев.

И как это бывает в минуты неожиданной встречи, забрасываем друг друга вопросами. Вспоминаем службу на корабле, пройденные пути-дороги, пережитое.

Нас приглашают в кубрик, где по традиции в честь Октябрьского праздника ветераны-балтийцы встретились с молодежью Ленинграда, матросами, нахимовцами. Седовласые авроровцы рассказали юным друзьям, какой постылой была служба в царском флоте, как проходили большевистскую школу на корабле, как с оружием в руках сражались за власть Советов. Ветераны вспоминали и о такой яркой странице в истории флота, как восстановление крейсера «Аврора» и других кораблей молодой Советской республики, участие родного корабля в первых заграничных походах.

Ветераны напомнили молодежи морской клич: «Так держать!»

И молодежь отвечала, что будет достойна дел своих отцов и дедов.

Сегодня «Аврора» не бороздит моря и океаны, она стоит на мертвом якоре. Но слава о легендарном крейсере (сейчас он стал кораблем-музеем) разнеслась по всей стране, перешагнула ее границы. Миллионы советских людей побывали здесь. Они приходят сюда, чтобы подышать воздухом революции, еще подробнее узнать историю легендарного корабля, поклониться подвигу героев-балтийцев. На корабле встречали посланцев народов более чем ста стран земного шара. Сыны и дочери Болгарии, Польши, Чехословакии, Китая, Кубы, Франции, Италии, Ирака, Аргентины, Бразилии, Бирмы, Кореи и других стран прошли по его палубе, ознакомились с его богатой историей.

На крейсере есть книга посетителей. В ней тысячи записей. Глубокого смысла полна запись, сделанная летчиком-космонавтом Советского Союза Германом Титовым: «Сейчас особенно хорошо чувствуешь, что первый выстрел

«Авроры» переключается со стартами наших космических кораблей».

С гордостью читаю я слова выдающегося деятеля международного коммунистического движения Пальмиро Тольятти: «Отсюда началась новая эра в мировой истории. Слава борцам, открывшим всему человечеству путь к освобождению, демократии, миру, социализму!»

Советские военные моряки, посещая прославленный крейсер, проникаются стремлением всегда безупречно выполнять свой патриотический долг, приумножать революционные и боевые традиции нашего народа. Об этом говорит такая запись: «Мы, группа моряков дважды Краснознаменного Балтийского флота, будучи в Ленинграде, с большим интересом посетили легендарный крейсер «Аврора» и ознакомились с его славной революционной историей. Посещение этого корабля, символа революции, надолго останется в нашей памяти.

Мы, военные моряки, полны решимости свято хранить и приумножать славные традиции нашего Военно-Морского Флота».

А сколько здесь подарков-реликвий! С чувством радостного волнения рассматриваю я произведение таджикских мастеров — шелковый ковер, на котором искусно выткан портрет Владимира Ильича Ленина. Французские друзья преподнесли в дар аврорцам портрет Пьера Дегейтера — автора гимна «Интернационал» и фотокопию пот его бессмертного творения. Группа зарубежных поэтов в день посещения «Авроры» оставила стихи о героических днях Октября. Здесь же я вижу многочисленные фотографии. На них запечатлены советские и зарубежные гости.

Нет, никогда не зарастет народная тропа к памятнику Великой социалистической революции!

За последние годы я много ездил по Советскому Союзу, сотни раз встречался с рабочими и колхозниками, студентами и школьниками, учеными, воинами Советской Армии. Я рассказывал им о героях революции, штурме Зимнего дворца, «Авроре». И всюду видел тысячи любознательных глаз, всюду ощущал теплоту и волнение дружеских сердец.

Посчастливилось мне побывать и в братской Чехословакии. На всю жизнь запомнились сердечные встречи с рабочими, крестьянами, школьниками, которым я рассказывал о революционном Петрограде 1917 года, о великом

Ленине. На торжественном собрании шахтеров мне вручили серебряную медаль ударника социалистического труда. Старый горняк при этом сказал:

— Ваша «Аврора» указала нам путь к новой жизни. Спасибо вам, дорогие русские братья!

Как вестники человеческого счастья летят ко мне письма со всех концов страны. Пишут ветераны боев и безусые комсомольцы, солдаты и школьники. Просят поделиться воспоминаниями о революционных днях Великого Октября, рассказать о себе, о своей жизни. Письма эти радуют и волнуют. Особенно волнуюсь я, когда получаю весточки от пионеров и комсомольцев.

«Наш исторический кружок готовится к юбилею Октября, — пишут комсомольцы училища механизации сельского хозяйства из Куйбышевской области. — Мы создали штаб красных следопытов. Приглашаем Вас в гости. Если можно, пришлите нам Ваше фото 1917 года, когда Вы служили на крейсере «Аврора».

С трепетным волнением читаю я весточки от друзей-авроровцев. Рассматривая фотографии храбрых матросов-балтийцев, с грустью сознаю, что иных уже нет в живых. Время не щадит никого, старость грузной ношей легла на наши плечи. А все же племя авроровцев крепкое, жизнестойкое.

В октябре 1917 года экипаж крейсера «Аврора» насчитывал 570 моряков, о чем свидетельствуют документы Центрального государственного архива Военно-Морского Флота в Ленинграде. Прошло шесть десятилетий.

Где же вы теперь, боевые побратимы?

На моем столе стопка конвертов. Вот порадовал теплым письмом бывший машинист корабля Александр Семенович Соловьев, ныне персональный пенсионер, проживающий в Днепропетровске. С радостным чувством всматриваюсь в размашистый почерк Николая Федоровича Ковалевского. Вспоминаю плечистого, чернобрового матроса, смелого и правдивого — не случайно же мы избрали его тогда членом судового комитета «Авроры». Слова дружеского приветия шлют из Ленинграда Иван Григорьевич Марушкин, из Черниговской области — Николай Капитонович Бублик. Семейными новостями делится и бывалый моряк волжанин Григорий Павлович Таратынов. Вернувшись с флотской службы, он много лет работал водолазом на Волге. Все они теперь на заслуженном отдыхе.

Советские люди, особенно молодежь, с чувством любви и глубокого уважения относятся к ветеранам революции, участникам штурма Зимнего дворца, к нам, балтийцам-авроровцам. Звание почетного гражданина города Вологды присвоено матросу нашего крейсера Петру Николаевичу Патрунову. Всеобщим вниманием окружен и бывший кочегар «Авроры», член судового комитета Архип Александрович Кулаков — почетный гражданин города Ртищева Саратовской области. В латвийском колхозе «Красное знамя», в городе Находка Приморского края, в селе Сосновка Кемеровской области, в городе Кирове земляки с большим интересом слушают рассказы авроровцев Готфрида Индриковича Эллинша, Артемия Петровича Махлая, Григория Ивановича Колмогорова, Александра Ивановича Бычкова.

Семья авроровцев дала Родине и ученых. В аудиториях Ленинградского механического института студенты слушали лекции бывшего мичмана профессора П. П. Соколова. А другой наш мичман — Л. А. Демип, служивший на крейсере в 1917—1918 годах, стал инженер-контр-адмиралом, доктором географических наук. За плодотворную работу по составлению и редактированию Морского атласа он удостоен звания лауреата Государственной премии.

Милые, славные друзья! Я помню вас молодыми, одетыми в бушлаты, бескозырки, на которых золотилось слово «Аврора». Но вот и к нам пришла старость. Мне, например, уже перевалило за восемьдесят. Но, несмотря на почтенный возраст, все мы остались молоды душой.

Я часто вспоминаю своих боевых товарищей Тимофея Липатова, Василия Круга, Карла Сеппа, Матвея Осина. Этих мужественных и стойких солдат революции давно нет в живых, но их подвиг бессмертен.

А разве можно забыть наших вожakov Андрея Николаевича Златогорского, Петра Ивановича Куркова, Константина Ивановича Душенова?

Хочется кратко рассказать об их судьбе. После революции и гражданской войны они работали и учились. Андрей Златогорский был механиком парохода, а затем начальником районных управлений Волжского и Камского бассейнов. Несколько раз избирался членом ВЦИКа. В 30-е годы в Севастополе я служил вместе с Курковым. Он был помощником командующего Черноморским фло-

том. Бывалый моряк, прошедший суровую флотскую школу, он пользовался уважением у матросов и командиров.

Матрос с «Авроры» Константин Иванович Душенов после гражданской войны закончил Военно-морскую академию. В течение нескольких лет командовал Северным флотом, проявил незаурядные организаторские способности и талант. Он учил моряков на маневрах водить корабли в Баренцевом море днем и ночью, не страшиться штормов. Еще в 1935 году он придавал большое значение подводным лодкам как мощному оружию современной войны.

Когда в 1941 году немецко-фашистские орды вторглись на родную землю, многие авроровцы снова взялись за оружие. Бывший кочегар корабля М. Т. Овчаренко защищал Севастополь. В окопах под Москвой мужественно дрался с врагом матрос Ф. А. Денисенко. Он прошел с боями дорогой солдата путь от Москвы до Берлина и был награжден боевым орденом. Уже в пожилом возрасте вступил в народное ополчение Д. И. Вацук. С автоматом в руках защищал он колыбель революции — Ленинград. Что касается меня, то я всю войну провел на Северном флоте.

Война не бывает без жертв. В боях с врагом смертью храбрых пали Г. И. Гладких, И. Л. Руденко и другие авроровцы. Во время блокады Ленинграда погиб радист «Авроры» Федор Никифорович Алопцев — тот самый, который передал в эфир первые исторические декреты революции.

На фронтах Отечественной войны сражались не только люди с «Авроры». В стане врага рвались снаряды, выпущенные орудиями корабля-ветерана.

...Грозный 1941 год. Фашистские дивизии рвутся к Ленинграду. Вместе с пехотинцами мужественно стоят на сухопутных рубежах военные моряки. Чтобы усилить оборону, командующий Балтийским флотом приказал снять с «Авроры» девять дальнобойных орудий и установить их на склонах высот между Дудергофом и Пулковом. На подступах к городу революции две батареи — «Аврора» и «Большевик». Они обрушивают на гитлеровские войска разящий металл тяжелых орудий, срывают яростные атаки, наносят им тяжелый урон.

В этих боях комендоры батарей совершили бессмертный подвиг, достойный героев революции. До последнего снаряда сражался орудийный расчет лейтенанта Алексея

Смаглия, уничтоживший более ста вражеских солдат и офицеров. Но все же гитлеровцам удалось окружить и захватить раненых артиллеристов. Фашисты привязали их к орудию, облили бензином и подожгли. Герои погибли, но не уступили ни пяди родной земли. Ныне на рубеже, политом кровью балтийцев, установлен обелиск. На нем золотом написаны имена защитников невиской твердыни.

Орудия с «Авроры» были установлены также на бронепоезде «Балтиец», кораблях Чудской военной флотилии. Они разговаривали с врагом голосом огня и металла.

Сам крейсер стоял в то грозное время в нескольких километрах от линии фронта — в Ораниенбауме. Изо дня в день на корабль обрушивался мощный огонь врага с воздуха и суши. Одним только своим существованием исторический крейсер вызывал бешеную злобу у гитлеровцев. Но и в этих трудных условиях команда «Авроры», насчитывавшая всего лишь восемнадцать человек, продолжала героически сражаться.

Широко известна наша флотская традиция — ни при каких обстоятельствах не спускать флага перед противником, не щадя жизни, беречь честь корабельной святыни. Следуя этой традиции, замечательный подвиг совершил в годы Великой Отечественной войны авроровец старший матрос Арсений Волков.

В один из августовских дней 1943 года, во время сильного артиллерийского обстрела, вражеский снаряд разорвался на юте крейсера «Аврора». Осколком сбило кормовой флаг, и он упал в воду. Несмотря на сильный обстрел, рискуя жизнью, Волков мгновенно бросился в воду, поднял сбитый флаг и водрузил его на флагштоке. За спасение флага старший матрос Волков был награжден медалью «За отвагу».

...По дороге революции, сквозь огонь гражданской и Великой Отечественной войн прошел я с героями своей книги. Ее страницы рождались в суровых морских походах, в боях социалистической революции, в борьбе с белогвардейщиной и иностранной интервенцией. Не отклоняясь от суровой правды, я рассказал о том, что выстрадал, пережил, видел своими глазами.

От сердца к сердцу, от одного поколения к другому передаем мы нашу верность светлым идеалам Октября, любовь к Родине, уважение к героям гражданской и Отечественной войн, славных трудовых пятилеток.

С новой силой я почувствовал преемственность поколений на Красной площади 11 сентября 1966 года. В этот большой и волнующий день здесь, у ленинского Мавзолея, состоялся Всесоюзный слет юных победителей похода по местам революционной, боевой и трудовой славы. Под торжественный перезвон Кремлевских курантов над Красной площадью вставало утро нового дня. С разных меридианов и параллелей Советской страны — с севера и юга, запада и востока собрались здесь энтузиасты похода, в котором участвовало 10 миллионов юношей и девушек.

У зубчатых стен древнего Кремля в тот памятный день встретились люди разных поколений: поседевшие ветераны революции, храбрые чапаевцы, лихие буденновцы, строители Магнитки и Комсомольска-на-Амуре, воины, поднявшие в берлинском небе алый стяг великой Победы. И рядом — их дети и внуки. Они еще совсем юны, безусы. Я смотрел на них с отцовской завистью и думал: как хорошо быть молодым, чувствовать, что ты поднимаешься в гору, а перед тобой открывается такой простор, такие дали, что дух захватывает.

И еще думалось мне о большом и благородном деле, за которое взялись участники столь торжественной встречи на главной площади страны. Только перед отъездом в Москву я прочитал в газете о судьбе нашего комендора Евдокима Огнева. И то, что многие годы для нас было загадкой, разведали красные следопыты.

Мы знали, что Евдоким Павлович Огнев во время гражданской войны командовал на Дону партизанским отрядом и погиб в бою с белоказаками весной 1918 года. При каких обстоятельствах погиб он, где его могила — этого нам выяснить не удавалось. И вот за дело взялись ребята с донского хутора Веселый и школьники одной из ростовских школ. Деревенские ребята сразу же избрали верный путь: раздобыли адреса участников гражданской войны, встретились со многими из них. Боец отряда Огнева и очевидец его гибели рассказал, как было дело. Погиб авроровец в жарком бою у хутора Казачий от руки предателя, пробравшегося в отряд. Городские ребята нашли могилу комендора. На заработанные ими деньги изготовлен обелиск из нержавеющей стали, приобретена мраморная плита. На обелиске высечены волнующие слова о славном подвиге нашего сослуживца.

Меня пригласили в Москву на слет молодости не толь-

ко в качестве гостя. В Центральном Комитете ВЛКСМ сказали: «Вас, Александр Соломонович, мы попросим пропестить по Красной площади Знамя «Авроры».

И вот настали эти незабываемые минуты. Серебристо-звонко звучат фанфары. Радиорепродукторы разносят над площадью команду: «Знамена славы внести!» Под звуки революционного марша «Смело, товарищи, в ногу» колонна знаменосцев движется к ленинскому Мавзолею. Над моей головой развевается святыня легендарного крейсера «Аврора», которую мы пронесли над морями и океанами, сражаясь с врагами Родины. Под этим Знаменем в октябре 1917 года корабль на Неве, у Николаевского моста, нацелил пушки на Зимний дворец, возвестил о штурме старого мира. Сейчас я прохожу Знамя «Авроры» мимо Мавзолея, на трибуне которого находятся руководители партии и правительства, маршалы, космонавты, ветераны войны и труда. Рядом со мной шагают ветераны Вооруженных Сил — Герои Советского Союза генерал-полковник Н. М. Хлебников, делегат III съезда комсомола генерал-лейтенант авиации Н. А. Соколов-Соколенок. Он несет стяг Первой Конной. Над Красной площадью колыхается Знамя героического полка, штурмовавшего Берлин в мае 1945 года. Под ним шагают прославленные воины: Михаил Егоров, Константин Самсонов, Мелитон Кантария. Это они водрузили над поверженным рейхстагом Знамя Победы.

Торжественно, чеканно звучат слова клятвы юности:

— Здесь, на Красной площади, у священных стен Кремля, мы, внуки тех, кто штурмовал Зимний, дети сокрушивших рейхстаг, от имени нашего поколения сердца-ми своими присягаем на верность делу Ленина, делу партии, делу Октября!

Слушая клятву молодых, я вспомнил Дворцовую площадь Петрограда, залпы красногвардейцев и матросов по Зимнему, дорогих моих балтийцев в бушлатах, ночь, которая вошла в историю...

А хор голосов торжественно продолжал:

— Отсюда, с Красной площади, уходили на смертный бой наши отцы. Здесь к подножию Мавзолея были брошены знамена поверженного фашизма.

Святостью братских могил,

Сединами матерей наших,

Радостью победы клянемся быть достойными бессмер-

тия отцов и по первой тревоге, под оваянными славой Знаменами, пойти в бой и победить!

В эту минуту меня волновало все: строгое и торжественное величие площади, шелест Знамен, ребята в красных галстуках, трепетные слова клятвы...

И снова нахлынули воспоминания. Я вспомнил бурлящую Москву в дни Великого Октября, отряды революционных рабочих, баррикады на улицах, зияющие пробоины от снарядов в Кремлевской стене.

В разные годы бывал я на Красной площади, любовался ее красотой. Но в сентябрьский день 1966 года я увидел родную площадь с неожиданной стороны: она как бы обняла, приласкала и седовласых ветеранов, и ребятишек в пионерских галстуках, приняла людей разных поколений — отцов, детей, внуков, правнуков. Все это было так радостно и трогательно до слез.

В столице у меня было много встреч с ветеранами революции, с молодежью, с героями минувших сражений. Старший научный сотрудник музея крейсера «Аврора» капитан 1 ранга Геннадий Павлович Бартев рассказал мне о том, как годы продолжают писать историю легендарного корабля. Много поведал он мне о сегодняшней жизни флота. Как же радовалась моя морская душа, когда я узнал, что наши атомные подводные лодки совершили героический рейд под водой вокруг земного шара! Не всплывая на поверхность моря, они прошли 40 тысяч километров. Да, советский человек обгоняет самую смелую фантазию. И все подвиги на море, в космосе, на строительных площадках пятилетки творят наши дети и внуки — потомки героев революции.

Встретился я и с земляком-уральцем, старым коммунистом Иваном Алексеевичем Искрой. Мы вспоминали былое, родной край, делились впечатлениями о слете молодых энтузиастов. Иван Алексеевич, в прошлом секретарь райкома партии, размышлял вслух:

— Подумать только, ведь уже три четверти населения СССР родились после Октябрьской революции. Да, какая у нас молодая страна!

Мы сидели с Иваном Алексеевичем в гостинице «Юность». Включили радио, слушали музыку, песни. Диктор звучно читал стихи поэта-героя Мусы Джалиля:

Стоит жить, чтобы в земле врезать
След поглубже, позаметней,

Чтоб твое осталось дело,
Словно дуб тысячетелный.

...Годы, годы, десятилетия... Они чем-то напоминают мне родные Уральские горы. И чем выше поднимаешься по их склонам, к зеленеющим вершинам, тем шире открываются горизонты будущего. Вот уже и десятая пятилетка взяла свой разбег по компасу XXV съезда КПСС. Осталась позади дорога моей жизни длиною более чем восемь десятилетий. Вот уже шестьдесят лет я иду в рядах славной ленинской партии и горжусь этим. Партия — моя жизнь, а я ее солдат. Другого счастья я не знаю. Как дорогую реликвию храню делегатский мандат XXIV съезда КПСС. Он хранится в музее крейсера «Аврора».

Судьба даровала мне счастье — в 1917 году не раз видеть и слышать Владимира Ильича Ленина. Мы, балтийские матросы, как и весь трудовой народ, по-сыновьи любили Ильича, верили ему. Мы душой тянулись к ленинской правде, к его слову, учились у Ильича твердости и непримиримости к врагам революции. Незабвенный облик человека, борца, мыслителя я храню в своем сердце как самое дорогое и часто рассказываю о нем молодежи.

Для меня большое удовольствие читать и перечитывать книги Ленина, и не только его большие произведения, но и речи, письма, заметки. Листая труды вождя, я вновь и вновь вспоминаю выступления Ильича у Финляндского вокзала, на Путиловском и Франко-Русском заводах, за Невской заставой. Об этих счастливых часах моей жизни я рассказываю всегда с большим волнением.

Хочется заглянуть в будущее, немножко помечтать. Пройдут годы. Люди научатся управлять могучей энергией атома, познают тайну клетки, с межпланетных кораблей высадятся на Марс и Венеру, возведут величественное здание коммунизма. Но я верю, они не забудут год тысяча девятьсот семнадцатый, красногвардейцев и матросов, штурмовавших Зимний дворец. Но я верю, они никогда не забудут человека грозного семнадцатого года. Я буду счастлив, если мои воспоминания хотя бы немного помогут познать людей революционного племени, приметы тех незабываемых лет.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Об авторе и книге	5
Встреча с «Авророй»	7
Перед грозой	27
Под ленинским знаменем	50
Неугомонный не дремлет враг	62
На штурм Зимнего	74
Защищаем революцию	93
В поезде Главкома	104
Уроки бдительности	113
Курс на Север	128
Бои в тайге	146
Мятеж на фортах	167
У стен Петрограда	195
На море Азовском	207
По фарватеру истории	228

ИБ № 964

Александр Соломонович Неволин
АВРОРОВЦЫ

Редактор *Г. Н. Агеев*
Художественный редактор *В. Н. Клюева*
Художник *Н. И. Шевцов*
Технический редактор *М. В. Федорова*
Корректор *Л. Л. Пушкова*

Г-92016. Сдано в набор 21.7.76 г. Подписано в печать 17.1.77 г.
Формат 84×108/32. Печ. л. 7½. Усл. печ. л. 12,6 Уч.-изд. л. 12,723
Изд. № 1/2293. Бумага тип. № 1. Тираж 40 000 экз. Зак. 215
Цена 62 коп.

Воениздат
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3